ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 27 (5093)
2 июля
1986 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С 1929 г.
ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
ЦЕНА 20 коп.

VIII СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ОБРАЩЕНИЕ К ПИСАТЕЛЯМ МИРА

Забота о судьбах мира и человечества, сохранении гуманистических ценностей побуждает нас обратиться к вам с этим посланием. Горизонт планеты затянут черными тучами ядерной грозы.

Любой художник мечтает, чтобы его произведение выдержало испытание временем. Но если сегодня мы все вместе не скажем своего слова против нарастающего безумия империалистических кругов, готовых жертвовать судьбами целых народов, сколь трагичным будет исход всего, что тысячелетиями создавали цивилизации на нашей планете.

Так неужели мы бессильны образумить тех, кто покушается на величайшую общечеловеческую ценность — мир!!

Писателю не остановить полет ракеты с ядерным зарядом. Но сегодня его талант и воображение нужны более чем когда бы то ни было. Великим оружием Слова он может содействовать созданию такой атмосферы в мире, такому объединению индивидуальных и коллективных усилий, которые смогут преградить путь милитаризму и агрессии, предотвратить роковое развитие событий.

Советский Союз никому не угрожает, мы хотим жить в мире со всеми. Мы доказываем это самим образом нашей жизни, нашим мирным строительством, мирными планами и нашей литературой. Творчество советских литераторов всегда питали дела и чаяния народа. Сейчас эти истоки особенно полноводны. Все, кто непредвзято следил за работой писательского форума, не могли не видеть этого. Нас радуют те же успехи, тревожат те же заботы, что и всех советских людей. И главнейшая из главных забот — мир.

Наши и ваши воззрения на многие проблемы могут различаться. Но ни один здравомыслящий писатель не хочет, чтобы мир был взорван войной. Эта угроза должна быть отведена ценой всех человеческих усилий.

Угроза ядерной катастрофы велика, но не представляется нам фатальной неизбежностью. Во всем мире людей доброй воли воодушевляют мирные инициативы нашей страны. Они видят в них основу для великого перелома от войны к миру, от разрушения к созиданию.

Мы призываем писателей планеты к сотрудничеству во имя идеалов добра и справедливости, к активным действиям в защиту мира. Чем активнее будет эта гуманистическая деятельность, тем труднее станет силам милитаризма поддерживать ненависть, разрушать духовное единство людей, мирный диалог народов, готовить психологические и «звездные» войны.

Наш мир сложен, противоречив, подчас жесток. Но сама жизнь прекрасна. Ее можно и нужно улучшать, но главное сегодня — спасти. Спасти наших детей, наше будущее и прошлое. Ради этого стоит объединить усилия, возвысить свой голос, отдать все свои силы и талант.

Мы надеемся, что наше Слово к вам, уважаемые коллеги, будет воспринято с пониманием того, что это обращение проникнуто заботой о счастливом будущем всех людей на земле.

VIII СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Делегаты съезда идут на заключительное заседание

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ВРЕМЕНЕМ

Дневник съезда

«Не отгораживаться от тревог современного мира, от жизни народа — такова позиция, на которой твердо стоят советские литераторы.

Пять дней — с 24 по 28 июня — в Москве работал VIII съезд писателей СССР.

Чувством ответственности за судьбы советской культуры, ее духовный климат общества была пронизана творческая дискуссия, развернувшаяся на съезде.

В деловой, откровенной, взыскательной атмосфере проходило обсуждение важнейших задач, выдвинутых временем перед художниками слова.

Как уже сообщала «Литературная газета», в первый день в Большом Кремлевском дворце делегаты заслушали отчетный доклад правления Союза писателей СССР, доклады Центральной ревизионной и мандатной комиссий, выступления первых участников прений.

25 июня работа съезда продолжалась в комиссиях: прозы (руководитель А. Иванов), поэзии (руководитель Е. Исаев), литературно-художественной критики (руководитель В. Озеров), драматургии (руководитель Г. Боровик), детской и юношеской литературы (руководитель С. Михалков). На этих заседаниях выступили 138 человек. Об итогах работы было сообщено руководителями комиссий на пленарном заседании 26 июня (от комиссии по детской и юношеской литературе выступил А. Алексин).

В развернувшихся на съезде прениях участвовали 52 делегата. 25 и 27 июня выступали А. Вознесенский, Я. Петерс, В. Розов, В. Шугаев, председатель Госкомиздата СССР М. Ф. Ненашев, Ю. Друнина, Е. Евтушенко, В. Петросян, Д. Лихачев, М. Канович, А. Мишарин, П. Боцу, В. Бэкмэн, Р. Рождественский, М. Ганина, М. Ибрагимов, Ю. Семенов, А. Мирзагитов, К. Взнашенин, Б. Можаев, Е. Шевелева, В. Распутин, П. Проскурин, В. Карпов, В. Белов, О. Сулейменов, К. Скворцов, Ю. Прохоров, Д. Кугультинов, А. Проханов, К. Курбаниязов, А. Адамович, Г. Троепольский, В. Амлинский, Т. Миннуллин. Все выступления публикуются в сегодняшнем номере (по сокращенной стенограмме).

Принимается решение прекратить прения.

Съезд одобрил деятельность Союза писателей СССР за отчетный период и признал работу правления союза удовлетворительной.

В резолюции съезда его делегаты призвали каждого советского литератора активно, во всю силу своего дарования, гражданской ответственности вносить достойный вклад в осуществление программных целей, определенных XXVII съездом КПСС.

Затем делегаты приступили к выборам руководящих органов Союза писателей СССР.

Посланцы многих стран мира присутствовали на форуме советских литераторов. С приветствиями к VIII съезду писателей СССР обратились Л. Левчев (НРБ), Л. Отеро (Куба), Нгуен Динь Тхи (СРВ), Альдо де Яко (Италия), Д. Цадзе (МНР), Ким Ен Вон (КНДР), В. Жуковский (ПНР), М. В. Шульц (ГДР), Г. Д. Панджшери (ДРА), Я. Коляр (ЧССР), Д. Р. Попеску (СРР), П. Д. Смит (США), М. Вуксанович (СФРЮ), Али Окла Орсан (Сирия), А. Браво (Никарагуа), А. Ботелью де Васконселуш (Ангола), Абдель Амир Мулалля (Ирак), а также представители международных литературных организаций Б. Сахни (АПАА), Ф. Пол (ВОНФ), А. Лилова (ФИТ).

Делегаты VIII съезда советских литераторов единодушно приняли обращение к писателям планеты.

Председательствовавший на заключительном заседании 28 июня М. Дудин, обращаясь к делегатам съезда, сказал:

— Наш съезд подходит к концу. В течение пяти дней на съезде шел взыскательный, требовательный, нелицеприятный разговор о путях дальнейшего развития нашей литературы, о повышении ее роли в духовной жизни народа.

Я думаю, что выражу мнение всех делегатов съезда, если скажу, что наша работа завершается успешно и дает основания для того, чтобы каждый из нас в своей писательской организации и в литературе в целом еще более целеустремленно, высокоталантливо, высокохудожественно отображал жизнь народа, помогал партии в период того крутого перелома, который переживает наше общество.

Съезд подтвердил необходимость писательского дела в жизни нашей Родины, в этой великой мозаике утверждения жизни нашего народа и всего современного человечества со всеми его проблемами трагического и оптимистического значения. Мы остаемся верны идеалам утверждения жизни на дорогах ее совершенства.

Один из старейших строителей литературы нашего ленинского братства Николай Семенович Тихонов писал:

Наш век пройдет.
Откроются архивы,
И все, что было сокрыто
до сих пор,
Все тайные истории изъяны
Покажут миру сплаву и позор.
Богов иных тогда
померкнут лики,
И обнажится всякая беда.
Но то, что было
истинно великим,
Останется великим
навсегда.

Нам надо хранить это великое прекрасной свободой наших талантов, потому что слово есть наше дело, потому что дело есть наша жизнь.

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Без прошлого нет будущего.

А завтрашний день требует от нас все свои таланты и страсть наших талантов положить на алтарь нашего Отечества и правдой жизни и всей совести наших душ помочь современному человеку в поисках истины своего бытия. Нам надо жить и творить, не жалея себя ради жизни на земле, ради расцвета человека, его разума.

Разрешите заверить нашу партию, ее Центральный Комитет, что мы, советские писатели и впредь, как это было всегда, отдадим свои силы, талант, знания делу партии и делу коммунизма.

На заседании присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС Ю. П. Воронов.

○●○

Правление Союза писателей СССР устроило 28 июня в Кремлевском Дворце съездов прием по случаю завершения работы VIII съезда писателей СССР.

На приеме были секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС Ю. П. Воронов, делегаты и гости съезда, представители партийных, советских и общественных организаций, деятели культуры и науки.

К собравшимся обратился первый секретарь правления Союза писателей СССР В. В. Карпов. От имени зарубежных гостей съезда выступил М. Хубви (ВНР).

РЕЗОЛЮЦИЯ СЪЕЗДА

VIII съезд писателей СССР собрался в то время, когда наша страна переживает переломный этап в своей истории. Выработанная XXVII съездом партии стратегия на ускорение социально-экономического развития получила единодушную поддержку советского народа, вызвала движение во всех сферах — политической, экономической, духовной.

Партия собственным примером дает урок принципиальности и правды, призывает к активному участию в борьбе за новое качественное состояние общества, выражает глубокую веру, что в этой очищающей, революционной по своей сути работе ярко проявит себя и нравственная сила советской литературы. На партийном съезде, а затем и на встрече Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с писателями подчеркивалось, что литераторы могут сыграть значительную роль в осуществлении психологической, нравственной перестройки, в борьбе с негативными явлениями.

VIII съезд писателей страны, представляющий многонациональную советскую литературу, единодушно и всецело поддерживает определенную XXVII съездом КПСС генеральную линию, считает, что Союз писателей СССР, как и другие отряды художественной интеллигенции, способен умножить свой вклад в созидательный потенциал социализма.

Состоявшаяся на съезде деловая, острокритическая дискуссия об актуальных проблемах литературного процесса, ответственности и месте писателя в перестройке общественного сознания, активизации «человеческого фактора», запечатлении новых явлений, которые рождает наша действительность, отвечает требованиям времени.

Съезд отмечает, что созданными в последний период лучшими произведениями советская литература достойно выражала свое высокое предназначение быть на переднем крае борьбы за сердца и умы людей, способствовала развитию социальной энергии, гражданской активности, утверждению высоких моральных идеалов и норм, чувства патриотизма и советского интернационализма. Лучшие романы, повести, пьесы, поэмы, работы публицистов, критиков и литературоведов стали для читателей настоящими уроками правды. Им присущи глубокое исследование жизни народа, возвышение человека борца, человека активного действия и чистой совести, реалистическое освоение исторического прошлого. Плодотворно продолжалось дальнейшее художественное осмысление темы героического подвига советского народа в Великой Отечественной войне. Уверенно проявляет себя поколение молодых писателей, наследующее традиции советской классики.

Съезд заявляет, что главное внимание сегодня должно быть сосредоточено на заботе о том, чтобы литература развивалась в соответствии с масштабами происходящего в стране обновления. Приоритет должен принадлежать такому творческому поиску, за которым стоит стремление к правдивому диалектическому анализу глубинных явлений действительности, возвышению истинно героического и развенчанию бездуховного.

Следует активнее ставить заслон на пути легковесности, приспособленчества, ремесленничества — всего, что произрастает на почве компромиссов совести художника и порождает поток произведений поверхностных, мелкотемных, идейно и художественно неполноценных. В отличие от истинно художественного творчества гладкопись и серость есть сами по себе застойные явления.

Имеются все основания призвать к решительному устранению серьезных недостатков литературной критики, в которой укоренились парадность, благодушие, чинопочитание. От того, как активно будет идти процесс перестройки в критике, в редакционных коллективах издательств и журналов, зависит идейно-художественное качество литературы, ее будущее.

Новые задачи требуют качественных перемен в стиле организаторской и политической работы руководящих органов Союза писателей СССР, республиканских творческих союзов, всех писательских организаций. Они призваны больше заботиться о формировании в литературной среде климата доверия, открытого обсуждения насущных вопросов литературной жизни, изживать инертность, бюрократизм и формализм. Необходимо поставить дело таким образом, чтобы выработка общественного мнения об авторах и произведениях, решения о наградах, премиях и других формах поощрения происходили не келейно, а гласно, на широкой демократической основе — по действительным заслугам.

Ответственность, возложенная на советских литераторов самой историей, сегодня возрастает.

Это требует от каждого непреклонности в утверждении принципов партийности и народности художественного творчества, постоянной и большой работы по повышению профессионального мастерства. Только на этом пути могут состояться приобретения и открытия, способные приумножить богатства духовной культуры нашего многонационального Советского государства.

Заслушав и обсудив доклад первого секретаря правления Союза писателей СССР тов. Маркова Г. М. «Никогда не отгораживаться от тревог современного мира, от жизни нашего народа», VIII съезд писателей СССР постановляет:

1. Одобрить деятельность Союза писателей СССР за отчетный период. Признать работу его правления удовлетворительной.

2. Правлению Союза писателей СССР, руководящим органам всех писательских организаций сосредоточить главное внимание на практической реализации положений и выводов XXVII съезда КПСС об ответственной роли литературы и искусства в работе по ускорению социально-экономического развития страны, борьбе за нравственное здоровье общества. Первостепенной задачей следует считать создание в творческом союзе такой атмосферы, которая способствовала бы развитию литературы, утверждающей правду жизни, возвеличивающей человека, смело берущего на себя ношу своего времени.

3. Считать важнейшим направлением деятельности писательских организаций, их руководящих органов осуществление конкретных мер по утверждению в литературно-художественной критике духа высокой принципиальности и объективности, точности оценок. Необходимо значительно усилить влияние на качественный уровень литературной печати, шире использовать мнение писательской общественности в оценке произведений, противодействовать безликости и комплиментарности критических публикаций, а также необоснованных разносов.

4. Провести необходимую работу по совершенствованию форм и методов воспитания молодых литераторов, повышению критериев при приеме новых членов в Союз писателей СССР.

Правлению СП СССР изучить вопрос и принять необходимые меры по дальнейшему совершенствованию работы Литературного института имени А. М. Горького.

5. Поручить правлению Союза писателей СССР обобщить предложения о новой редакции устава писательского союза страны и обсудить соответствующий вопрос на пленуме правления.

6. Обязать правление СП СССР глубоко проанализировать высказанные делегатами съезда, в докладах правления и ревизионной комиссии СП СССР предложения и замечания, в отчетные сроки определить и осуществить меры по их реализации.

VIII съезд писателей СССР призывает каждого советского литератора активно, во всю силу своего дарования, гражданской ответственности вносить достойный вклад в осуществление программных целей, определенных XXVII съездом КПСС.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР,

избранное VIII съездом

Абашидзе Г. Г.
Абашидзе И. В.
Абдумомунов Т.
Абу-Бакар А.
Авижюс И. К.
Адамович А. М.
Айлисли А.
Айтматов Ч. Т.
Акматов К.
Алексеев М. Н.
Алексеев С. П.
Алексин А. Г.
Алигер М. И.
Алиева Ф. Г.
Алимжанов А. Т.
Амашукели Р. Б.
Амлинский В. И.
Ананьев А. А.
Андреев Ю. А.
Андроников И. Л.
Антонов С. П.
Антропов Ю. В.
Ардаматский В. И.
Арипов А.
Астафьев В. П.
Ахмадулина Б. А.
Ахматова Р. С.
Ахтанов Т.
Ашимов А. У.
Бабаджан Р.
Бабаев Н. А. (Наби Хазри)
Бабаевский С. П.
Бакланов Г. Я.
Баруздин С. А.
Белов В. И.
Беляускас А. П.
Бердников Г. П.
Березиков Е. Е.
Бобков С. Ф.
Бондарев Ю. В.
Боровик Г. А.
Бородкин Ю. С.
Боцу П. П.
Браженас П. А.
Буравкин Г. Н.
Бурлаков С. Р.
Быков В. В.
Бэкман В. Э.
Вагабзаде Б. М.
Ваншенкин К. Я.
Васильев Б. Л.
Васильев И. А.
Вергелис А. А.
Верченко Ю. Н.
Викулов С. В.
Винокуров Е. М.
Вознесенский А. А.
Воронин С. А.
Воронов Ю. П.
Воронько П. Н.
Вышеславский Л. Н.
Гамзатов Р. Г.
Ганина М. А.
Ганичев В. Н.
Гилевич Н. С.
Глушко А. К.
Годенко М. М.
Гончар А. Т.
Горбачев Н. А.
Горбовский Г. Я.
Горышин Г. А.
Гранин Д. А.
Грибачев Н. М.
Грибов Ю. Т.
Григорян А. П.
Гулиа Г. Д.
Давтян В. А.
Дамдинов Н. Г.
Дангулов С. А.
Данилов С. П.
Дедков И. А.
Дементьев А. Д.
Дементьев В. В.
Долматовский Е. А.
Домбровский А. И.
Доризо Н. К.
Драч И. Ф.
Друнина Ю. В.
Друцэ И. П.
Дударев А. А.
Дудин М. А.
Дурдыев Х.
Евтушенко Е. А.
Еременко В. Н.
Есин С. Н.
Жуков В. С.
Жуков Ю. А.
Жунусов С. Н.
Загребельный П. А.
Залите М. Э.
Залыгин С. П.
Зарудный Н. Я.
Збанацкий Ю. О.
Зиедонис И. Я.
Зубков Г. И.
Зульфия
Ибрагимбеков М.
Ибрагимов М. А.
Иванов А. С.
Ильченко А. Е.
Исаев Е. А.
Ыырыт Я. С. Х.
Каверин В. А.
Казакова Р. Ф.
Каипбергенов Т.
Каладзе К. Р.
Калинин А. В.
Канивец В. В.
Каноат Мумин
Капутикян С. Б.
Каратаев М.
Карелин Л. В.
Карим Мустай
Карпов В. В.
Касымбеков Т.
Каюмов Л. П.
Кекильбаев А.
Кешоков А. П.
Ким А. А.
Книпович Е. Ф.
Князев Л. Н.
Козаченко В. П.
Козловский Я. А.
Козько В. А.
Козьмин М. Б.
Коломиец А. Ф.
Колосов М. М.
Колыхалов В. А.
Кондратьев В. Л.
Конецкий В. В.
Коновалов Г. И.
Коптяева А. Д.
Корбу Х. Г.
Корнилов В. Г.
Коротич В. А.
Костров В. А.
Кравченко А. И.
Крапивин В. П.
Кривощеков Л. Д.
Кросс Я. Я.
Крупин В. Н.
Кугультинов Д. Н.
Кудиевский К. И.
Кузнецов Ф. Ф.
Кулешов А. П.
Кулиев К. М.
Куранов Ю. Н.
Курбаннепесов К.
Куусберг П. А.
Лавлинский Л. И.
Лагунов К. Я.
Левада А. С.
Леонов Л. М.
Лиханов А. А.
Личутин Б. В.
Ломидзе Г. И.
Лордкипанидзе К. А.
Лубкивский Р. М.
Лупан А. П.
Ляпин И. И.
Малдонис А. М.
Марков Г. М.
Мамытов Ж.
Марцинкявичюс Ю. М.
Матусовский М. Л.
Мауленов С.
Мачавариани М. И.
Машбаш И. Ш.
Межелайтис Э. Б.
Межиров А. П.
Мингнаров Т. Б.
Миннуллин Т. А.
Мирзагитов А. М.
Мирошниченко Н. И.
Михайлов А. А.
Михалков С. В.
Мишарин А. Н.
Можаев Б. А.
Мороз А. Т.
Мотяшов И. П.
Мулдагалиев Д.
Муратбеков С. М.
Муртазаев Ш.
Мусиенко А. Г.
Мухаммадиев Ф. А.
Мухтаров А.
Мушкетик Ю. М.
Нагибин Ю. М.
Науменко И. Я.
Немченко Г. Л.
Николаев П. А.
Никольский Б. Н.
Нишнианидзе Ш. Г.
Новиков В. В.
Новиченко Л. Н.
Новрузов Д. М.
Носов Е. И.
Нурпеисов А. К.
Ованесян Р. К.
Озеров В. М.
Окуджава Б. Ш.
Олейник Б. И.
Островой С. Г.
Ошанин Л. И.
Павлычко Д. В.
Падерин Г. Н.
Панкин Б. Д.
Панченко П. Е.
Петерс Я. Я.
Петросян В. А.
Плетнев А. Н.
Поволяев В. Д.
Поляков Ю. М.
Попов В. Ф.
Попцов О. М.
Потапов Н. А.
Преловский А. В.
Прилежаева М. П.
Прокушев Ю. Л.
Проскурин П. Л.
Проханов А. А.
Распутин В. Г.
Рекемчук А. Е.
Решетников Л. В.
Рзаев А. Р. (Анар)
Рождественский Р. И.
Розов В. С.
Ругоев Я. В.
Рустам Сулейман
Рыбаков А. Н.
Рыбаков Н. Ф.
Рытхэу Ю. С.
Сагиян А. С.
Салынский А. Д.
Самсонов С. А.
Санги В. М.
Сартаков С. В.
Сафиева Г.
Сахнин А. Я.
Семенов Г. В.
Семенов Ю. С.
Сердюк Ю. А.
Сидоров Е. Ю.
Сийг А. К.
Силаев Б. Д.
Скворцов К. В.
Скомаровский В. П.
Скуинь З. Я.
Скурко Е. И.
(Максим Танк)
Сладков Н. И.
Слуцкис М. Г.
Смирнов О. П.
Смирнов С. В.
Соколов В. Н.
Сорокин В. В.
Сорокин Л. Л.
Софронов А. В.
Стаднюк И. Ф.
Старшинов Н. К.
Степанов В. А.
Субботин В. Е.
Сулейменов О. О.
Суровцев Ю. И.
Сыдыкбеков Т.
Тангрыкулиев К.
Тимонен А. Н.
Тлегенов Б. Т.
Троепольский Г. Н.
Уйгун (Атакузиев)
Умарбеков У. Р.
Унгарсынова Ф. У.
Ухсай Я. Г.
Файзи Рахмат
Файзуллаев И.
Федоренко Н. Т.
Федорив Р. Н.
Фирсов В. И.
Фокина О. А.
Фролов Л. А.
Халов П. В.
Ханзадян С. Н.
Хайрюзов В. Н.
Хашимов У.
Холопов Г. К.
Цицишвили Г. Ш.
Цыбин В. Д.
Чаклайс М. А.
Чаковский А. Б.
Чарквиани Д. А.
Чепуров А. Н.
Черниченко Ю. Д.
Чиботару А. И.
Чигринов И. Г.
Чиладзе Т. И.
Чобану И. К.
Чуев Ф. И.
Шамякин И. П.
Шатров М. Ф.
Шестинский О. Н.
Шинкуба Б. В.
Шихлы Исмаил
Шкляревский И. И.
Шогенцуков А. О.
Штейн А. П.
Шугаев В. М.
Шундик Н. Е.
Щипахина Л. В.
Эзера Р. Р.
Эмин Г. Г.
Юзеев И. Г.
Юсупов И.
Якубов А.
Яшен К. Н.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РЕВИЗИОННАЯ КОМИССИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР,

избранная VIII съездом

Аббасзаде Г. А.
Абдрахманова Т.
Абрамов С. А.
Абылкасымова М.
Автомонов П. Ф.
Агашина М. К.
Адаляч Н. М.
Акулов И. И.
Александровский В. Н.
Алешин С. И.
Арутюнян Ж. С.
Афанасьев П. В.
Белоусов И. Е.
Бобулов К. Б.
Боков В. Ф.
Борзунов С. М.
Борщаговский А. М.
Братан Н. И.
Бубнис В. К.
Васильева Л. Н.
Вахидов Э. В.
Векилов Ю. С. (Ю. Самодоглу)
Виноградов Ю. А.
Виноградов И. И.
Воронов Н. П.
Гасан-заде Н. А.
Гельман А. И.
Гоголев И. М.
Гусаров Д. Я.
Гусев В. И.
Дабижа Н. Т.
Даниелян О.
Джакшылыков А.
Джонуа А. Н.
Джумагельдыев Т.
Дворецкий И. М.
Евдокимов Н. С.
Жук А. А.
Залата Ф. Д.
Зуенок В. В.
Зумакулова Т. М.
Иванов Л. И.
Искандер Ф. А.
Ибгру Б. С.
Капандадзе А. П.
Калинкин И. А.
Каллас Т. В.
Карапетян А. А.
Кашпуров И. В.
Кедрина З. С.
Кильничаков М. Е.
Киров Р. Г.
Киреенко К. Т.
Козаев И. С.
Кудажи К.-Э. К.
Кудинов И. П.
Кузнецов Ю. П.
Кузьмлева Т. В.
Куняев С. Ю.
Кург К. Ф.
Лебеденко П. В.
Лезгинцев Г. М.
Леонов Б. А.
Лихоносов В. И.
Макшеев В. Н.
Мальцев Е. Ю.
Мартинкус В.
Марченко В. И.
Матевосян Г. И.
Мелев Х.
Мирсаидов Мирмухсин
Михайленко А. Г.
Мурзалиев К.
Никонов Н. Г.
Огородникова И. Ф.
Омарова А.
Палиевский П. В.
Перков Е. И.
Перебейнос П. М.
Петров Г. Ф.
Пулатов Т.
Пшеничный Б. Н.
Расулов М. Р.
Робро П. П.
Романов Б. С.
Росляков Р. П.
Рощин М. М.
Рыжих Н. П.
Сажин П. А.
Салуцкий А. С.
Самвелян Н. Г.
Сафонов Э. И.
Сбитнев Ю. Н.
Свире (Клиэка) М. Я.
Сидельников О. В.
Сидоров В. М.
Скоп Ю. С.
Солодарь Ц. С.
Стрелкова И. И.
Сулаймонова Г. А.
Султанов О.
Терба И. К.
Тельпугов В. П.
Толмачев Г. И.
Турсункулов К.
Укачин Б. У.
Устинов В. А.
Филиппов Р. В.
Фольварочный В. И.
Хелваши Ф. И.
Худайбердыева Х.
Цакунов О. А.
Цирихов М. Т.
Челидзе В. В.
Чиладзе О. И.
Чокой Г. И.
Чупринин С. И.
Шаекута А. Д.
Шадрин А. И.
Шаханов М.
Шевелева Е. В.
Шевченко М. П.
Шералиев Л.
Шефнер В. С.
Шикина Л. В.
Эльчин (Эфендиев Э. И.)
Эралиев С. Э.
Юшков Г. А.

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

28 июня состоялся первый пленум правления Союза писателей СССР, избранного на VIII съезде.

Пленум избрал председателем правления Союза писателей СССР Г. М. Маркова. Первым секретарем правления Союза писателей СССР избран В. В. Карпов.

Образовано бюро секретариата правления СП СССР в составе Ч. Т. Айтматова, Г. Я. Бакланова, Ю. В. Бондарева, В. В. Быкова, А. Т. Гончара, С. П. Залыгина, В. В. Карпова, Г. М. Маркова. Секретарем правления СП СССР по организационно-творческой работе избран Ю. Н. Верченко.

Секретарями правления избраны Г. Г. Абашидзе, Ч. Т. Айтматов, М. Н. Алексеев, А. А. Ананьев, Г. Я. Бакланов, С. А. Баруздин, Ю. В. Бондарев, Г. А. Боровик, П. П. Боцу, В. В. Быков, В. Э. Бэкман, Ю. Н. Верченко, А. А. Вознесенский, Р. Г. Гамзатов, Н. С. Гилевич, А. Т. Гончар, Н. А. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Грибачев, Ю. Г. Грибов, И. А. Дедков, А. Д. Дементьев, Ю. В. Друнина, М. А. Дудин, Х. Дурдыев, Е. А. Евтушенко, С. П. Залыгин, А. С. Иванов, Е. А. Исаев, Мумин Каноат, В. В. Карпов, В. А. Коротич, В. Н. Крупин, Ф. Ф. Кузнецов, Л. М. Леонов, А. М. Малдонис, Э. Б. Межелайтис, Т. А. Миннуллин, А. М. Мирзагитов, А. А. Михайлов, С. В. Михалков, Ю. М. Мушкетик, П. А. Николаев, Б. И. Олейник, Д. В. Павлычко, Я. Я. Петерс, В. А. Петросян, П. Л. Проскурин, В. Г. Распутин, Р. И. Рождественский, В. С. Розов, А. Д. Салынский, Е. Ю. Сидоров, К. В. Скворцов, О. О. Сулейменов, Ю. И. Суровцев, Максим Танк, У. Р. Умарбеков, Г. Ш. Цицишвили, А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров, Ю. Д. Черниченко, М. Ф. Шатров, Исмаил Шихлы.

* * *

На первом заседании Центральной ревизионной комиссии Союза писателей СССР ее председателем избран В. П. Тельпугов.

В зале заседаний

Владимир КАРПОВ и Николай ГРИБАЧЕВ

Мустай КАРИМ, Юрий БОНДАРЕВ и Максим ТАНК

ЛИТЕРАТУРА — СОВЕСТЬ НАРОДА

Единство взглядов на роль и назначение литературы и искусства на переломном этапе развития советского общества продемонстрировал VIII съезд писателей СССР. Он проходил в благотворной творческой атмосфере, рожденной XXVII съездом КПСС, заявил член бюро секретариата правления СП СССР Ч. Айтматов на пресс-конференции, посвященной итогам форума советских литераторов. Она состоялась 30 июня в Москве, в пресс-центре МИД СССР.

Острую писательскую дискуссию, в которой приняло участие около 200 делегатов и гостей, отличал дух высокой взыскательности и требовательности. Она показала неизменную верность мастеров художественного слова принципам социалистического реализма как творческого метода исследования жизни. Лучшие произведения многонациональной советской литературы, ставшие для читателей настоящими уроками правды, убедительно свидетельствуют, что литература по праву является совестью народа.

Большое внимание на пресс-конференции было уделено проблематике современного художественного творчества. Отмечалось, что ряд книг последнего времени характеризует углубленный интерес к образу человека активного действия и чистой совести, реалистического освоения исторического прошлого. Отвечая, в частности, на вопрос об актуальности военной темы, В. Быков, посвятивший свой талант осмыслению подвига народа в Великой Отечественной войне, подчеркнул: эта литература в наше тревожное время особенно актуальна. По сути своей она является активной литературой. Напоминая о тех суровых годах, которые стоили советскому народу 20 миллионов жизней, она зовет к бдительности, служит предостережением против новой войны, милитаризма и агрессии.

Зарубежные гости отмечали свободную, истинно демократическую обстановку, в которой проходил съезд, подчеркнул Е. Евтушенко. Наши писатели выступали по долгу совести, а не по подсказке. Долг совести призывает наших литераторов обращаться к самым болевым точкам времени и жизни. Для них нет запретных тем. Право на [illegible] имеет каждое талантливое произведение. Заслон ставится только перед теми, в которых содержится пропаганда войны, насилия, шовинизма, отмечали С. Михалков, В. Коротич.

Участники пресс-конференции — Г. Боровик, В. Распутин, М. Шатров и другие — говорили об ответственности, возложенной временем на советских литераторов, о действенности их активной гражданской позиции, информировали о качественных переменах в работе руководящих органов Союза писателей. Были даны ответы на многочисленные вопросы советских и иностранных журналистов.

ЛГ информирует

Накануне открытия VIII съезда писателей СССР в ЦДЛ имени А. А. Фадеева под председательством Евг. Долматовского состоялся вечер «Писатели в борьбе за мир». Свои стихи прочитали делегаты писательского форума, представители многонациональной советской литературы Л. Ошанин, В. Пальчинскайте, В. Коротич, П. Боцу, Л. Кугультинов, М. Чаклайс, Н. Гилевич, П. Перебейнос, Ф. Алиева.

27 июня в ЦДЛ имени А. А. Фадеева прошел интернациональный вечер поэзии. В нем приняли участие зарубежные писатели Л. Леечев и Л. Елинное (НРБ), Д. Цадаа (МНР), Г. Д. Пандишвари (ДРА), И. Скала (ЧССР), Альдо да Яко и М. Грассо (Италия), З. Вуйчин (ПНР), Н. Коррейя (Португалия), Ким Ен Вон (КНДР), Нгуен Динь Тхи (СРВ), А. Вотелью де Висеселуш (Ангола), М. Вареш (ВНР), Я. Каннисе (Финляндия), советские поэты Н. Гилевич, Р. Казакова, В. Куприянов, И. Ляпин, А. Мерное, М. Павлова, Д. Павлычко, Я. Петерс, А. Саванян, В. Соронин, Д. Тер-Анопян, Ф. Чуев, Л. Щипахина и другие. Вел вечер Е. Исаев.

Встреча с участниками VIII съезда писателей СССР прошла во Дворце культуры ЗИЛа. Ее вели С. Баруздин. Выступившие Амер. Л. Гаврилова, Р. Гамзатов, Р. Казакова, И. Шамякин, К. Шишкин рассказали о работе писательского форума, поделились творческими планами, прочитали свои стихи, а также ответили на многочисленные вопросы аудитории.

●

«В этом доме жил и работал с 1949 по 1983 год Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР писатель и общественный деятель Алексей Александрович Сурков» — значится на мемориальной доске, которая в дни работы VIII съезда писателей страны установлена в Москве на доме № 19 по улице Горького. Ее автор — заслуженный архитектор РСФСР В. Степанов.

Митинг, посвященный этому событию, вел первый заместитель начальника Главного управления культуры Мосгорисполкома О. Велихов. О непреходящем значении творчества А. Сункова говорили Р. Рождественский, А. Софронов, В. Цыбин и другие. Звучали его стихи, строки, посвященные поэту.

Дружеская встреча

В секретариате правления СП СССР 25 июня состоялось совещание руководителей делегаций союзов писателей социалистических стран, присутствовавших на VIII съезде писателей СССР. В нем приняли участие представители СП Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, КНДР, Монголии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии.

На встрече были отмечены плодотворность творческих контактов между писателями стран социалистического содружества, дальнейшее совершенствование системы сотрудничества писателей социалистических стран. На совещании выступили председатель президиума Главного правления Союза польских писателей В. Жуковский и председатель Союза венгерских писателей М. Хубан.

Были заслушаны сообщения лица президента Союза писателей и деятелей культуры Кубы (УНЕАК) Л. Отеро о ходе подготовки к XXII Встрече руководителей писательских организаций социалистических стран в Гаване, председателя Союза болгарских писателей Л. Левчева о предстоящей очередной Софийской встрече писателей «Мир — надежда планеты», заместителя председателя Союза писателей КНДР Ким Ен Вона о международном литературном симпозиуме, который состоится в этом году в Пхеньяне и будет посвящен роли современной литературы в борьбе за независимость, дружбу и мир.

Представители творческих союзов обменялись информацией о тех мероприятиях, которые проводят союзы писателей братских стран в связи с 70-летием Великого Октября.

В работе совещания приняли участие Ю. Верченко, Н. Федоренко, А. Косоруков, О. Северцин.

Присутствовали советники и атташе по культуре посольств социалистических стран в СССР.

Лауреаты Димитровской премии

Как уже сообщала «Литературная газета», в Софии объявлено о присуждении Димитровской премии группе деятелей науки и культуры. Среди отмеченных высокой наградой писатели: Лада Милева — за избранные произведения для детей и юношества «Три бунвы», «Золотая рыбка»; Слав Хр. Караславов — за роман «Солунские братья» (переведенный на русский язык); Станислав Стратиев — за пьесу «Замшевый пиджак»; профессор Любомир [illegible]нев — за книги «Они в пространстве сцены» и «Пристанище для мгновений».

Лауреатом международной Димитровской премии в этом году стал бразильский писатель Жоржи Амаду.

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Сергей МИХАЛКОВ

(МОСКВА)

Профессия писателя — интеллигентная профессия. Она интеллигентна не только в том смысле, что человек, к ней принадлежащий, должен быть органичен в соблюдении законов и норм общежития, но и в смысле самом высоком, включающем в себя активность общественного, гражданского действия. Я думаю, что именно на нашу партийную сознательность рассчитывает сегодня Коммунистическая партия, остро и требовательно поставив на своем XXVII съезде вопрос о повышении общественной отдачи литературы, искусства, литературно-художественной критики.

С полным основанием скажу, что писатели Российской Федерации, представляющие русскую литературу, другие национальные литературы республики, обладают завидным творческим потенциалом, большим желанием работать лучше. Полгода назад, еще до съезда партии, мы провели свой шестой республиканский съезд. Он прошел под знаком апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, его идей и решений. Думаю, что он мог бы быть отмечен и более предметным вниманием к литературным проблемам, мог бы пройти в этом плане и под знаком большей критичности. В целом же VI съезд писателей РСФСР показал главное: российские писатели живут одной жизнью с народом, делят с ним и радости, и заботы, и тревоги.

От наших писательских союзов ждут реальных дел — реального содействия тому, чтобы больше было хороших книг. По моему убеждению, сердцевина перестройки в литературном деле — это значительное улучшение творческо-организационной работы, а не организационно-творческой, что помогло бы полнее проявиться каждой творческой индивидуальности. Мы должны проявлять больше заинтересованности в судьбах талантливых рукописей — доброжелательно и требовательно обсуждая их, делать энергичные представления издателям, иначе будущая нужная книга надолго увязнет в неувязках планирования. Мы должны быть более внимательными к обеспечению бытовых условий работы литераторов, доказавших трудом свою профессиональность.

Необходимо проявлять заботу и о том, чтобы ряды Союза писателей пополнялись только творчески состоятельными людьми, а не скололитературными иждивенцами. О вреде либеральничания, поддерживающего обывательские представления о легкости писательского труда, Владимир Маяковский в свое время сказал, что одна печатаемая ерунда создает еще у двоих убеждение, что и они могут написать не хуже, а эти двое, написав и будучи напечатанными, возбуждают зависть еще у четырех.

Вернусь к понятию интеллигентности нашей профессии.

Мне думается, что здесь всем нам следовало бы учиться у великого Горького — истинного русского интеллигента, вышедшего из низов народа. Подлинная интеллигентность писателя — это прежде всего внутреннее достоинство, выдержанность и элементарный такт. Пусть меня не осудит замечательный русский прозаик Виктор Астафьев, если я скажу, что его рассказ «Ловля пескарей в Грузии», опубликованный в журнале «Наш современник», обидно и бестактно задевает национальные чувства братского народа. А как выглядит попытка поэта Юрия Кузнецова опорочить снискавшее в годы войны всенародную любовь «Жди меня...» Симонова?

Утверждая необходимость перестройки в литературной среде, вряд ли стоит сегодня говорить, что целый период истории нашей литературы прошел под знаком всеобъемлющей и всепобеждающей серости и задним числом третировать произведения, пусть и имеющие свои художественные недостатки, но широко известные в народе, пользующиеся общественным признанием, повествующие о серьезных, политически актуальных событиях. Это, по-моему, неинтеллигентно и неблагородно.

Да, о недостатках произведений надо говорить прямо и откровенно, не боясь испортить отношения. Но всякий раз мы должны исходить из истинной ценности конкретной писательской работы, а не из преходящих конъюнктурных соображений. Ибо нездоровая суета, проявления беспринципности, все разъедающей зависти и ревности, всякого рода групповых и цеховых пристрастий, проникая в творческую среду, лихорадят ее, мешают здоровому течению творческого процесса.

Уместно, наверное, сказать так: и на нашем писательском производстве должна быть на высоте техника безопасности. Тут приходит невольное сравнение с заводскими цехами, оснащенными тончайшим современным оборудованием, где люди сосредоточенно работают: их нельзя отвлекать от трудового процесса, это нарушит весь технологический режим. В нашем литературном цехе техника безопасности, режим работы как раз и обеспечиваются партийностью и интеллигентностью.

В литературе последних лет мы встречаемся с образом героя — человека творческой профессии, болеющего за судьбы мира, остро чувствующего несовершенства жизни и желающего помочь обществу в их преодолении. В то же время не могу понять пристрастия некоторых авторов, живописующих в своих произведениях советскую творческую интеллигенцию ущербной, приземленной, состоящей едва ли не сплошь из людей, погрязших в личных конфликтах и далеких от интересов своей страны. Тут явно дает себя знать метод изображения, названный на съезде партии бытокопательством.

От этого бесперспективного метода нельзя ждать художественной правды: ее способен дать лишь глубокий, ответственный взгляд на мир.

Перед нами, советскими писателями, стоит задача — полнее, ярче рассказывать о людях и делах, в которых раскрываются высота социалистической морали, зрелость мышления, преимущества советского образа жизни. Да, конечно, литература не вправе обходить теневые стороны действительности, должна говорить о них честно, правдиво, и хорошо, что такие произведения у нас есть. Но стоит подчеркнуть: основа, позволяющая нашему обществу действенно бороться с недостатками, пороками, ошибками, — это основа глубоко положительная, она очень прочна и действенна. И наша сатира, смею вас заверить, тоже неизменно опирается в своей критике на веру и могучую силу разума, добра, высокой активности советских людей.

С величайшим волнением мы следим сегодня за тем, как мужественно, самоотверженно ведется борьба за ликвидацию последствий чернобыльской беды, как органически проявилось здесь чувство долга и солидарности, как героическая советская нравственность вновь и вновь в любых, самых тяжелых обстоятельствах доказывает свою жизненность и силу.

Нас не может не волновать и другое — то, что наряду с проявленным к нам благородным сочувствием людей доброй воли, граждан других государств низкопробный буржуазный эгоизм не преминул воспользоваться нашей бедой ради нагнетания антисоветской истерии.

Мир вокруг нас необычайно тревожен и необычайно сложен. Империализм ведет против нас продуманную и наступательную борьбу. Он делает ставку на разобщение нашего общества, на разжигание националистических настроений, на идеологию разоружения и пропаганду бездуховности, ориентируясь при этом особенно на нашу молодежь. Вот почему ответственность писательского предназначения, писательского слова сегодня все более и более возрастает.

Борис ОЛЕЙНИК

(УКРАИНА)

Коварные стереотипы, которые ныне мы преодолеваем, иногда просматриваются даже в самой борьбе со стереотипами. В том смысле, что, критикуя отжившее, мы пытаемся изъять себя из отжившего, к которому причастны, и как ни в чем не бывало ставим задачи другим, начисто забывая о себе. А ведь перелом надо начинать с самого себя. Хотя бы для того, чтобы, осознав открыто свои промахи, начертив конструктивную программу их преодоления, отрезать путь к трибунам тем, кому вольготно жилось именно в застойниках прошлого и кто, не страдая элементарной совестью, конечно же, первым полезет на трибуну учить, как жить и работать по-новому.

Критикуя и самокритикуя, мы должны помнить уроки правды, преподанные партией. Резко и доказательно осудив застойные явления, она на своем XXVII съезде не забыла по достоинству оценить все доброе, разумное, мудрое, содеянное нашим талантливым народом в прошлом.

Стоит ли доказывать, что время в художественном полотне начинается не с мига первого движения пера, а с момента подключения этого мига к аккумулятору живой энергии предыдущих борений, тревог и раздумий, синтеза и анализа бытия. И если под этим углом посмотреть на осмысливаемый период, то можно сказать, что наша литература в своих лучших образцах готовила не только эмоциональные, но и философские предпосылки перелома, намеченного XXVII съездом партии.

Сошлюсь лишь на один пример. Еще в конце 60-х годов Олесь Гончар в известном романе «Собор» не фрагментарно, а комплексно говорил о проблемах охраны природы, языковой среды и памяти, суровой подотчетности выдвиженцев перед выдвигающими их. Он одним из первых указал на опасность карьеризма не только в морально-этической, но и в общественно-политической плоскости. Ныне этот аспект нашел отражение и в основополагающих документах партии.

Напомню, что «Собор», несмотря на все сложности для автора, был все-таки опубликован на Украине. Скоро он выйдет в переводе на русский благодаря стараниям журнала «Дружба народов», который 18 лет назад начал борьбу за его публикацию... И если внимательнее присмотреться к романам прекрасного русского писателя Юрия Бондарева, то мы почувствуем в них те же тревоги, которыми болел и его украинский побратим. А творчество классика нашей многонациональной литературы Леонида Леонова или романы и повести Залыгина, Айтматова, Астафьева, Алексеева, Распутина, Белова, Бакланова, Ананьева, Иванова, Быкова — разве они не формировали тех, кто ныне сражается на аванпостах перелома?

Но должны мы со всей откровенностью сказать и то, что нарушение принципа социальной справедливости особенно больно ударило по литературе. Суть этого нарушения выразилась в наговоренных на диктофон романах обо всем и ни о чем конкретно, а длиннющих суконных стихах, отважно именованных поэмами. К сожалению, не только опубликованных, но подчас и отмеченных высшими литературными наградами. Нередко лавры получали те, кто был поближе к сильным мира вообще и литературного в частности.

Не буду углубляться в плотные слои атмосферы, где горят обшивки самых современных космопланов. Скажу лишь, что настало время изменить структуру писательской организации, исповедуя священный принцип сменности. Стоило бы, мне кажется, избирать секретариат не больше, чем на три года. За первое двухлетие человек просто не успеет обрасти сателлитами, а уже с начала третьего года он должен готовиться к отчету. Это, между прочим, не только мобилизует, но и слегка устрашает.

Литература наша многонациональна. Естественно, к проблемам организационным прибавляются и вопросы межнациональных отношений. Затрагивались на недавно прошедшем съезде писателей Украины вопросы языка. И это естественно, ибо проблема развития родного слова всегда тревожила и будет тревожить писателя уже по той причине, что слово — это его строительный материал. Но вот проблемы родного языка в школе, в театре, в детских садах — это уже вопросы национальной политики, и нарушение ее ленинских принципов ранит остро. Здесь надо быть особенно осторожными, а учитывая то, что на малейшем сбое в этой деликатной сфере спекулируют наши враги, — и особенно бдительными.

Как правило, идеологические диверсанты все наши домашние недочеты в этих вопросах пытаются списать на «руку Москвы». Главная опасность здесь вот в чем: враги прекрасно знают, что Москва, русские, как правило, ни сном ни духом не ведают о том, что где-то уменьшилось число, скажем, школ с преподаванием на родном языке. Но им выгодно списать на Москву перекосы, содеянные преимущественно местными, родными, доморощенными ревнителями нашей политической девственности, унаследовавшими, очевидно, лакейскую психологию от тех, кто за исковерканный русский получал от царя наделы своей же родной земли.

Надо ли говорить, что подобный нигилизм категорически противоречит национальной политике нашей партии. И надо ли говорить, что, защищая свой родной язык и культуру, мы защищаем честь и достоинство воистину великого русского народа, который делал и делает все для расцвета национальных культур. Что «чувство семьи единой» как раз и пульсирует в артериях русского слова.

Это священное чувство с особой убедительностью проявилось на берегах Припяти. Да, Чернобыль — это беда. Это не тема, а сама боль народа. И высший грех — спекулировать на ней кому бы то ни было с того или с этого света. И высшим проявлением сочувствия здесь являются не слезы и вздохи, а реальные дела, которые и в эту минуту вершат сыны всех наций и народностей в Чернобыле, подавляя взбунтовавшийся атом.

Вот где проходит испытание огнем и наше слово. И как очевидец скажу — проходит с достоинством. Не кем-то свыше, а именно нашей литературой были воспитаны те, кто первым пошел в огонь четвертого реактора и отвел огонь от нас сущих. Последние салюты над ними потрясли не только наши души, но и весь мир, который уже не из теории, а из трагической практики осознал, что станется, когда взбунтуется атом, пока еще сдерживаемый в атомных боеголовках.

Чернобыль заставил нас многое переосмыслить. И то, что расхожая метафора «мирный атом» — всего лишь метафора, поскольку он мирный лишь в естественных соединениях. Чернобыль призывает нас убедить ученых в том, что они уверены иногда до самоуверенности, будто знают все, но в действительности далеко не все. Иногда писатель дарованной ему интуицией предвосхищает то, что не укладывается в самую мудрую формулу.

С первых дней чернобыльской беды я получаю письма от своих коллег из Москвы, Ленинграда, из всех братских республик. Они, разделяя наше горе, с какой-то особой деликатностью приглашают адресата и его друзей погостить у них. Это благородное чувство сопричастности чужой беде не только волнует до слез. Оно рождает чувство гордости за нашу великую литературу, которая воспитала и в самих творцах ее эту душевную отзывчивость. И я хочу в лице самого далекого моего адресата, народного писателя Туркмении Керима Курбаннепесова, сказать вам, дорогие братья, искреннее человеческое спасибо за то, что вы есть, что в этом прекрасном и яростном мире есть великая многонациональная советская литература!

Александр ЧАКОВСКИЙ

(МОСКВА)

Более года назад, выступая здесь, в Кремле, на объединенном пленуме творческих союзов, я говорил о том, что наша партия, ее ЦК, наше правительство почувствовали, угадали жажду народа и сделали все, чтобы святой для всех нас праздник — День Победы стал поистине историческим торжеством на века. Об этой же чуткости к сердцу народа, к его болям, думам и чаяниям я хочу сказать и сейчас. XXVII съезд партии преподал всем нам урок правды, урок социальной справедливости, урок решительной и непримиримой борьбы с хапугами и взяточниками, жуликами и тунеядцами, очковтирателями и «показушниками» — словом, со всем, что мешает нам жить и работать.

Советские писатели вняли призыву партии, велениям времени, деятельно включились в такую трудную, но такую необходимую работу по оздоровлению общественной атмосферы. И жить, и думать о жизни, и писать о ней стало, бесспорно, интереснее. Недаром же так заметно активизировалась литературная, творческая жизнь в стране, конкретнее, ответственнее и, наконец, просто умнее стали наши споры о месте писателя в рабочем строю.

Появились уже и произведения, которые, мне кажется, соответствуют духу времени, будят нашу совесть, требуют от читателя мобилизации его гражданских чувств. Не хочу пускаться в обычную на писательских съездах перечислительность, поэтому назову лишь «Пожар» Валентина Распутина, «Печальный детектив» Виктора Астафьева и «Карьер» Василя Быкова. Очень нужные, правдивые и своевременные книги! А за ними, я не сомневаюсь, последуют новые и новые талантливые произведения, вооружающие читателя мощным зарядом общественной активности, вдохновляющие его на внесение своего вклада в наше общее дело — ускорение социально-экономического и духовного развития страны.

В то же время я убежден в том, что мы совершили бы ошибку, ограничив понятие правды в литературе только обличительным пафосом. Тем самым мы давали бы однобокую, а следовательно, и искаженную картину жизни. Ведь есть сиюминутная правда, так сказать, текущего момента, правда отдельного факта и художественная правда в том понимании, которое мы унаследовали от гигантов русского реализма, от основателей социалистического реализма, — правда больших исторических обобщений, возвышающаяся над преходящими бытовыми обстоятельствами.

Эта правда всегда исторична и социальна. Жажда правды для писателя, художественной правды — это прежде всего страстное утверждение нашего социалистического образа жизни.

На крутом переломе истории нам, писателям, важно трезво, реалистически соизмерять достигнутое с тем, что намечено партией, с тем, что ждет от нас советский народ. Пора, наконец, научиться определять не только удачи — тут по части парадных реляций мы имеем немалый опыт, — но и «узкие места», проблемы, нуждающиеся в безотлагательном решении.

Незачем повторять, что для советского писателя нет запретных тем и недостойных внимания героев. Но меня, признаюсь, тревожит мелкотравчатость иных сочинений и охота к глубоким философствованиям на мелких местах.

Я нередко с горечью вспоминаю слова Бальзака: «Есть писатели, которые рассматривают величайшие события в уменьшительное стекло». Меня огорчает наметившийся в некоторых книгах, причем и в тех, что написаны талантливым, опытным пером, процесс размывания идеалов, снижения не только собственно литературных, но и идеологических, духовно-нравственных критериев, которыми поверяется реальность. Мне кажется важным обратить внимание на то, что нравственные понятия иных героев, а порою и их авторов, стали чересчур гибкими, я бы даже сказал, эластичными, применяющимися к обстоятельствам, а не возвышающимися над ними.

О чем бы ни заходила речь в книге — о проблемах экологии или о характере внутрисемейных отношений, о производстве или о «вечных вопросах» бытия, мы обязаны в каждом явлении видеть его политический смысл, его идеологическую суть.

Об этом не худо бы помнить и литературным критикам, среди которых иные самозабвенно закапываются в глубины абстрактного, оторванного от живой практики теоретизирования, некоторые занимаются мелкой межгрупповой и явно недостойной советского литератора грызней, превращают свои высказывания о литературе в средство сведения счетов, карьеристского самоутверждения и самоупоения. Что не может не заботить то обстоятельство, что в нашей печати — в том числе и на страницах «Литературной газеты» — спор идет часто не по существу, а по мелочам, мало интересным широкой читательской аудитории.

Одна из важнейших черт нашего времени — дальнейшая демократизация общественной жизни. Убежден, что это не может не сказываться и на развитии литературы: на расширении круга героев, на пристальном внимании к судьбе рядового человека, который является — и наш долг это ярко показывать — подлинным хозяином общества, творцом и созидателем.

Сравнивая военные и мирные дни, нельзя не сказать и о другом священном долге советского писателя. Писатель и мир — эта тема сегодня неотвратима, как и тема — писатель и гуманизм. Потому что нет большего проявления гуманизма, чем спасение человечества от угрозы самоуничтожения!

Даниил ГРАНИН

(ЛЕНИНГРАД)

Представьте себе, товарищи, что вас послали в разведку. Выполнив задание, вы возвращаетесь и докладываете, что насчитали сто танков противника. «Э-э, нет! — говорят вам. — Это слишком много! Доложите, что не больше двадцати. Так приятнее». Примерно в таком положении находилась наша литература еще недавно.

За последние полтора года это приоткрылось, оснащенное широкими связями, правами, наглое и, я бы сказал, временами бесстрашное. Обнаружились его масштабы, которых мы себе не представляли. Очистительная работа партии требует мужества, непримиримости; она продолжается, будет продолжаться, и это великое благо нашего времени. Многое увиделось иначе, многое в наших книгах кажется теперь робким, мелким, сглаженным. Кто в этом виноват? Наше соглашательство? Давление полуправды? Обстановка в Союзе писателей? Причин много, но оправданий мало.

Для всех нас было крайне важно требование полноты правды. Полнота правды относится не только к нынешней пятилетке. Она — и о ближайшем прошлом, о послевоенных годах и о войне. И о русской истории. Но она относится и к литературе. Русская литература накопила сокровища произведений авторов двадцатых — тридцатых годов: Василий Андреев, Добычин, Олейников, Замятин, Введенский, Кузмин — десятки замечательных писателей, несправедливо забытых.

Движение жизни заставляет задуматься не только о положительном герое, но и о так называемом отрицательном герое. Мировая литература, и русская в частности, создали галерею героев зла и порока: Растиньяк и Смердяков, Иудушка Головлев и Яго, Клим Самгин и Тартюф. На фоне этих великих героев наши антигерои слабосильны, безвредны и глуповаты.

Между тем борьба, которая разворачивается сегодня, укрупнила и чувства, и характеры. В этом единоборстве зло предстало куда более сильным, опасным и многочисленным, чем нам казалось. Зачем злу перестраиваться, если оно может пристраиваться? Мы многое узнали о нем, узнали и о борьбе с ним, часто героической борьбе одиночек. Надо признаться, что многим нашим положительным героям не по плечу были бы такие испытания: очень уж они у нас инфантильные, слишком заботливо охраняли их редакторы, и платные, и бесплатные, живущие в нас самих, — охраняли от несправедливости, поражения, отчаяния, от трагической развязки. Их лишали серьезных противников. Отрицательный герой нашей литературы — это не Сатана, не дьявол, это мелкие бесы, злодеи без масок, без поддержки, одинокие жулики. И они не столько явление, сколько случайность. Нам есть за что себя упрекать не в силу святой требовательности, положенной каждому художнику, а и за то, что по-своему мы участвовали в приписках, уступках, в парадности и ориентировались не на собственную совесть, а на знаки одобрения.

Но при всем том надо сказать, что все эти годы создавались вещи действительно значительные, без мысли о быстрой печати и успехе. Судьба некоторых из них оказалась неоправданно трудной, решается годами. Я знаю несколько талантливых романов, написанных во имя непреложных требований совести и боли. Кто должен был заинтересоваться их многолетними мытарствами, помочь обсудить, разобраться? Кто? Думаю, что Союз писателей. Иначе для чего же он? Союз этого не делал. Уклонялся.

XXVII съезд партии, его решения, его дух, смысл требуют от нас, писателей, поддержать усилия партии, обновить общественную жизнь. Но чтобы активно и действенно помогать партии, нам надо перестроить свою работу. Те перестройка, которая сегодня идет во всех областях жизни, касается и нашей писательской организации. Потому что, как это ни противоестественно, но творческий наш союз страдает, и очень страдает, бюрократическими недугами. Мы превратились в ведомственное учреждение. Списки отмеченных, принятых, изданных; средний возраст, поездки, отчеты... Но кому это нужно, если союз не беспокоит судьба острого, спорного, талантливого произведения? Вот слушал я доклад и искал ответа на вопрос, который мне кажется важнейшим: как сделать так, чтобы в нашем союзе талантливым писателям было хорошо, а приспособленцам — плохо?

Почему этого не происходит? Союз лишился творческого духа. Идет молодой писатель в союз — и что он видит? А видит то, что писатели, которые занимают высокие должности, пользуются литературными преимуществами. Должность и звание часто защищают от объективной критики — следовательно, надо стремиться к положению, рассуждает он. Он видит, что выигрывают не те, кто ищет правды, не те, кто занимается мастерством, а те, кто занимается суетой.

Он убеждается, что служение муз терпит суету. Но можно ли творчество измерять наградами? И как соотносятся награды с читательским признанием? Не странно ли положение, когда литература расщепляется — появляется писатель, известный своей деятельностью, и писатель, известный своими книгами?

Судьба рукописи и судьба книги — вот две судьбы, из которых складывается судьба писателя. И это должно прежде всего заботить союз.

Судьба рукописи — это не только те экстремальные случаи, о которых я говорил. На производстве ОТК призван обеспечить качество продукции. Наш ОТК сплошь и рядом понижает, ухудшает качество нашей продукции. Природа болеет от экологического невежества. Но литература тоже страдает и болеет от грубого конъюнктурного вмешательства редакторов, издателей. Хорошо бы заняться охраной рукописи, охраной прав писателя, охраной его индивидуальности, непохожести. Писатель ведь дорог читателю своей отдельностью. А издателю он, наоборот, удобнее своей похожестью.

Однажды, давно это было, когда обсуждался вопрос о редакторе журнала, я предложил Веру Федоровну Панову. Нельзя, сказали мне, она неуправляемый человек. Неуправляемый — значит, имеющий свое мнение, свои взгляды... Мне сказали: хватит нам Твардовского! Нам действительно не хватает таких редакторов, как Александр Трифонович Твардовский!

Литература наша — как разведка, она может помочь партии, разведывая правду, и надо надеяться, что не послушность и соглашательство, а талант с его принципиальностью, непримиримостью будет все больше цениться в нашей литературной практике.

Наш съезд должен стать началом перестройки союза, чтобы не получилось так, что вот мы поговорим тут три дня, съезд кончится, и все вернется на круги своя.

Сергей ЗАЛЫГИН

(МОСКВА)

Мы знаем, что литература должна отражать положение в мире, современность. Но что такое положение в мире, что такое современность? Я думаю, что то и другое складывается в двух сферах: в сфере отношений людей друг с другом, в семье, в обществе, в отношениях международных — во-первых, и в отношениях человека с природой — во-вторых.

В наше время особенно тревожны и опасны международные отношения, и прежде всего потому, что они — не по нашей вине — лишены реализма. Реализм здесь стал крайне дефицитен, он почти утопия, а в результате нормальная человеческая жизнь на просторах Земли подменена жестокой конфронтацией на краю пропасти в состоянии «быть или не быть».

Страшно подумать, но человечеству еще повезло со второй мировой войной: если бы она началась лет на десять позже, она началась бы с атомной бомбы. Вот какое утешение.

Давайте согласимся с тем, что социализм несовершенен, что он в своей краткой истории допустил подчас трагические и крупные ошибки, но существа своего он не потерял — он не потерял своего миролюбия и не затевал мировых войн; первая и вторая мировые войны — это производные капитализма, и возможность третьей — тоже его же возможность, его средство наживы и баснословных прибылей.

Давайте согласимся и с тем, что капитализм за это же время достиг многих высот в организации производства и быта, пусть будет так, не будем спорить, но бесспорно другое: он не приобрел миролюбия. Наоборот, он проделал путь от освободительной войны буров до грязной войны против коренного населения Южной Африки, путь от Линкольна к Рейгану. В силу именно этого из сознания человечества и вытравляется реализм, а важнейшие понятия переворачиваются с ног на голову.

Но в море антиреализма возвышаются неприступные острова реализма, непревзойденного по силе своей убедительности, и это прежде всего — русская классическая литература. Все знают, какое внимание привлекают во всем мире Достоевский и Толстой, Чехов и Горький, Гоголь, Шолохов. И не потому ли это происходит, что человеческое сознание продолжает нуждаться в реализме, в нем оно видит выход из создавшегося положения?

Мировая и советская литература повидала множество модерное, но когда наступает пора спасаться — где оно, средство спасения, как не в старом, добром, испытанном реализме?

Конечно, письмо Толстого или Гоголя не должно повторяться нынче, реализм не был бы самим собой, если бы оказался глух к новым потребностям новых людей, но его дело — по-прежнему называть вещи своими именами и делать это ради жизни на земле в той, если хотите, наивной ее простоте, в которой видел жизнь Василий Теркин, Лев Толстой и Габриэль Гарсиа Маркес — разные писатели разных эпох, но оба они реалисты в понимании задач и целей литературы. Им обоим одинаково близка жизнь в ее, если хотите, теркинском восприятии.

Да, земной шар — это теперь не более чем хоть и многометражная, а все-таки коммунальная квартира с одним на всех водопроводным краном, и литературе тоже надо научиться жить в этой коммуналке. Ей нужно учиться писать о человечестве, поскольку все оно в количестве четырех миллиардов восьмисот миллионов так же реально, как и отдельно взятый человек, поскольку все оно без исключения становится героем еще ненаписанного романа о войне и мире.

Нам нужно идти от человека к человечеству.

Есть и вторая сфера нашей действительности, нашего самоутверждения и самоуничтожения — это наши отношения с природой.

Не будь гонки вооружений, и природе в тот же день полегчало бы, и у нас появилось бы время задуматься над тем, как ее сохранить, заключить с ней разумный договор и выработать экологическую юриспруденцию, обязательную для всех и каждого, создать высокую литературу о природе и человеке вместе взятых.

Наверное, многие скажут: сейчас Залыгин сядет на своего конька и погонит его к проблемам водного хозяйства.

Все выступления публикуются по сокращенной стенограмме.

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Юрий БОНДАРЕВ

(МОСКВА)

Каждый из нас пишет историю любви и смерти. И самые серьезные из нас, мучаясь повторяющимися трагедиями человека, то и дело стирают пыль с забытых людьми истин — таков удел человеколюбцев-ниспровергателей.

Говорят, что сейчас нет в литературе какого-либо абсолютного авторитета, и не потому, что она нища, сира и гола, а потому, что многие годы размывались и размываются критерии художественности и правды, и потому, что хрупкие имитаторы то и дело выдаются в родном отечестве и за границей за эталоны. В самом деле, не слишком ли беззаботно мы относимся к критике?

Чувство меры, спокойная умеренность, профессиональная честь, здравомыслие — предпосылка всех истин, всех оценок, и в первую очередь самоуважения.

Однако теоретическая критика порой становится и новой литературной позой с оттенком модного хулиганства всеразрушающей смелостью, и здесь проступают, как болезнь века, вспыльчивость и несдержанная бестактность, вызывающие крайнее сожаление.

В юбилейной статье о Достоевском один широко известный беллетрист имя которого из уважения к его почтенному возрасту мне не хотелось бы называть, высказал о гении мировой культуры удивившее многих читателей умозаключение, которое привожу: «Его национальная ограниченность неизменно отталкивала меня, а необъяснимая ненависть к другим нациям внушила отвращение». После этой цитаты приходят на память бурные двадцатые годы и призыв к битью Достоевского, к суду над ним как над изменником. А что сегодня имеет в виду наш старейший беллетрист? И создается какое-то колючее неудобство, возникает чувство стыда, неловкости от этой резкой фразы уважаемого писателя, который словно бы забыл (что вполне возможно) романы Достоевского, многие его высказывания из «Дневника писателя», а суть их была недвусмысленной: лишь тот может называться русским, кто в братстве со всем миром, со всеми народами.

Что ж, поистине в лавровом венке всегда есть терновые иглы, жалящие даже мертвого. Вероятно, будь жив Достоевский, он остро почувствовал бы это незаслуженное отвращение, но неизвестно, поднял бы он так зло и вызывающе брошенную ему полемическую перчатку. В добрые старые времена, как говорится, коли дело не закончилось бы дуэлью, то независимо от уровня таланта следовало бы тогда поклониться друг другу, играя в воспитанность, и выйти в разные двери, все-таки думая об одном-единственном на земле банальном сюжете, об одной-единственной банальной теме, которая называется жизнью и смертью, уравнивающей и гениев, и негениев беззащитностью после их ухода. Какая прозрачная классическая этика!

Современная литературная критика, и устная, и печатная, долгое время по разным причинам влачила жалкое существование, а сейчас устремилась не только к горячему утверждению правды, но и к тихим, коварным шалостям, пропитанным сладким ядом нигилизма, сопровождаемым уксусными брезгливыми гримасами в сторону нашей культуры. И без тени застенчивости со страниц, казалось бы, респектабельного журнала «Вопросы философии» озорник и философ Архипов с воинственной надменностью, равной невежеству, отказал русской и советской литературе в высокой мыслительной способности, отобрал, так сказать, разум, доказывая, что мыслительное качество было заимствовано из литературы немецкой, как бы облагораживая примитивную изобразительность тупупной нашей словесности.

За последние же десять лет мы, испытывая невиданный натиск нестеснительных критических сил, с неподдельным любопытством читали и читаем статьи, в которых мыслящего писателя упрекают в отсутствии мысли, крепкого и тонкого стилиста — в неумении строить фразу, серьезного психолога — в непсихологичности и вполитичности и с интересом узнавали, что талант — это редкость, но узнавали и новых гениев, запоздало пришедших из тылов и поставленных в ряд с крупнейшими фронтовыми писателями, узнавали о том, что проза жалко погрязла в элитарности, изображая интеллигенцию, торшеры неприлично красивых героинь, что изображать надо пролетариат войны, что думать герою недемократично, что факт — наивысший властитель художества, что пить коктейль возмутительно антинародно, что нашу бедную притомившуюся литературу не посетил величайший мифотворческий гений Маркеса, что миф, притча, натурализм — это поднебесного порядка искусство, а всякая иная «псевдофилософия» противопоказана реальности, что нужна правда, а не правдоподобие, беллетризм, а не бытовизм. И сколько было исторических нравоучений, страдальческой иронии по поводу инородных статей или иных повестей и романов, вылезших из кассет банальных или групповых установлений!

И создается нелепое впечатление: кого-то хвалят, кого-то ругают, кому-то на что-то намекают, кого-то в чем-то подозревают, кого-то к чему-то призывают, но при этом кое-кто из критиков держит руки в карманах, где пальцы судорожно сложены в известную комбинацию, нацеленную в литературу, а читательские затылки и шеи.

Неужели критика — это способность раздраженного своеволия? Неужели художники и критики от века принадлежат к враждующим племенам? Или, может быть, кто-то дьявольски использует критику как средство для замутнения чистых источников? Что ж, сначала деформируется вкус, потом происходит распад художественного сознания. Нет, критика — не наука, не социальное доктринерство, не словесный вампир, не добродетельная пиявка, необходимая для здоровья писателя, а это жанр литературный в квадрате, средство воспитания вкуса, то есть чувства правды и красоты. Сам же критик — это писатель «единительной зоны», строитель мостов, законодатель мнений, с которым читатель вправе считаться или не считаться. Если писатель позорно и жалко флиртует с критикой, он признает свою слабость и свое поражение. Художник в конечном счете должен рассчитывать только на самого себя.

Кто из писателей оказал влияние на нашу эпоху? Здесь первое слово должно бы отдаваться критике.

Кто же из критиков оказал влияние на литературный процесс? Пожалуй, здесь ответ принадлежит писателям.

Пушкин, Достоевский, Некрасов, Александр Островский обязаны своим утверждением и известностью Белинскому, Добролюбову, Аполлону Григорьеву. Кто из серьезных современных писателей обязан своей славой серьезному критику? Кому? Какому критику? Каким критикам?

Однако же мы живем не только глобальными, международными и государственными проблемами, а у каждого есть еще свои заботы, в данном случае — по литературному делу.

Любое дело решается тем успешнее, чем меньше человек занимается чем-то посторонним, данному делу не свойственным. Что я вижу в литературе не свойственное ее делу? Канцеляризм, ненужную и не совпадающую с творческими интересами заорганизованность и централизм. Отсюда — неизбежное давление одних литераторов на других. В одних руках оказались сосредоточенными такие мощные службы и учреждения, как издательства, редакции журналов, Литфонд, а отчасти даже и некоторые госкомитеты. При этом мы еще и задыхаемся от притока все новых и новых членов в союз. И так и идет: больше численность союза — больше аппарат, больше аппарат — больше всей и всяческой деятельности, никак не связанной с творчеством.

Думаю, нам по крайней мере на два года надо прекратить прием в союз и осмотреться: что же мы собой представляем, чем располагаем и количественно, и качественно? Надо собрать за это время заявления о приеме и выбрать из них самых достойных. Может быть, нужно снова ввести кандидатский стаж.

Зачем нам литературоведческий центр при Литинституте? Чтобы дать должность еще одному секретарю? Чтобы он еще и еще централизовал критику? Не лучше ли создать творческие условия для всего огромного отряда уже работающих критиков?

Конечно, мы не решим сразу всех наших проблем, но с чего начать? Я думаю, что надо начать с восстановления решающей роли правления. Нынешние заседания правления — это пустое время-препровождение. Секретари произносят друг для друга набившие оскомину речи, члены правления сидят в буфете или скучают в зале.

Я читал стенограммы заседаний правления, состоявшихся сразу после Первого съезда писателей. Какие они боевые, какие насущные вопросы там ставились! Нам это теперь непонятно.

Нужно вернуть правлениям их первозданную роль. Итог тому, о чем мы говорим сегодня и о чем тревожимся, должен подвести съезд. Думаю, он должен с этого акта и начать — с избрания демократическим путем настоящего, деятельного правления.

Максим ТАНК

(БЕЛОРУССИЯ)

Ощущая на себе благотворное влияние всех наших братских литератур, белорусская литература поднимается на новые ступени своего развития. Об этом убедительно говорит и то, что за годы Советской власти многие лучшие произведения наших писателей переведены на русский язык, вышли далеко за пределы республики.

Трудно переоценить огромную роль переводов в укреплении дружбы наших литератур. Без переводов сегодня ни одна из них не может обойтись в расширении своего идейно-тематического диапазона и стилеобразующих направлений. Не случайно переводы с братских языков занимают сегодня видное место в творчестве многих наших поэтов и прозаиков.

Как многие, я верю и верю, что слово всех прогрессивных деятелей культуры, науки, слившись с могучим хором многомиллионных голосов людей доброй воли, может и должно оказать решающее влияние на судьбы мира, может и должно наложить вето на планы стратегов и фабрикантов смерти, разоблачая сущность их антисоветской империалистической пропаганды и псевдокультуры, отравляющих сознание молодежи.

Человек призван служить созиданию, а не разрушению. И это с особой силой ощутили и ощущают все, кто воспринял чернобыльскую беду как свою личную. Боль Чернобыля обнажила души людей, открывая миру все новые стороны величия советского человека, вступившего в незримую борьбу со стихией. Чернобыльская трагедия — это предупреждение всем живущим. Ученые, руководящие партийные и советские работники думают об уроках технических и организационных, а нам, писателям, надо задуматься над уроками нравственными.

Мы живем в конце XX века, но порой забываем об этом. Технический век, век атома требует от людей более высокой образованности, строжайшей дисциплины, самой высокой культуры работы. Все это и есть человеческий фактор, подлинное содержание души человека, а значит, и художественной литературы.

Положительным фактором в белорусской литературе является заметное усиление публицистического начала. Об этом, а частности, свидетельствуют и выступления видных белорусских писателей на страницах такого авторитетного органа, как «Литературная газета».

Славяне любят сентиментальные элегии, говорил А. Мицкевич. Но в наше тревожное время необходимо, чтобы литература была более гражданственной, мобилизующей все наши силы и бдительность перед лицом опасности, угрожающей человечеству.

Мне кажется, что мы искусственно разделяем литературу на поколения. На «паспортный» возраст определяет уровень своеобразия, самобытности таланта, а гражданская, политическая зрелость, способность художественно осмысливать увиденное, причаститься, как писал Белинский, «достоинству идеального содержания». Не воспитываем ли мы вступающих в литературу так, что теряем чувство меры в своих повседневных заботах о них?

Я не буду перечислять имена всех достойных упоминания авторов, чьи книги — особенно о великом подвиге советских людей в годы Великой Отечественной войны — пользуются заслуженным признанием читателей. Колокола Хатыни и сегодня — живая боль белорусской души. Мы о ней писали и будем писать. К этой теме — и исторической, и современной по своему патриотическому и воспитательному значению — приковано внимание и тех, кто в тяжелых солдатских сапогах прошагал по огненным дорогам войны, и тех, чье детство прошло через все испытания тех суровых лет, и даже тех, кто только сердцем прикоснулся к вечно живой памяти народа, к граниту обелисков, к венкам у их подножий.

Исследуя истоки советского патриотизма, Василь Быков написал произведение этапное для всей многонациональной литературы. Изображенная в повести «Знак беды» с беспощадной правдивостью жизнь белорусских крестьян Степаниды и Петрока предстала впечатляющим отблеском всенародной борьбы против фашизма. Книга эта, отмеченная высокой Ленинской премией, еще раз подтвердила идейно-художественную зрелость как автора, так и всей белорусской литературы.

Порой мы забываем, что все курсы, семинары, вечера, совещания, фестивали, библиотеки молодой поэзии, молодой прозы уводят многих от самостоятельного труда. Надо, преодолевая этот своего рода сепаратизм, представителям всех поколений и всех национальных литератур чаще встречаться на страницах каждого печатного писательского органа — «толстый» он или «тонкий», молодежный или маститый. Только в таких условиях возродится подлинный дух состязания за качество на литературной ниве, отчего выиграет вся литература.

Атмосфера XXVII партийного съезда, которая проникла во все сферы нашей политики, хозяйствования, пока недостаточно охватывает область культуры. То же ускорение в области литературы — не столько материальная, физически ощутимая категория, сколько глубинная, основанная на изменении психологии изображаемого человека. Есть один фактор ускорения, требующий безотлагательного практического решения. Речь идет об ускорении прохождения талантливых рукописей через многочисленные барьеры, об ускорении издательского и полиграфического процесса. Ибо талантливая, яркая и подлинно современная книга нужна как хлеб, как сталь, как важнейший род духовного оружия в нынешний решающий момент истории. Литература должна взять на себя ответственность за судьбы человека и формирование человеческой нравственности, за возвышение его как личности — действующей, творящей, масштабной. И мы, художники слова, с предельной искренностью и правдивостью будем содействовать всему процессу обновления, который властно утверждается в нашей многогранной советской жизни, содействовать ему своими произведениями, подлинно художественными открытиями.

А. Д. ЛИЗИЧЕВ,

начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота

Позвольте доложить съезду писателей страны, что Вооруженные Силы нашей Отчизны живут жизнью и чаяниями своего народа, а их боевой потенциал, их боевая готовность поддерживаются на таком уровне, который позволяет надежно защитить мирную творческую деятельность советских людей.

В биографии нашей страны «человек с ружьем» занимал всегда достойное место. И литература дала нам блестящие образцы большевика-солдата и матроса, идущего на штурм прогнившего старого строя, дала Василия Чапаева и Павку Корчагина времен гражданской войны; целое созвездие тех бойцов, которые шли сквозь неимоверные тяготы Великой Отечественной и пришли к заветной Победе.

Немало хороших книг написано и о тех, кто сегодня, в мирные 80-е годы, с честью выполняет почетный долг защитника Родины, воина-интернационалиста.

Но будем откровенны, время, в которое мы живем, ответственность армии за судьбу мира, красота и величие духовного облика советского воина, его суровый и напряженный ратный труд заслуживают большего внимания и большей заинтересованности лучших литературных сил страны.

Об этом в преддверии вашего съезда шел откровенный и, как мне кажется, полезный разговор на состоявшейся встрече членов коллегии Министерства обороны с руководителями творческих союзов и организаций, ведущими деятелями литературы и искусства.

Среди делегатов съезда есть и писатели-фронтовики, прошедшие огненными дорогами войны. Многие из них оставили нам бесценное наследство — рассказы очевидцев о ее солдатах. Нам дорога святая правда о войне из уст тех, кто сполна хлебнул фронтового лиха, обрел моральное право честно, убедительно, с позиций социалистического реализма поведать о ее суровых днях и ночах.

Память прошлого неразрывно связана с заботами дней сегодняшних. Хотелось бы еще раз обратить ваше внимание на два обстоятельства: за годы, прошедшие после войны, выросли новые поколения, не знающие, что такое война. В их представлении мир стал обычным состоянием общества. Это невольно может привести к самоуспокоенности, к недопонимению реальной военной угрозы.

Другой момент. Сейчас перед человечеством стоит острейшая проблема — проблема войны и мира. Никогда не была столь грозной опасность, нависшая над цивилизацией, самой жизнью на Земле. Никогда столь острой не была и идеологическая борьба между силами войны и прогресса. Но сегодня существует и реальная возможность сохранения и упрочения мира. Наши партия и правительство делают для этого все возможное. Могучим фактором сдерживания агрессивных устремлений империализма остаются Вооруженные Силы СССР. В этой связи особое значение приобретает военно-патриотическое воспитание населения, особенно молодежи, и, конечно, воинов армии и флота. Роль художественной литературы в этом общенародном, общепартийном деле трудно переоценить.

Сегодня в наших Вооруженных Силах прекрасные люди. Дружной армейской, флотской семьей живут многонациональные коллективы. И это тоже точка приложения писательских сил. Уже после войны у нас выросла замечательная плеяда Героев Советского Союза, чьи дела, чьи подвиги сродни фронтовым.

Высокими примерами выполнения своего долга насыщена жизнь тех солдат Родины, что сегодня несут свою службу в Демократической Республике Афганистан. Какой же это неистощимый кладезь интересных судеб, удивительных примеров верности воинскому долгу и интернациональному долгу, любви к Родине, боевого братства!

Конечно, о жизни сегодняшней армии и флота невозможно написать в кабинетной тиши. Армию нужно видеть. Писателю крайне важно самому почувствовать, понять побудительные мотивы славных ратных дел, которые каждодневно вершат наши солдаты и матросы, командиры и политработники. И только увиденное, пережитое может обратиться стоящей художественной строкой, которую поймет и которой поверит читатель.

По-доброму вспоминаю, как в Забайкальском военном округе мы принимали группу писателей—сибиряков и забайкальцев, в числе коих был и Валентин Распутин. У нас не было тогда пространных разговоров, писательский «десант» был сразу сориентирован не работу в войсках, там, где куется мастерство, где из вчерашнего мальчишки-школьника рождается солдат. С какой же энергией, с каким творческим зарядом трудились эти литераторы в частях! И помню, какие обильные плоды принесла эта поездка и для нас, и для них. При этом не только в центральной печати увидели свет их труды, но и в окружной газете.

Кстати, всяческого одобрения заслуживает работа писателей в армейской и флотской печати. Со страниц журнала «Советский воин», газеты «Красная звезда» часто и весомо звучит писательское слово. Но не забывайте, товарищи, что всем вам рады и в окружных, групповых и флотских газетах, имеющих большую читательскую аудиторию.

Вопросов, ждущих вашего внимания, немало. Их положительное решение будет способствовать обогащению как художественного творчества, так и военно-патриотической работы в стране, в Советских Вооруженных Силах. Со своей стороны Главное политическое управление будет и впредь уделять самое серьезное внимание развитию героико-патриотической темы и всемерно поддерживать творческих работников. Глубоко убежден, что эти целенаправленные усилия принесут свои плоды.

Николай ГРИБАЧЕВ

(МОСКВА)

В прошлом мы не раз сотворяли резолюцию о новых путях и высотах, а потом ехали по привычной колее. На этот раз такой исход не удовлетворил бы ни тех, кто нас сюда делегировал, ни читателей — никого.

Цитирую строки письма из Белоруссии: «В стране началась, по сути дела, хозяйственная и нравственная революция». Подчеркиваю понятие нравственная, оно для литературы — как чернозем для пшеницы. И строки письма из Московской области: «Не слишком ли долго мы говорим о преодолении негативных явлений вместо того, чтобы от слов решительно переходить к делу?»

Эти письма — из огромного потока, который бурлит по нашей стране. С апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, дух и решения которого были развиты и подтверждены XXVII съездом партии, народ наш живет в напряженном поиске и размышлениях, с новыми надеждами и повышенными требованиями ко всем сторонам бытия и, в первую очередь, к человеку, его нравственности, в понятие которой входят убеждения, честь, порядочность, достоинство, социальная активность, — иначе говоря, качества, которые всегда были фундаментальными для литературы и искусства. Резонно, что литература, по своим родовым свойствам призванная писать правду о человеке и времени, не останется в стороне от новых процессов. А что сделать, чтобы урожай был выше? Конечно, для больших романов нужна дистанция времени, но для рассказа, поэзии, очерка, публицистики, сатиры, подвижных жанров время давно наступило. Пора в поле пахать и сеять.

Но для высвобождения новой энергии надо тут, на съезде или сразу после съезда решить ряд вопросов, в том числе организационных. Я коснусь одного — критики, поскольку без ее развития не решится ничего.

С ухмылкой или всерьез нас потчуют формулой: «Всякая литература имеет ту критику, которой достойна». Думаю, в лучшем случае это баловство, игра в кошки-мышки. Поскольку критика не флюгер на литературном здании, а сама неотъемлемая часть литературы. Она должна обрести свою ведущую ось.

В последнее время критики декларируют верность идеалам революционных критиков-демократов, где первозначны Белинский и Добролюбов. Их традиции, что известно, блестяще продолжил Максим Горький, особенно в докладе на Первом съезде писателей. Значит, ориентация достойна уважения, особенно если слова станут делом с поправкой на современную философию и познания мира. Но становятся ли?

Критики-демократы анализировали с точки зрения содержания и формы весь литературный процесс, от вершин до низин, и таким образом их работы становились не только оценочными, но и ориентирующими на будущее. Есть ли что-либо подобное сейчас? В литературоведении — бывает, в текущей критике — нет. Да, в многонациональной нашей литературе при почти десяти тысячах писателей ежегодные обзоры литературы вряд ли одолимы. Но возможны годовые или двухгодовые обзоры произведений в каком-либо журнале или книг, выпущенных там или иным издательством.

Критики-демократы каждый по-своему были революционерами, косвенно или прямой наводкой вели огонь по самодержавию. И по отступлению от свободолюбия — письмо Белинского к Гоголю известно всем. У нас новые поколения о самодержавии знают лишь по кино и литературе, но появились уже в мире новые кандидаты в «самодержцы» в облике «нового глобализма». Так что это оружие критиков-демократов вкладывать в ватные ножны преждевременно.

Критики-демократы исполняли великую миссию просветительства, воспитывали любовь к хорошей книге, художественный вкус, вскрывали пласты народного творчества с его историческими корнями и вместе с тем несли в народ идеи свободы, уважения к человеку, к творчеству, к труду.

Наконец, критики-демократы заложили фундамент реалистической критики, разработали ее методологию, исходя из того, что великие произведения рождаются из народной жизни и, воплощая в себе неповторимость художественного таланта, возвращаются в жизнь для ее обогащения и совершенствования.

И еще: критики-демократы соотносили литературные явления с процессом в це-

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Феликс КУЗНЕЦОВ

(МОСКВА)

Как и в годы революции, первых пятилеток или Великой Отечественной войны, как на любом крутом повороте нашей истории, литература сегодня должна найти самые пронзительные и точные слова, чтобы раскрыть глубинный смысл изменившихся в стране перемен, нравственную и идейную суть воюющих за эти перемены характеров. Перемены эти — неумолимая историческая необходимость.

Во время недавней встречи с писателями, открытой, глубокой и откровенной, М. С. Горбачев сказал, что партия сегодня особенно нуждается в помощи литературы, ибо переломный этап в развитии страны начинается с человека, с переделки устоявшейся психологии и общественного сознания. Возможности советской многонациональной литературы в этом отношении неисчерпаемы.

Но чтобы эти возможности в полной мере реализовать, наш творческий союз также должен пройти через очищение и, как это требуют решения XXVII съезда КПСС, провести решительное обновление.

На встрече в ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркнул, что и нашему творческому союзу необходимо преодолевать бюрократизм, явления застоя и рутины в своей работе. В чем они проявлялись? Как известно, сущность бюрократизма состоит в подмене ценностей истинных ценностями ложными. Бюрократический подход в литературном деле, питавшийся, конечно же, обстоятельствами минувшего времени, проявлялся прежде всего в том, что сковывалось слово правды, в результате чего литературе подлинной, правдивой, «боевой» было куда трудней, чем литературе конъюнктурной, ремесленной, бесталанной. А между тем именно эта литература, настоящая, а не поддельная, бесстрашно выносившая на общественный суд самые трудные вопросы современности, и мостила путь, готовила в сознании общества почву для совершаемых сегодня партией перемен.

Партия справедливо призывает нас сегодня освобождаться от благодушия. Но вот парадокс: благодушие у нас проявлялось только по отношению к литературе плохой. По отношению к литературе хорошей, настоящей, подлинной такого благодушия ни у издателей, ни у критики почему-то не наблюдалось. Напротив! Утвердился даже своеобразный закон: чем талантливее, честнее, гражданственнее рукопись, тем сложнее ее судьба. Давайте вспомним: большинство наиболее значительных книг, ставших в итоге гордостью советской литературы, встречалось перестраховщиками с предубеждением и подозрительностью Г. М. Марков, некоторые другие руководители литературного процесса стремились помочь некоторым «трудным» книгам, но это не меняло общей тенденции.

А в это время малоталантливая, конъюнктурная, художественно несостоятельная продукция получала «зеленую улицу», вольготно и бесконтрольно располагалась на наших ограниченных журнальных и издательских площадях. Более того, в условиях литературно-эстетического благодушия и вседозволенности эта продукция смогла отвоевать себе привилегированное место в литературе, поставить себя вне критики. Средняя и даже слабая литература всегда в веках существовала рядом с хорошей и подлинной. И это нормально. Ненормально, когда средняя и даже слабая литература выдает себя за хорошую, подлинную, чуть ли не за эстетического лидера, устилая себе лавры, почести, привилегии и отличия.

В итоге утверждается перевернутая шкала ценностей, своего рода иерархическая шкала, согласно которой подымается и возвеличивается не столько талант, сколько положение и чин! Одно дело, когда литературный авторитет и руководящее положение совпадают, так оно и должно быть. А если нет?.. Тогда-то и возникает благодатная почва для нарушения принципов эстетической справедливости, искусственно создаваемой славы, вызывающих сомнения и протесты премий и наград — словом, для оскорбления таланта возвышением посредственности. Но ведь в литературе все равно никого не обманешь, и все в конечном счете знают, кто есть кто и кто чего стоит.

И здесь в полный рост встает вопрос о роли, значении и положении в нашей литературе литературной критики. Мы должны учиться работать в условиях демократии. Но чем больше будет демократии, чем меньше администрирования и диктата, тем большую роль в литературе будет играть литературная критика.

Литературная критика вот уже долгие годы поставлена в униженное положение, что опять-таки является проявлением формально-бюрократического отношения к литературе в Союзе писателей и его органах.

Если судить по литературной периодике, иным высоким литературным заседаниям некоторые наши товарищи как бы не слышат призыв XXVII партийного съезда, адресованный критикам: «...Пора стряхнуть с себя благодушие и чинопочитание, разъедающие здоровую мораль...»

Не потому ли перестройка литературных дел идет так туго, а практически буксует на месте? Говорю об этом самокритично и в отношении Московской писательской организации.

Перестройку, на наш взгляд, и надо начинать с узких и больных мест — с литературной критики, с журнально-издательского дела. Практические предложения в докладе хороши, но начинать надо с психологической перестройки руководителей литературного процесса, с создания и упрочения в нашем творческом союзе атмосферы принципиальности и требовательности, полной гласности и соревнования талантов, любви к литературе и заботы о ней, нетерпимости к зажиму и торможению критики. Тогда будет критика!

В издании книг особенно много нерешенных проблем, бед, обид, горечи, несправедливостей, попреков — как со стороны читателей, сетующих на обилие плохих книг, так и со стороны писателей, жалующихся, что крайне трудно издать книгу хорошую. Во всем этом давно необходимо со всей пристальностью разобраться, но Союз писателей даже своими журналами, а не то что издательствами практически не занимается. У него практически и приводных ремней для этого нет.

Создание в свое время огромного книжного Госкомиздата не оправдало надежд писателей. Полиграфическая база крайне запущена. А что касается сроков планирования, условий и качества изданий книг, то дело, кажется, не только не улучшилось, но даже ухудшилось. Во всяком случае, количество бюрократических препон возросло многократно. Нужны какие-то коренные реформы нашего полиграфически устаревшего, до крайности неповоротливого издательского дела. В последнее время Госкомиздат ищет пути налаживания связей с писательской общественностью. И это — благо. Нельзя больше допускать, чтобы издание книг, этот конечный результат писательского труда, было до такой степени отчуждено от творца, писателя и совершенно неподконтрольно писательской общественности.

Необходимо последовательное утверждение в правах принципов писательского самоуправления, и очень жаль, что на этом съезде мы не рассматриваем вопрос об изменении в уставе Союза писателей СССР. Но хотя бы в пределах действующего устава необходимы новые формы писательского управления, и в частности активно работающие творческие советы мастеров по прозе, поэзии, всем другим жанрам, журнально-издательским делам, которые должны избираться на пленуме правления и быть подотчетными пленуму. Такие советы мастеров и должны вершить все наши творческие дела, определять литературную политику СП, вырабатывать художественные ориентиры и критерии, хранить идейно-эстетическое достоинство литературы.

Если судить по вершинам, мы имеем сегодня талантливую, могучую, во всем мире уважаемую литературу. Так пусть же именно эта большая и подлинная литература, истово отстаивающая идею преобразования общества, по праву и авторитету вершит дела в нашем творческом союзе, задает тон в духовной жизни страны!

Ульмас УМАРБЕКОВ

(УЗБЕКИСТАН)

Определяя назначение искусства, Лев Николаевич Толстой писал, что одной из основ художественного произведения являются нравственное отношение автора к описываемому предмету, без чего невозможна художественная литература. Эта мысль великого писателя, в которую вложены такие понятия, как правдивость, честность, принципиальность и гражданская активность, приобретает особую актуальность сегодня, в дни, когда идет решительный перелом в нашей жизни.

За отчетный период в узбекской литературе создано немало ярких, значительных произведений в прозе, поэзии, драматургии, которые надолго и прочно войдут в духовный мир многонационального советского читателя. Отрадно отметить, что наряду со старейшинами — К. Яшеном, создавшим широкое эпическое полотно, романом об основоположнике узбекской советской литературы Хамзе, Уйгуном и Зульфией, обогатившими библиотеку узбекской советской поэзии циклами новых

стихов; талантливыми представителями среднего поколения — поднялась и мужает молодая одаренная литературная поросль.

Все, что произошло в Узбекистане — грубые нарушения социалистической законности, хищения и взяточничество, беспринципность, замалчивание недостатков и упущений, безудержное восхваление старших по чину, насаждавшееся и поддерживавшееся бывшим руководством республики, — не могло не сказаться отрицательно и на литературе. За все это несем ответственность и мы, писатели.

Скажем прямо: на многих и многих страницах отдельные авторы слащаво описывали мнимые успехи и достижения, не желая замечать в реальной жизни республики какие-либо острые проблемы и тем более недостатки. Отступил в тень рядовой труженик — истинный творец жизни, носитель лучших нравственных принципов.

Горько, что именно те критики, которые предавали истинное предназначение художественной литературы — нравственное отношение к жизни, сегодня громче всех говорят о необходимости морального очищения и крутой перестройки, учат писателей принципиальности и неподкупности, не желая тем не менее самокритично признать свои ошибки.

Позволю себе также сказать и о том, что Союз писателей СССР, его творческие советы мало интересовались положением дел в литературе Узбекистана, не видели или не желали видеть тех явлений, которые уводили ее от правды и реализма. За отчетный период численность республиканской писательской организации из-за резкого снижения требовательности, по соображениям нелитературного порядка, едва ли не удвоилась. Такое положение отрицательно сказалось на творческом климате в писательской среде. Оно усугублялось также и тем, что в нашем союзе была ослаблена идейно-воспитательная работа. В результате — отход от острых проблем современности, ностальгия по прошлому, которая зачастую сопровождалась неверной классовой и политической трактовкой исторических событий и личностей.

Республиканская партийная организация под руководством ЦК КПСС дала должную оценку негативным явлениям, объявила им решительную и непримиримую войну. Добрые сдвиги уже налицо, но борьба продолжается, и здесь огромная роль отводится литераторам. Писатель, в каком бы жанре он ни работал, какие бы жизненные или исторические пласты ни подымал, прежде всего должен быть честным, обладать несгибаемым гражданским мужеством, неподкупной и чистой совестью, высокой коммунистической нравственностью.

Сегодня в литературе Узбекистана, а создается она дружными усилиями писателей узбекских и русских, каракалпакских и крымско-татарских, уйгурских и корейских, идет коренная глубокая перестройка. Активизировалась и обрела новую наполненность жизнь творческих советов и секций. Положен конец заседательской суете и бюрократическому администрированию. Больше внимания уделяется идейному, нравственному и профессиональному воспитанию талантливой молодежи.

Дальнейшие успехи в развитии всей нашей многонациональной литературы в известной мере зависят и от решения ряда назревших организационных вопросов. Я имею в виду такую насущную проблему, как создание Театра дружбы народов в Москве, о котором мечтал еще Горький. Об этом шла речь и на VII съезде писателей СССР.

При несомненных успехах, достигнутых нами в деле взаимного перевода и издания, следует все же сказать, что и в этом вопросе время требует новых решений. Дают еще знать о себе субъективизм, случайность отбора. Хотелось бы внести в эту работу больше порядка и коллегиальности. Это послужит стимулом для развития каждой из национальных литератур, обогатит нашу общую духовную сокровищницу.

Нет на свете ни одного народа, ни одной нации, которые бы не имели своим нравственным идеалом правду и справедливость. Узбекский народ не исключение. Он доказал это всей своей историей. За правду и справедливость должно бороться каждое новое поколение. Об этом и сегодня на нашем съезде идет прямой и конкретный разговор, ибо в этом — главное назначение советского писателя, его призвание, партийный, гражданский и творческий долг!

Григорий БАКЛАНОВ

(МОСКВА)

О чем — вот так послушать — больше всего разговоров в Союзе писателей? О новой книге, ставшей событием? Нет, главные соображения и разговоры о том, кого куда назначат и что от этого произойдет. Не случайно родилась крылатая фраза: писатель без власти — не писатель. Что же ругать критику нашу? Она и должна быть кому-то родная мать, кому-то злая мачеха. В соответствии с табелью о рангах этого нельзя критиковать, потому что он занимает такой-то пост, избран туда-то и туда-то, этого полагается упоминать только с такими-то эпитетами, и не иначе, поскольку он отмечен тем-то и тем-то. Критика наша в большинстве случаев, как речка: все сверху вниз течет. И все же я должен тут поспорить с Феликсом Феодосьевичем Кузнецовым. Он сказал, что критика находится в униженном состоянии. Да, это так.

Но не унижайтесь! Не унижайте сами себя!

Почему прозаик или поэт может годами выдерживать книгу и не давать исчеркать ее, а критик (я говорю не обо всех критиках) сопровождает захвальными статьями те самые произведения, которые сегодня ругают? Разве те, удостоенные высших наград, не заслуживающие наград произведения не сопровождают этими захвальными статьями? Не унижайте сами себя! А потом уж не жалуйтесь, что находитесь в униженном состоянии.

Да, нелегкое положение критики. Если прозвучит некомплиментарное слово, что да, мол, и именит, и все прочее, а книга-то неудачна, тут сразу организуются и приводятся в действие такие силы, что остается еще только танковую дивизию поднять по тревоге. И уже, конечно, своя личная обида изображается как всенародная, как чуть ли не подрыв устоев. Странное дело: чем выше подымается писатель по административной лестнице, тем ниже требует опустить для себя критическую планку. Вот бы еще на спорт перенести это полезное начинание: опустите планку до земли, чемпион прыгает!

А еще Львом Толстым сказано: «Только стоит приписать человеку великое, исключительное — и делаешь из него урода. Стоит приписать это себе — и погиб». Сколько раз мы это наблюдали!

Единственная власть, которой может и должен обладать писатель, — это власть духовная, власть над душами и умами людей. Не власть имущий, а властитель дум — вот высшее назначение. И достигается это не внешними отличиями, ни авторитета, ни достоинства они не прибавляют. Достигается это лишь силой таланта, силой нравственного примера. Не министерство мы, в творческий союз. И нужна нам более всего обстановка творческого союза. Потому что литература — не служба, а служение обществу, имя в литературе не выслуживают, а заслуживают.

Пока книга пишется, писатель один на один с листом бумаги, свое дело каждый делает сам. Но когда книга написана, когда она должна стать общественным явлением, вот тут писатель должен быть уверен, что Союз писателей, наш профессиональный союз поддержит, не оставит его один на один со всем, что встает на пути талантливой книги. Но наш союз, занятый мероприятиями, держится так, словно бы книге — это не только судьба писателя, но и его личная беда. А сколько раз именно те книги, судьба которых была трудна, в дальнейшем влияли на духовный и нравственный климат общества, именно они составили богатство советской литературы.

Не в том наше ускорение, чтобы поспать раньше других откликнуться на то или иное мероприятие, даже не вдумавшись хорошенько, а в том, чтобы помочь партии в едва ли не самом трудном деле — перестройке нравственного климата, мышления общества. И тут нужна и публицистика высокого класса, умеющая видеть суть проблемы, поддержать новое. Но так же, как в науке, нам в литературе нужны и фундаментальные исследования, будь то повесть или роман. Дело, не закрепленное словом, исчезает. Но страстное, умное слово способно рождать энергию для новых дел. Нужно искусство. А искусство второго сорта не бывает: либо искусство, либо неискусство. И живет искусство только правдой.

Требовательность и мудрость — вот что более всего необходимо в работе с молодыми. Но мы проводим многолюдные совещания молодых писателей, все многолюдней, многолюдней, словно бы весь смысл в том, чтобы числом поболее, в потом книги, рекомендованные совещанием, лежат в издательствах по пять лет. Разве это не видимость дела? Да что по пять! Талантливая повесть Юрия Стефановича «Снега» была написана в 73-м году, когда ему было двадцать восемь лет. А напечатана только сейчас, когда ему сорок один исполнился. Я перечитал ее. Повесть не постарела, она так же талантлива. Но не потеряли ли мы писателя?

И вот еще о чем хочу сказать. О героях целины написаны песни, книги. Но и наши города ползут на пахотные земли. Они бесценны, эти земли, кормившие не одно поколение, но они вроде бы ничего не стоят, их не покупать. И строителям — немыслимое дело! — выгодней строить на пахотных выровненных землях. Каждый год по данным нашей печати, под строительство уходит 2 миллиона гектаров земель, и потери эти не всегда обоснованны.

О людях, проложивших Туркменский канал, написаны книги. Но, по данным нашей печати, в ближайшие семь лет от излишнего засоления выйдут из строя тысячи квадратных километров поливных земель, тяготеющих к Туркменскому каналу.

Если наша литература хочет быть и остаться совестью народа, его полным сознанием, в котором отражены любовь народа к добру и правде, народное понимание справедливости и красоты, она не имеет права смотреть на жизнь одним глазом и стыдливо прикрывать другой. Полуправда по своим последствиям опасней лжи, она приучает жить не интересами общества, а частными эгоистическими интересами.

Тот писатель исполнил свое назначение и долг, кто, подобно Чаадаеву, может сказать с чистой совестью: «Слава богу, я ни стихами, ни прозой не содействовал совращению своего отечества с верного пути... Слава богу, я всегда любил свое отечество в его интересах, а не в своих собственных».

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

(ГРУЗИЯ)

Столетия похожи на людей. Они, как и люди, бывают счастливые и несчастливые, бедные и богатые, длинные и короткие, похожие друг на друга и непохожие, и каждое имеет свое лицо, свою биографию, свое имя.

Наш век не похож ни на одно из предшествующих столетий. Ему выпала совершенно иная судьба — он ознаменовал начало новой эры в истории человечества. И хотя до конца нашего века осталось всего 14 лет, думается, что именно эти годы окончательно определят его историческую значимость. За этот срок мы должны пройти путь, равный тому, который наша страна прошла с 1917 года по сегодняшний день.

В этих условиях неизмеримо вырастает роль психологического настроя людей, человеческого фактора.

Со всей определенностью можно сказать (конечно, не в обиду другим сферам культуры), что для перестройки мышления нет силы более могущественной, чем художественная литература. С ней не может сравниться ни один из видов искусства. Литература — первооснова духовной культуры, властительница дум, самое сильное средство облагораживания человека, утверждения красоты, веры в добро.

Мы, советские писатели, сознаем, что это налагает на нас такую ответственность, которая никогда, ни в одну историческую эпоху не предъявлялась художественной литературе. Это хорошо понимают и грузинские писатели. В последнее время они создали ряд запоминающихся произведений высокого идейно-содержательного и художественного качества.

В авангарде литературного процесса, как всегда, идут грузинские поэты. Плодотворно поработали и наши прозаики, многие из которых получили всесоюзное и международное признание. На широкую арену вышла грузинская драматургия. Пьесы наших авторов ставятся и на сценах страны, и за рубежом. Если грузинское кино завоевало мировую славу, в этом большая заслуга писателей-кинодраматургов. Широкий размах получила публицистика. Успешно развиваются детская и юношеская литература, переводческое дело.

Далеко вперед шагнула абхазская литература, в которой появился ряд талантливых писателей. С увлечением, творчески активно трудятся писатели Южной Осетии.

Но у нас есть один большой хронический недостаток, кстати, свойственный и другим литературам, — отсутствие правдивого, масштабного, привлекательного образа нашего современника.

Лишь успешно решив грандиозные задачи дня сегодняшнего, устранив те недостатки на нашем пути, о которых ныне говорится смело и во весь голос, мы сможем дать все необходимое для полного счастья человека.

Не принижая воспитательного значения и не отрицая важности историко-революционной тематики, хочу подчеркнуть, что главнейшие наши задачи требуют решительного поворота к современности, к ее насущным потребностям, ибо перестроить мышление современников легче всего именно на материале современной действительности.

Думается, что мы, советские писатели, должны глубже вникнуть в суть исторических решений, принятых партией. Без глубокого освоения новых тенденций невозможно проблемно и с перспективой отобразить сегодняшнюю нашу действительность.

О литературной критике сегодня говорится много и преимущественно неодобрительно. Создается впечатление, что даже сами критики теряют желание говорить о критике. В этой связи хочу сказать лишь одно: сейчас необходимо более серьезно позаботиться об обновлении ее кадров, о резервах критики. Без этого ее не сдвинешь с места. В частности, надо поощрять обращение художников слова к критическому творчеству, воспитывать вкус к критике.

Надо коренным образом пересмотреть и отношение к литературной молодежи, освободить ее от чрезмерной опеки, повысить требовательность и взыскательность. Внимательность и чуткость не должны мешать требовательности. Ранняя профессионализация — большое зло. Молодые люди с еще не раскрывшимися способностями, нигде по-настоящему не поработавшие, которые, по сути, никогда не были членами трудового коллектива, в погоне за земными благами энергично осаждают союзы писателей. Этому должен быть поставлен надежный заслон.

Мы, советские писатели, должны глубоко и всесторонне понимать силу и значимость нерушимого братства народов. И не только понимать, не только быть глашатаями величайшей заповеди социалистического общежития, но и ее последовательными проводниками, верными стражами интернационализма. Но тем не менее некоторые писатели и руководители литературных печатных органов допускают в этом вопросе грубые ошибки. В майском номере журнала «Наш современник» за этот год (об этом говорил здесь до меня С. В. Михалков) мы с горечью и досадой прочли рассказ писателя Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии», в котором автор, прибегнув к непозволительным обобщениям, грубо, бестактно пишет о нравах, обычаях грузинского народа, в превратном свете представляя национальные особенности.

У нас, советских писателей, воодушевленных величайшей созидательной программой на будущее, данной партией, великолепное настроение, неодолимое желание трудиться на благо народа. И это порука тому, что наша многонациональная писательская армия, обновив свой творческий арсенал в духе новых требований и преодолев все трудности, покорит новые рубежи.

Миколас СЛУЦКИС

(ЛИТВА)

С некоторых пор на Западе стали «заботиться» не только о русской, но и о других советских литературах. К сожалению, это никак не перерастает в желание лучше узнать их, а тем более — приоткрыть для несведущих своих читателей. А литературы наших республик, например, прибалтийских, в социалистических условиях не только всесторонне развили свой национальный творческий потенциал, но и создали солидную переводческую базу для усвоения основного фонда мировой литературы.

Совершенно ясно, что требовать взаимности пока бесперспективно. Хотелось бы чуть больше порядочности. Ведь не секрет, что интерес к нашей культуре используется антикоммунистами отнюдь не в просветительских целях. Они стараются опорочить не столько само искусство, сколько духовные ценности и нравственный облик социалистического общества.

Свои диагнозы наши оппоненты пытаются обосновать ссылками на изменения в советской литературе. Естественно, что по ходу исторического процесса меняются как тематико-проблемные пласты, так и образно-конструкционные формы любой из советских литератур. Вряд ли кто-нибудь из чуть более здравомыслящих наших зарубежных критиков мог ожидать, что на данном этапе, когда партия со всей решительностью взялась за искоренение социального зла и экономических несуразностей, советские писатели станут слагать оды. Их уже было более чем достаточно. К счастью, в недрах нашей литературы давно зрел протест против чванства и тупости, против забвения принципов социалистической морали и социальной справедливости.

Однако, не нуждаясь в чьей-то непрошеной заботе, вряд ли мы станем самих себя или кого бы то ни было обольщать. Суровые, художественно выдающиеся вещи еще редки. Не много и просто умных и серьезных, равно как и умных, но «несерьезных»: юмористических, сатирических, гротескных и вообще оригинальных, не вмещающихся в привычные нормы и понимания как неожиданностью взгляда на сущее, так и способом выражения.

Без решительного выхода из общепринятого, возможно, чем-то интересного, но уже примелькавшегося, нам не осилить время, не проникнуть в его суть так, чтобы наши усилия не растаяли вместе с календарным временем. Без прорыва за привычный горизонт мышления мы не заглянем в проблемы и психологию нашего современника так пронзительно, чтобы это стало откровением не только для него, но и для идущего ему вослед.

В последние годы наблюдается бюрократизация писательской жизни, бюрократизация процесса книгоиздания в стране. Многое по этому вопросу здесь уже было сказано. Я позволю себе затронуть некоторые частности.

В погоне за мнимой экономией делались строгие внушения тем из издателей, кто, вопреки запрету и в силу давней традиции, продолжал печатать поэзию иначе, чем прозу, то есть не в подбор, не набивая страницы тонкой книжки, как сундук. Или возьмем «Сочинения» и «Избранные сочинения», которых иногда удостаивается литератор солидного возраста. Прозаик или поэт, оказывается, не вправе включать в такое издание ни критику, ни публицистику, хотя он занимался этим всю свою творческую жизнь.

Такие тонкости — что и как включать в любое издание — должны решаться не вышестоящим ведомством, а издательством и автором в соответствии с литературной спецификой и уважением к индивидуальности. И уж совсем ненормален порядок, когда книги 1988 года, например, должны лежать на издательском столе уже в 1985 году.

Конечно, книги выходят и быстрее, всегда есть некоторый плановый резерв, делаются всякие исключения, но зачем, спрашивается, норму возводить в исключительное? Зачем годами держать писателя не плановой привязи, сковывая его поиски? Может, в другом случае он бросил бы канителиться с «обязательным» и блестяще написал бы «необязательное», неучтенное?

Книжное производство — сложное, трудоемкое. Но одно дело план на годы, а то и десятилетие вперед, когда организуются целые библиотеки литератур или библиотеки классики, а другое — структура для живого художественного процесса с его изменчивостью и неожиданностями. Если стоящая вещь поступает в начале 1986 года, то разумнее всего и издать ее в том же году. Само собою, неспокойно, хлопотно, даже рискованно будет так работать. Зато не пришлось бы, скучая, выдумывать все новые инструкции. При всех обстоятельствах надо себе отдавать отчет в том, что не литература существует для удобства издательского механизма, а этот механизм — для литературы.

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Юрий МУШКЕТИК

(УКРАИНА)

Как личным успехам мы радуемся тысячам гектаров возделанной целины, стальным магистралям, новым городам и всенародным стройкам. Вместе с тем мы, писатели, в частности украинские, в ответе за тысячи гектаров засоленного чернозема на юге Украины и планируемое учеными строительство канала Дунай — Днепр, которое вызывает у общественности республики обоснованное беспокойство, ибо сточные воды Европы, пропитанные солями лиманов, пойдут на поля Украины, окажутся в уже почти неподвижном Днепре, к тому же, кстати, по плану отгораживаемом плотиной от Черного моря. Не много ли экспериментов для одной реки? Мы несем ответственность за потерю вкуса к земле и равнодушие к ней землепашца и за наши с вами красивые слова о закатах и восходах, воспевание на протяжении десятилетий престижных профессий — врача, учителя, инженера в урон тому же землепашцу. А сколько романов и поэм мы написали, в которых герой оставляет родной двор и куда-то спешит, что-то осваивает, едва ли освоив что-то в собственной душе. И таким образом обрывает глубинные корни, по капиллярам которых течет в его сердце ответственность перед родом, семьей, совестью, родным словом.

Идейную сущность передовой литературы прошлого века составляли упорные поиски смысла бытия, всеосвещающей правды: в нашем обществе сущность личности в корне изменилась, но только вот выразили ли мы ныне человека вполне как носителя глубочайших истин, удалось ли нам увидеть, что изменилось в нем сегодня, в познании добра и зла, его возможностей, его созидательной силы, много ли произведений, оплодотворенных желанием сказать что-то значительное о жизни и времени, предложили читателям?

И не стал ли для нас еще острее вопрос: кто же мы на вселенском поле—только ли пылинка в вечном потоке материи или наше предназначение значительнее? Я не знаю, что сейчас напишут киевские писатели, но для нас многие ценности изменили свое содержание, и смысл нашего бытия как-то изменился: даже героизм — величайший порыв души человека, оставаясь таким же важным, — он тоже теперь не укладывается в привычные, скажем, военные, рамки. Пожалуй не изменились эталонно такие вот ценности, как совесть, честь, правдивость, истинность. Но хочется задать вопрос: возрастает ли эта категория — нравственность — на уровне ускорения века, не отделяется ли она иногда от нас как некая ступень? Человек должен знать о себе правду, хотя он не всегда хочет ее знать.

Не случайно некоторая часть читающей публики ныне жаждет только одного — комфорта. Комфорта домашнего, транспортного, литературного, не желает переживать, тревожиться, хочет, придя с работы, взять в руки книгу и почитать про красивую жизнь. Немало людей, в том числе руководителей, смотрит на литературу как на что-то вспомогательное, скажем, в сезон уборки свеклы, отсюда некоторое падение престижа литературы. «Властители дум», «выразители эпохи» — это почти литературоведческие термины, относящиеся к прошлому. Идя на поводу у такого читателя, некоторые писатели начали создавать поделки, на экране, например, стал модным фарс—вместо драм классиков появились романы и повести, в которых весь конфликт сводится к дележу дачного наследства, в поэзии, скажем, за творческую глубину выдается так называемый космизм.

Некоторые мои коллеги уж так вздыхают по космосу, по звездным братьям, что и жить без них не могут, а родного брата в Иванкове за несколько десятков километров от Киева не проведывали по десять лет. Настоящий же космизм всегда земной и всегда в душе человеческой. И он в нашей литературе есть. В украинской, в частности. Она стала объемнее и разнообразнее в стилях и оттенках. Жаль только, что союзная критика почему-то и далее видит в ней почти одну только краску — романтическую. Да и в отчетном докладе анализу украинской и других национальных литератур уделено неправомерно мало места. Так вот, разве можно свести сегодня к одному течению все идейно-художественное богатство произведений Олеся Гончара, Павла Загребельного, Александра Ильченко, Евгена Гуцало, Романа Иванычука или такого яркого созвездия поэтов, как Дмитро Павлычко, Борис Олейник, Лина Костенко, Иван Драч, Виталий Коротич, Микола Винграновский? Эти имена говорят сами за себя.

И еще. Мы поддерживаем пожелание поставить вопрос о правах и обязанностях ревизионной комиссии Союза писателей, а также подумать о возобновлении литературных декад, существенно укрепляющих узы братских литератур.

нами Союза писателей того, 1959 года (а сейчас их около 10 тысяч), высмеивая многочисленные оргмероприятия бюрократов от литературы, он говорил: «Так дальше жить нельзя». И добавил: «Мы так жить и не будем!» Но, увы, мы пока еще так живем.

Вопросов, споров, суждений о литературе и жизни, о художнике и обществе, о времени и о музе, о позициях и о нациях, об утратах и приобретениях, о полях родины и памятниках культуры накопилось много. Это такой узел, что руками развязать невозможно, зубами как-то неудобно, а с кинжалом надо быть осторожным. Им часто не туда махали. И не тех рубили. Тут наши учителя — природа, опыт годов и веков. Говорят, что от кривой палки прямой тени не бывает, но по кривому, тернистому, темному девятнадцатому веку, как по тоннелю с лампой шахтеры, шли отчаянные гении и освещали своими размышлениями все стороны жизни. Представьте только — «Былое и думы», «Война и мир», «Преступление и наказание», «Отцы и дети»! Я думаю, нет более важных тем и проблем и сегодня для каждого человека и всего человечества. Какие вопросы ставили гении России перед обществом! Послушайте: «Кто виноват?» «Что делать?», «Кому на Руси жить хорошо»?.. На эти вопросы ответили Ленин и Великая наша Революция, Отечественная война и наша Победа. В настоящее время на эти вопросы отвечает наша партия, повседневные дела страны. Правда, мы пока что предпочитаем больше говорить что виноваты, чем кто виноват. Современные обломовы, хамелеоны, хлестаковы по-своему стали перестраиваться. Кое-кому не по душе курс, взятый на демократию, гласность, ясность, требовательность. Все еще существуют барьеры на пути свежих мыслей, новаторских начинаний, новых форм, методов работы.

Что грехи таить, многие из нас научились быстро перестраиваться. Роботные романы и компьютерные стихи выдавать за моду ускорения.

Лучшим из нас нет необходимости перестраиваться и переодеваться, они всегда — из болеющих за великое дело любви.

Наша литература, великая многоязычная литература продолжает свое великое дело.

У нас в Дагестане есть высокая гора Гуниб. Говорят, где бы гром ни гремел, град и дождь падают именно туда. Художник на виду. Он — высокая гора. Где бы ни гремел гром, где бы огонь ни горел — все тревоги, опасности, обиды и боли стучат в наши сердца. Художник призван говорить правду, без которой нет смысла жить и работать. Сегодня надо быть особенно требовательными к себе!

Доброго слова заслуживают переводчики нашей многоязычной литературы. Они знакомят нас друг с другом, делают нашу работу доступной миллионам читателей. Но и в этом деле свои сложности. Больно и обидно, когда второе рождение того или иного произведения проходит небезболезненно. Подрядные и бригадные методы, в которых нуждается народное хозяйство, неприемлемы в деле переводов. Это не массовое производство. Плохо, когда командировочные стихи и туристические поэмы, эта кинжально-браслетная литература выдается за глубоко национальную. Часто такие произведения появляются на русском раньше, чем на родном языке. Подобные явления носят опасный характер. Персонаж Шекспира говорил, что есть что-то гнилое в датском королевстве. Думаю, есть что-то «датское» в нашем переводческом хозяйстве. Прежде чем переводить на другой язык, надо бы сначала разобраться, признан ли художник на своем родном языке, в своем родном ауле. А то получается парадокс. Люди, призванные сохранять краски и богатство языка своего народа, люди, обязанные передавать его родниковую чистоту другим поколениям, своими неряшливыми выдумками губят его, засоряют его. А через многочисленные переводы посредственных переводчиков засоряют Великую Литературу.

Было бы целесообразно, чтобы наши издательства проявляли осторожность, принимая рукописи, не обсужденные, не рекомендованные писательскими организациями республик, кто бы их автор ни был. А то очень много нас, народных и заслуженных, как будто другие писатели не народные и не заслуженные. Следует более внимательно относиться и к тиражам выпускаемых в местных издательствах книг.

В. М. МИШИН,

первый секретарь ЦК ВЛКСМ

Со всей ответственностью могу сказать: проблемы, о которых идет речь на этом съезде, которые поднимаются ведущими писателями на страницах книг,— проблемы морального долга и социальной ответственности, сохранения природной среды, культурного наследия прошлого и мирного будущего планеты — глубоко волнуют нашу молодежь.

Не менее важной была и остается тема современника, ровесника, соратника по борьбе за идеалы партии, который вошел бы в литературу из трудовых будней и вновь вернулся в рабочий строй с книжных страниц, чтобы помочь молодым глубже осмыслить житье, выверить нравственные ориентиры, ринуться в бой с рутиной и косностью.

Но где же этот герой? Трудно отыскать его на страницах многих журналов и сборников, на театральных подмостках и среди главных персонажей романов. Зато здесь вальяжно разгуливает великовозрастный циничный недоросль, щеголеватый иждивенец в пресловутых джинсах, инфантильный и прагматичный одновременно.

Что тут скажешь? Может быть, растратила наша молодежь весь свой пыл в погоне за модными тряпками, растрясла в дискотеках, разменяла на мелочи быта? Но, думается, здесь уместно вспомнить чьими руками строился БАМ? Кто добывает тюменскую нефть, хранит рубежи Отечества? Кто ценой своей жизни отвел еще большую беду в Чернобыле?

Ответ на эти вопросы дает сама жизнь. Но на всегда дает наша литература, призванная сеять в юных душах разумное, доброе, вечное, жечь молодые сердца глаголом искренним, мудрым и праведным, талантливо и зорко вглядываться в жизнь, высвечивая то, чему принадлежит будущее.

XXVII съездом партии поставлена задача открыть простор молодежной инициатива во всех областях общественной жизни. И сфера литературы, на наш взгляд, не должна быть исключением.

Вряд ли можно признать нормальным положение, когда многие писательские организации почти не пополняются молодыми силами, когда даже лауреатам уважаемых конкурсов и премий дорога в союз искусственно растягивается на долгие годы.

За минувшие годы мы с вами создали такую обширную сеть литературных объединений, различных совещаний, семинаров и конкурсов, что сквозь ее ячейки, кажется, не проскочит ни один подающий надежды автор.

И вместе с тем не стихают дискуссии в прессе, накаляются страсти в кулуарах: входят молодые писатели в литературу или пробиваются в члены союза? Во благо ли им положительные отзывы творческих семинаров или они оказывают медвежью услугу, вселяя молодым дарованиям уверенность в исключительности собственного таланта и необязательности напряженного труда? Где граница отеческой заботы признанных мастеров о начинающих и литературного кумовства? Эти и другие острые вопросы не снимаются с повестки дня.

Мы тоже против того, чтобы вместе с членскими билетами высокое звание советского писателя получали молодые конъюнктурщики. Видимо, не место в рядах союза и бойким ремесленникам со скудным жизненным опытом, которые по сарказтическому замечанию критика могут и путешествие таракана по мусоропроводу изобразить с такой красочностью, что даже некий символ померкнется.

Ежегодно выходит в свет около 300 книг начинающих авторов. Работники издательств уверяют, что ни одна талантливая рукопись не остается незамеченной. Между тем все громче звучат голоса, в том числе и сегодня, утверждающие, что издательский лабиринт скорее преодолевают вещи ординарные, скроенные добротно, но без той искры самобытности, которая может «озадачить» редактора.

Кстати, не исключение это и для нашего комсомольского издательства «Молодая гвардия».

Видимо, в издательском деле надо смелее искать и экспериментировать.

Партия и сама жизнь подвели нас к мысли о том, что на всякую работу — от бригадира до министра — надо готовить смолоду, что молодые научные и технические таланты надо смелее двигать вперед, пока они не закисли и не обросли брюшком. Думается, что смелее надо привлекать молодые кадры и к участию в формировании литературного процесса.

Нет сомнения, дорогие товарищи, что VIII съезд писателей СССР придаст ускорение процессам литературной жизни, явится этапной вехой в развитии советского художественного слова. Наше динамичное время требует от Ленинского комсомола и мастеров многонациональной советской литературы дружной совместной работы. Работы энергичной и творческой.

Расул ГАМЗАТОВ

(ДАГЕСТАН)

В эти дни нам задают вопрос: что же вы ждете от вашего VIII съезда писателей?..

В канун съезда был день рождения Твардовского. Я с группой писателей был у его могилы и у его дома. Если бы с этой трибуны повторить его речь, произнесенную на третьем съезде писателей, это прозвучало бы актуально и сегодня. Взвесив количество и качество наших сочинений, написанных пятью тысячами чле-

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

(МОСКВА)

Я вижу в зале многоцветье нашей литературы, лучших писателей Москвы, Тбилиси, Алма-Аты. Но мне представляется, что наш съезд стал бы шире, ярче и многограннее, если бы в зале были Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Юрий Черниченко, Вячеслав Кондратьев, Давид Самойлов, Арсений Тарковский, драгоценнейший наш поэт. Нет в зале братьев Стругацких, нет сатириков Арканова, Горина, Жванецкого. Пьесы «Мы, нижеподписавшиеся» и «Премия» были первыми ласточками, с которых началась наша перестройка, но их автора нет в списке делегатов. Нет Рашина, нет Руслана Киреева, и еще, и еще. После доклада ревизионной комиссии возникает вопрос — была ли истинная выборность в Московской писательской организации, которой руководит Ф. Кузнецов? Неужели так? Я думаю, что Московская писательская организация всегда была гордостью нашей литературы и сейчас она состоит из честнейших людей, но так или иначе нанесен урон нашему съезду. Платонов сказал: «Без меня народ неполный!» Я думаю, что без этих писателей наша литература неполная.

Я хочу сказать о литературном климате. Как нам не хватает доброты к иному, чем мы, таланту! Я считаю, хватит нам междоусобиц, хватит грызни, групповщины. У нас есть святое дело — литература, которая нас объединяет. Съезд как проходит в трудную пору, когда над страной тяготеет беда Чернобыля. Среди многих «быть или не быть», которые повисли сейчас над человечеством, есть и такой вопрос: быть или не быть литературе вообще, то есть делу, которому мы служим, которому мы отдаем жизнь. Может быть, почти последние читают книги в мире. Только у нас 300 тысячным тиражом выходит Анна Ахматова, а в Латвии — республике с населением более двух миллионов — стихи Петерса и Зиедониса выходят тиражом 35 тысяч экземпляров.

На культуру наступает безграмотность. Здесь страстно говорили о преступности переброски северных рек, о гибели природы. Мой отец был гидротехником и завещал мне бороться против этого бессмысленного проекта, за чистоту вод, за Байкал.

На культуру сейчас так перекрутили, что и она иссякает, как реки! Я хочу сказать о наболевшем — о гибели духовности, об экологии культуры. Наше равнодушие уничтожает прошлое, как разрушили Сухареву башню. Равнодушие угрожает настоящему — как одинаково безлики новые районы Москвы, Тбилиси, Ташкента! И что еще страшнее — порою мы губим будущее.

Вы же ездили по Кутузовскому проспекту мимо снесенной Поклонной горы и выкорчеванного старого парка. Там идет строительство монумента Победы. Это стоит десятки миллионов рублей. Когда строили в честь победы над Наполеоном храм Христа Спасителя, весь народ пожертвованиями участвовал в строительстве, и Герцен восхищался проектом. Мы же поразительно равнодушны. Мы отработали субботник, но нам все равно, что будут строить, будто Москва не наша. И вот сейчас — по новым веяниям — проект выставлен на обсуждение возле Крымского моста. Сходите туда! Я вчера туда ездил. Проект представляет собой уродливый столб высотой 70 метров, то есть с 30-этажный дом. Это один из самых унылых и бездарных памятников в мире. Кроме того, даже красный гранит силуэтно смотрится, как черный, и на въезде в Москву будет пугать всех гигантское черное знамя. Ужас какой-то...

Но вернемся к литературе. Почему читатели отворачиваются от некоторых книг? Причин много. Но главная — народ хочет гласности. Он знает правду о чудовищной силе зла, беззакония, коррупции, лицемерия, фальши, двуличия. Он борется с этим злом в жизни, видит неправильное распределение благ, а ему подсовывают обкатанные редакторами застенчивые книги, не «Мертвые души», а водевили.

Увы, лишь отдельные, немногие из нас забили тревогу о чудовищности преступлений. И сейчас главный враг внутри нашего общества — это бюрократизм, тормозящий перестройку, новое, это косность, старое мышление, которое, увы, не сдалось.

Сейчас в культуре все меньше белых пятен. Долго сомневались, издавать ли Гумилева — мол, такое начнется! Читатель созрел у нас, чтобы читать все. Но у нас нет не только прилично изданного Аввакума, «первого русского авангардиста», у нас нет академических собраний Маяковского и Есенина. Пора издать Замятина, Ходасевича, пора издать полную Ахматову, полного Пастернака. Кому, как не Союзу писателей, заняться защитой шедевров и судьбой литературных святынь!

Но дух я вновь зашел на дачу, в которой жил Пастернак. Картина удручающая. Ленин полвека XX века даже не оставили кабинета, в котором он работал. Мое мнение остается прежним — этот святой дом должен стать музеем Пастернака. Сейчас там располагается литературный музей Министерства культуры. Писатели должны взять это в свои руки.

Кому, как не Союзу писателей, защищать честь писателей? Сейчас широко печатаются и Ахматова, и Зощенко. Это классики. Думаю, что известные необъективные оценки по отношению к ним должны быть сняты, как это было сделано в случае с оперой «Великая дружба».

Хочется, чтобы была создана авторитетная комиссия из уважаемых писателей, которые помогли бы рукописям, тем, что долгое время не могут пробиться в печать. Их накопилось немало.

Ведь порой писатель тратит 10 процентов своей жизни на написание книги, а 90 процентов — на пробивание ее в печати. Это бывает и у известных мастеров. А что говорить о молодых! Например, шесть лет лежит в издательстве книга молодого поэта С. Соловьева, рекомендованная Б. Олейником, А. Вышеславским и И. Драчем, состоящая из уже напечатанных в периодике произведений. Так мы теряем молодых. И это, увы, не исключение. А как нужны молодые таланты со свежим взглядом!

Сейчас в театре проходит эксперимент самоуправления и доверия, когда театр сам выбирает, что ему ставить. Почему бы нам не создать кооперативное издательство, во главе которого был бы совет из 5—7 известных мастеров, таких, как совесть нашей интеллигенции академик Д. С. Лихачев, Ч. Айтматов, В. Быков, Д. Гранин, С. Залыгин, В. Распутин. Читатель им доверяет. Глядишь, и книги бы раскупали, и столы бы освободились.

Несколько раз у нас на съезде поднимался вопрос об уважении к могучей литературе, созданной в республиках. Значит, наболело! Девизом истинного интеллигента остаются слова Достоевского: «Мы не враждебно... а дружественно, с полною любовию приняли в душу нашу гении чужих наций... не делая преимущественных племенных различий...».

Не надо думать, что уже все сдвинулось и решено. Отечество наше может быть в опасности сейчас, если не произойдет полная демократизация, перестройка, если не победит новое мышление. Повторяю: главный наш враг внутри — не острая книга, а чудовище бюрократизма и инерция старого мышления, тормозящая новое.

Против него надо бороться каждому. У нас есть в стране прорабы духа, есть они и в этом зале.

Янис ПЕТЕРС

(ЛАТВИЯ)

Мы тут собрались не хвастаться, но когда председатель мандатной комиссии сообщил съезду, что в числе делегатов лишь трем писателям нет и 35 лет, то я не могу удержаться и не сказать, что двух из этих трех молодых послала в Москву творческая организация писателей Латвии. Это поэтесса Мара Залите 1962 года рождения и поэт-переводчик Клав Элсбергс 1959 года рождения. Одновременно хочется подчеркнуть, что сегодня невозможно оценивать литературу, опираясь лишь на тот список литераторов, который находится в ящике письменного стола канцелярии Союза писателей. Не зря с этой трибуны звучат имена Пушкина, Толстого, Шевченко, Достоевского, Горького, Пастернака. И когда латыши с чувством национальной гордости называют имя Райниса, 125-летний юбилей которого будет отмечаться через четыре года, мы не забываем, что глубоко понять творчество этого самого значительного представителя латышской литературы XX века можно только глубоко изучив тему «Райнис и фольклор». Да, фольклор, без которого список членов СП так и остался бы только списком претендентов на национальную словесность, а сам Союз писателей — министерской конторой.

И раз мы сегодня действительно и по-настоящему хотим жить и работать в атмосфере откровенности, деловитости и самокритики, то я не могу удержаться и не назвать имя Ояра Вациетиса, сердце которого, как и сердца Твардовского, Шукшина, Абрамова, Думбадзе, легло в фундамент XXVII партийного съезда.

С чувством удовлетворения хочется назвать здесь и имя народного поэта Латвии Иманта Зиедониса, чье творчество достойно самой высокой оценки, ибо он уже давно говорит о том, о чем сегодня идет разговор на самом высоком партийном и государственном уровне.

По-моему, тот общепринятый круг имен, которыми сегодня довольствуются наши коллеги в Москве, часто носит случайный характер. Нередко одни и те же дежурные фамилии писателей из национальных республик упоминаются и по Центральному телевидению, и в официальных докладах, и в цитатах критиков.

Я упомянул Иманта Зиедониса, но мог бы назвать и многих других. Полагаю, что успех состоявшегося недавно в ЦДЛ авторского вечера Мариса Чаклайса лишний раз доказал, что советская поэзия намного богаче, чем мы себе это зачастую представляем.

К наивысшим достижениям латвийской литературы следует отнести творчество Эзеры, Скуиня, Бэла, Лама, Зариня, Бирзе, Белшевиц. Хочется отметить и драму Гунара Приеде «Центрифуга».

За последние пять лет у нас возродились традиции поэтической драмы. С особым интересом зрители и критика восприняли дебют молодой поэтессы Мары Залите. Она выступила сразу с двумя драматическими поэмами, которые, вторгаясь в глубины фольклорной образности и символики, истории и этнопсихологии, в то же время звучат злободневно и ставят перед нами вполне современные вопросы.

С этой трибуны хочется поблагодарить всех, кто пишет о латышской литературе. Особенно Льва Аннинского, Владимира Огнева, Вячеслава Иванова. Резонанс нашей литературы за пределами республики был бы гораздо слабее без поддержки председателя совета по латышской литературе Сергея Павловича Залыгина.

В Латвии существует напряженная демографическая ситуация с угрожающей тенденцией уменьшения населения коренной национальности. В то же самое время наша республика — одна из немногих, где нет своего издательства детской литературы, что говорит не в пользу существовавшей до сих пор практики культурного строительства. Высокий индустриальный уровень образует известную дисгармонию и дефицит духовной жизни. Со всей определенностью хочу с этой трибуны обратить внимание председателя Госкомиздата СССР товарища Ненашева на этот вопиющий факт, о котором резко говорилось и на IX съезде писателей Латвии, и просить в ближайшее время создать в нашей республике издательство детской литературы.

IX съезд писателей республики обратил внимание и на повышение престижа родного языка, на необходимость на более высоком уровне развивать межнациональную культуру. Писатель обязан охранять язык от роботизации, чтобы в нашей жизни, в наших отношениях не исчезла решающая роль личности. При поддержке Бюро ЦК Компартии Латвии начиная с 1987 года во время весенних школьных каникул в республике будет организован праздник родной речи.

Мои коллеги, писатели Латвии, просили с этой трибуны напомнить и о том, что в интересах многонациональной советской литературы было бы создание издательства «Дружба народов» в Москве, которое издавало бы на русском языке произведения писателей союзных республик. Не пора ли также ликвидировать чрезмерную централизацию книгоиздания? Неужели работники Госкомиздата в Москве более компетентны в вопросах национальных литератур, чем издатели на местах? Каков смысл еще «утверждать» количество выпускаемых изданий, авторов и названия книг, если «товарищ в центре» фамилии писателей даже классика из той или другой республики чаще всего и не слышал!

В заключение разрешите выразить уверенность, что понятие «Союз писателей» и понятие «литература» впредь всегда будут синонимами.

Виктор РОЗОВ

(МОСКВА)

Чем дольше живешь, чем пристальнее вглядываешься в жизнь, как она развивается, меняется, так больше, конечно, и написать можешь. Нас, драматургов, да и не только драматургов, мучают организационные вопросы, поскольку у нас все кого-то назначают, кого-то выбирают. У драматургов маленькое объединение — 401 человек, как вы из справки видели. Мы бы и сами управились, кого нам назначать, кого нам выбирать. Это мы знаем лучше других.

Поэтому я поддерживаю предложение Олейника о том, что нужно менять руководство. Товарищи, вы не подумайте, что я хороший, что я смелый, нет. Это наша жизнь, наши заботы. Нас просят заниматься своим делом серьезнее, чтобы мы сами его делали. Это первое — организационное.

Теперь второе. Вот — правда. Правда, правда, правда, говорите скорее правду. Так и хочется соврать, понимаете (смех в зале), потому что это естественное состояние человека. Когда говорят: правду не надо, правду не надо, надо врать, надо врать — так и хочется сказать правду! Так уж устроен человек, он очень сложный, как Достоевский сказал: «слишком даже широк, я бы сузил». Но мне нравится, что он такой сложный, жить интересно.

Но теперь хотел вот о чем сказать. Я немного об этом уже писал. У нас есть руки, ноги, печенка, селезенка, язык, уши, глаза — наши органы. Вот я лежал год в госпитале. Полгода лежал загипсованный. Когда прошли очень сильные боли и болела только нога, а не весь я, то я был очень веселый солдат. Нас лежало много, все — лежачие. Помню, сестра наклонилась и сказала: «Розов, чего ты такой веселый?» Я говорю: «Так ведь это нога болит, а что здоров». Понимаете, нога болела, а что здоров! Когда болит печенка, хуже, конечно. Но когда болен мозг — болен весь организм. Мы, интеллигенция, мы — мозг страны...

Здесь А. Вознесенский говорил о бездуховности. Человек отличается от животного тем, что он живет не телом, а душой. А сейчас многие живут телом, а духом — не очень.

Мы же должны наполнять людей внутренним содержанием!

Мы все прошли сложную жизнь, было трудно невероятно. Но когда в тебе много содержания внутреннего, то ты учишься, видишь мир, чувствуешь мир. Очень много людей погрязли в теле. Поэтому надо вернуть духовность людям!

Хотелось бы и еще сказать относительно правды. Хотя не всегда знаешь, что такое правда и тут можно попасть в положение карася-идеалиста. Когда карась сказал щуке: а знаешь ли ты, что такое добродетель? — то щука разинула рот и проглотила его. Не бойтесь, нынче, может быть, щуке зубы немного укоротят!

Теперь о драматургии. У нас три с половиной тысячи прозаиков, три с половиной тысячи поэтов, а мы, драматурги, к кому и к чему приписаны?

Я был в приемной комиссии Союза писателей СССР, знаю, как принимают драматургов. В приемной комиссии спрашивают: кто видел пьесу?

Вот выступает поэт, у него маленькая книжечка, он читает: «Села птичка на сучок, я смотрю как дурачок...». Говорят — приняты! А наше положение очень сложное. Мы находимся между литературой и театром. Я вчера слушал чудесное выступление нашего драматурга Гельмана, прекрасный оратор, очень хорошо он говорил. Вот была Олимпиада, настроили много, деревню Олимпийскую...

И вот сейчас идешь мимо олимпийских сооружений, как в Древнем Риме, стоят они огромные. А часто — пустые. Так вот, нельзя ли новые театры построить?

Мало духовности. Надо привлекать молодежь, надо ее воспитывать. Культура, образование, книги — это все необходимо, но необходимо, чтобы наряду с папами, мамами, учителями были люди, которые способствовали бы воспитанию молодежи. Мы, писатели.

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Вячеслав ШУГАЕВ

(МОСКВА)

Наша партия отвергла ассортимент недомолвок, умолчаний, характерных вчера еще для взаимоотношений личности с обществом. Человек, готовый подняться на наши страницы, решил поступать по совести, решил восстать против косности, равнодушия, бюрократического инфернализма. Он пересилил в себе страх перед возможными неприятностями по службе, пересилил так называемое житейское благоразумие (поступишь по совести, а тебя потом затрут, задвинут в некий скучный и не очень сытый угол) — для такого пересиливания нужно большое мужество, может быть, не меньшее, чем войти в огонь. Восстать решительно и безоглядно против рутины, против разноликого приспособленчества очень рискованно — тихими, неврачными буднями тебя могут бескровно и улыбками довести опытные бюрократы до инфаркта и нервной горячки.

Главным конфликтом в нашей ближайшей литературе будет конфликт, рожденный характером человека, решившего жить по совести, начнется противоборство в душе его между принятым решением и привычной охранительной реакцией: лучше промолчать, лучше, так сказать, на высовываться. На этом кровоточащем, инфарктоопасном перекрестке будут замирать наши перья. Здесь будет основной нервный узел драмы гражданского мужества. Но все равно этот человек преодолеет свои печально охранительные привычки и поднимется до наступающей, нападающей совестливости, ибо пришло время всем нам по капле выдавливать из себя психологию болтиков и винтиков, психологию, позволительно сказать, догматического прозябания.

Мы должны говорить о недостатках не списочно, не перечнем, а персонифицируя их, иначе, существуя в безликом перечне, они не устанут расширять сферу нравственной коррозии.

За последние десять лет, по моим наблюдениям (мне уже приходилось говорить об этом на одном из пленумов правления Московской писательской организации), в нашей критике не встречалось ни одного замечания в адрес произведений С. В. Михалкова и А. Б. Чаковского, хотя и тот и другой работали много, жадно, продуктивно. Их работоспособность вызывает профессиональное уважение. Написано много стихотворений, басен, переложений классики тов. Михалковым, активно работал тов. Чаковский, но во всем этом многотрудии, увы, есть немало, на мой взгляд, профессиональных издержек. Встречались (в особенности в романе «Победа») унылость слога при портретных характеристиках, невыразительные, плоские фразы, пейзажная бесцветность при обрисовке того или иного места действия, газетная сухость и гражданская благостность при создании тех или иных политико-исторических обстоятельств, встречались также (в последних поэтических публикациях С. Михалкова) тяга к рифмованному многословию, к огорчительной банальности слова и мысли, к очевидной нетребовательности поэта к своим строкам. Короче, встречались такие профессиональные просчеты, от которых можно было бы освободиться, если бы редакторы и критики читали с товарищеским, партийным вниманием, а не с лучезарно бегающим блеском в глазах. Подобная лучезарность при оценке литературного труда бесповоротно портит читательский вкус, поселяет далекие от художественной трезвости иллюзии в головах авторов, в у их коллег постепенно созревает почтительная мысль, что путь к идейному и художественному совершенству лежит через литературно-начальственные высоты.

Лучезарный взгляд как способ познания действительности и как критерий при оценках литературных произведений характерен и для многих наших журналов, иначе ничем не объяснишь удивительную неотличимость их друг от друга. Такие социальные и идеологические субтропики, а не журналы: все в них вечно зелено, все умеренно, все округло, все благополучно. Основа этого нестихающего благодушия, его питательная среда — хладнокровный, умильно-благонамеренный реализм — назовем так удивительный творческий метод, возникший в последние годы. Отличительная черта, задвинуть на какие-нибудь задворки, замаскировать страдающее человеческое сердце бетоном производственного романа, всеми иными страстями политического романа, «подноготными» повестями житейских неустройств. Сердце нашего современника заблудилось в дебрях многолетнего пустословия и обмана, разбухло от долгой невозможности сказать правду, тревожную, сыновнюю правду о неладах экономических, социальных, в области духа наконец.

Но к чести нашей литературы, русской и советской, всегда находились в ней писатели, и всегда появлялись книги, предупреждающие общество от духовных провалов или исследующие их. Появлялись такие книги, такие произведения и в последнее время. Они исполнены подлинной гражданской боли, то есть исследуют человеческую душу в переломные, принципиальные моменты ее развития. Так, Леонид Леонов в новых своих страницах «Мироздание по Дымкову» с остроумной язвительностью призывает читателя быть нетерпимее к своим несовершенствам. Александр Крон в «Повести о друге» рассказывает о горькой и высокой судьбе Александра Маринеско. Новый герой Георгия Маркова — молодой человек Антон Соболев, избранный первым секретарем обкома партии, постоянно сталкивается, входя в новое дело, с беспринципностью, бездумьем, с активным потребительством и задумывается глубоко и горько об истоках этих явлений. Старый колхозник Степан Чикальдаев из повести Эрнста Сафонова «Африканский баобаб» стихийно, несколько нелепо, но от этого еще пронзительнее восстает против изуверской, бесовской изворотливости бюрократизма. Владимир Маканин в рассказах «Антилидер» и «Человек свиты» безжалостно, с завидной гражданской трезвостью показывает нравственное падение, самопредательство личности. Книги, которые я называю, все относятся к явлениям московской прозы и свидетельствуют о ее высоком духовном потенциале.

Духовное обновление, возрождение, переустройство общества требует незамедлительных практических шагов по обеспечению этого обновления, без которых любые попытки обновления выльются в пустые слова. Что я имею в виду? Московским писателям (а их в Москве более 2 тысяч) необходим свой художественный и общественно-политический журнал, который позволит в значительной мере реализовать большие духовные ценности, создаваемые московскими писателями.

М. Ф. НЕНАШЕВ,

председатель Госкомиздата СССР

Если беспристрастно оценивать общие количественные результаты книгопроизводства последних лет, то, видимо, следует признать, что издатели не сидели сложа руки. За 5 лет издано 11 млрд. экземпляров книг и брошюр. Это почти на 19 процентов больше, чем в предыдущее пятилетие. Особенно заметным является значительное увеличение в общем количестве изданных книг художественной и детской литературы. Меняется ситуация и на книжном рынке. Ныне в большинстве союзных республик удовлетворяется спрос на художественную литературу на национальных языках.

Достижения реальны. Однако их не следует переоценивать. Дефицит еще многих книг остается острым, и в его преодолении продвижение наше пока весьма незначительно.

Одним из наиболее реальных является, как мы считаем, не валовой, а дифференцированный подход. Конкретным выражением такого подхода является намеченная Госкомиздатом СССР на ближайшее десятилетие многотиражная программа издания книг повышенного спроса. Началом этой программы явилась уникальная по масштабам в мировой издательской практике акция подписки без всяких ограничений на 3-томное издание произведений А. С. Пушкина. Сейчас мы завершаем аналогичную безлимитную подписку на 2-томник Маяковского. Одновременно будут продолжены многотиражные издания серий «Библиотека классики», «Библиотека юношества», «Школьная библиотека» и других.

Целый ряд конкретных мер намерены осуществить по увеличению выпуска детской литературы. Нам следует посмотреть на внутреннюю суть проблемы дефицита книги, о которой мы так много говорим. Нельзя не видеть, что дефицит книги далеко не равнозначен дефициту обычных потребительских товаров. Книги приобретают свою ценность только тогда, когда бывают прочитанными. В то же время известно, что очень часто приобретение книги вовсе не означает ее прочтение. Многие книги, в том числе и те, которые ищут на прилавках, обращаются крайне медленно, другие же не читаются вообще.

Нельзя не видеть, что в последние годы и в наших средствах массовой информации много говорится о дефиците и куда меньше — о пропаганде книги, о воспитании любви к ней в семье, школе, о проблемах библиотек и читальных залов. По приблизительным подсчетам, сегодня в индивидуальном пользовании насчитывается около 40 млрд. экземпляров книг, а в библиотеках — более 5 млрд. Нам кажется, что пора всерьез задуматься над тем, разумно ли мы пользуемся этим огромным книжным богатством, являющимся национальным достоянием и имеющим прямое отношение к развитию культуры, науки, к духовному, нравственному воспитанию советских людей.

В заключение хотелось бы откровенно сказать о критических замечаниях по поводу книгоиздательского консерватизма. Да, в современной практике книгоиздания многое несовершенно и требует серьезных перемен. Дает себя знать издательский бюрократизм, тот самый, который порождает и поощряет пробивного и разворотливого толкача от литературы и отодвигает на задний план талантливые рукописи. Жив в нашей сфере и перестраховщик, сознательно препятствующий непривычной для него рукописи и старательно заглаживающий все острое, необычное, чтобы выдать на конвейер очередное безликое произведение.

Вопрос этот весьма серьезный. Как свидетельствует практика, автору новых, смелых идей, первопроходцу в литературе, науке, культуре часто бывает нелегко и неуютно в наших издательствах. Консерватор же и коньюнктурщик чувствует себя куда удобнее.

Небезгрешны мы и в тиражировании той литературы, где преобладают трескотня и бездумное славословие и где мы — издатели, редакторы — уже продолжительное время выступаем в роли активных защитников и хранителей привычного стандарта и шаблона. Существует много причин, обусловивших эти нездоровые явления. Одна из них, весьма существенная: среди редакторов (и не в обиду, а только ради правды будет сказано) и среди писателей весьма влиятельным стал сформировавшийся в последние годы комплекс непогрешимости. Именно отсюда и благостность в оценках, отсюда и большой дефицит здоровой неудовлетворенности.

Справедливы замечания по поводу недостатков тематического планирования и тиражной политики. Находясь длительное время под влиянием магии дефицита книги, мы сегодня, по существу, не имеем действенного механизма, который позволял бы квалифицированно изучать существующие потребности и давал объективное представление о запросах и интересах читателей. Поэтому нередко наши решения об издании того или иного автора, о размерах тиража принимаются не на основе надежно действующей обратной связи и достоверной информации, а исходя из весьма общих, часто субъективных соображений или просто интуиции.

Как мы намерены преодолевать существующие здесь недостатки? Думаем серьезно менять систему издательского планирования, ибо оно сегодня нередко препятствует оперативному изданию новых актуальных книг. Главным направлением здесь должна стать значительная демократизация в духе принципов апрельского Пленума ЦК КПСС, всей практики формирования издательских планов. Особенно полезным, по нашему мнению, будет значительное расширение информации и гласности на всех уровнях принятия решений о выпуске тех или иных произведений: о потребностях и реальном спросе на литературу, текущих и перспективных планах издательств, о фактических остатках книг в торговой сети и их конкретных авторах. В этой работе мы будем теснее взаимодействовать с Союзом писателей, опираться на библиотеки, Общество книголюбов, средства массовой информации. Основным же звеном здесь должен стать сам читатель, трудовой коллектив, где нам следует прежде всего согласовывать и апробировать издательские планы и намерения.

Юлия ДРУНИНА

(МОСКВА)

Знаю, нет такого понятия — «экология человеческой души». Но все же воспользуюсь этой метафорой, чтобы подчеркнуть — за подобную «экологию» в ответе мы, писатели, живущие в стране, где к литературе, а в частности, в отличие от Запада, к поэзии, относятся с исключительным пиететом. И преступно пытаться повернуть вспять реки разума и добра, искони питающие отечественную поэзию.

Поясню свою мысль. Нерусская, несоветская тенденция «дегероизации» и отступление от пушкинского кредо добрых чувств бросались в глаза уже в «Дне поэзии-83». Об этом я писала в «Правде» в статье «Пустотою звеня», вызвавшей довольно много шума, но не давшей, увы, никакого эффекта — разбойнички с большой дороги продолжают плодиться на страницах индивидуальных и коллективных сборников.

В свое время критик В. Кожинов поддержал сив странное явление, объявив, что задачу пробуждения добрых чувств «русская поэзия уже решила». Дескать, «плен по доброте» поэты выполнили...

Так случилось, что в дни, когда мы с тревогой вчитывались в первые сообщения о Чернобыле, в руки мне попал новый сборник некогда интересно начавшего свой путь в литературу поэта. А ныне меня поразило несоответствие между великой болью народной и его в большинстве своем мелкими, эпатажными стихами. Его смешное «суперменство»: «Звать меня Кузнецов. Я один. Остальные обман и подделка». Его совсем не смешная жестокость.

Воспевание насилия, жестокости, своего превосходства, неверие в товарищество, в самоотверженность противопоказано настоящей поэзии — искусству, призванному делать души людские светлее, выше. Забывать об этом не след. Особенно, конечно, в литературе для детей, для школьников, о которых мы сейчас так много и с такой законной тревогой говорим.

Вот что написал в «Литературную газету» учитель А. М. Черников: «В нашу школьную библиотеку прислали сборники «Страницы избранной лирики» издательства «Детская литература». Обрадовался: можно использовать на уроках. К тому же вступительная статья составителя сборника обнадеживала: «Перед нами достойные образцы, которые способны приобщить читателей к поэзии в истинном ее значении».

Далее преподаватель пишет, что в этих «достойных образцах» навалом нытья, «замогильной», как он выражается, суеты, мистики, пьяных саморазоблачений.

Я испытала гордость за свое поколение, когда в журнале «Новый мир» гневно, прямо вступился за честь К. Симонова, за честь всех фронтовиков скромный, никогда никуда «не высовывающийся» поэт М. Соболь.

А. Вознесенский уже сказал, что из списков кандидатов на наш съезд выпали некоторые известные, отлично работающие писатели. Конечно, они все равно «на коне», поскольку лицо литератора определяет прежде всего его творчество. Но несправедливость ранит, тем более что после XXVII съезда партии мы до конца поверили в торжество справедливости. Поэтому странным и настораживающим представляется мне факт, что появление в «Книжном обозрении» трех нестандартных, некомплиментарных статей о поэзии тут же вызвало со стороны «пострадавших» громы и молнии на голову молодого сотрудника газеты, посмевшего пропустить такую «крамолу».

А я считаю, что этого «еретика» нужно поддержать, как всякого, кто во имя правды не боится испортить с[illegible]шения. Или вот говорим о засилье серости в литературе. А откуда она берется? Интересная цифра. В 1952 году в Москве поэтов — членов союза было 82. Среди них Твардовский, Исаковский, Тихонов, Луговской, Светлов, Сельвинский, Симонов, Гудзенко, Наровчатов, Луконин — я называю только ушедших, да и то не всех. Теперь же нас больше четырехсот! Вдумайтесь в эти цифры — 80 и 400... Но, как говорил Шолохов, «из миллиона кошек не составишь одного льва». А почему-то именно посредственностям, в отличие от одаренных поэтов, подчеркиваю — в отличие от одаренных, в Москве открыта «зеленая улица» в Союз писателей. Я в союзе уже сорок лет и могу сказать, что заседания поэтического объединения носят теперь, как правило, отнюдь не творческий характер. Многие поэты перестали их посещать. Некоторые даже ушли в другие творческие объединения. Такая обстановка — удар по нравственности. Но, главное, все это негативно влияет на саму литературу. Симпатии и антипатии людей, от которых зависит то или иное издание, распространяются уже на только на современников.

Я только поставила так называемые «острые вопросы», но не ответила на них. Такое мне не под силу. Моя задача куда более скромная — привлечь к этим вопросам общее внимание.

Евгений ЕВТУШЕНКО

(МОСКВА)

Справедливость по отношению к имени Бориса Пастернака сейчас восстанавливается, его книги издаются многотысячными тиражами, стихи, казавшиеся когда-то усложненными, становятся сегодня достоянием не узкого круга элитарной интеллигенции, а духовно выросшего народа в целом. Его дом и могила стали местом постоянного паломничества нашей молодежи. Но со дня смерти Пастернака прошло уже 26 лет, а мы до сих пор не удосужились почтить его память заслуженным домом-музеем.

Сегодняшнее переломное время, которое и наша поэзия подготовила своими гражданскими стихами, — это время надежд и восстановления справедливости. Принцип человеческого фактора как фактора первейшего — это не только человечнейшее отношение к живым, но и к ушедшим.

Разрешите мне передать в президиум обращенное к съезду и будущему секретариату письмо, подписанное 40 делегатами съезда, выражающее озабоченность, что к 1990 году, когда исполняется 100 лет со дня рождения Пастернака, мы можем к позору нашему, прийти с пустыми руками, без дома-музея.

Конкретные предложения по структуре будущего правления и секретариата.

На ведущие посты в секретариат надо выбирать только ведущих писателей. Но если ведущий писатель становится рабочим секретарем, то по-хозяйски ли отрывать его на целых пять лет от письменного стола? Жизнь коротка, а замыслов много... Поэтому-то посредственности, чей единственный замысел попасть на тепленькое местечко, и заполняют вакуум, оставляемый нашими писателями, всецело занятыми творчеством. Но все-таки если пять лет — это слишком долгий срок, то даже самый занятый и крупный писатель может и должен отдать хотя бы один полный год своей жизни нашему цеховому делу, ибо это не только самопожертвование, но и честь. Мое предложение следующее: обратиться, что называется, всем миром к пяти таким писателям, нравственно не способным к моральному забюрокрачиванию, обладающим всесоюзным и международным писательским, а не должностным авторитетом. На мой взгляд, надо изменить устав и выбрать пять первых равноправных секретарей, с тем чтобы они разделили эти пять лет на пять сменных годичных дежурств и собирались бы вместе не менее 6 раз в год, являясь высшим нравственным органом Союза писателей. И разве не радостью для каждого из нас будет приходить на прием, скажем, к таким принципиальным, крупным мастерам, как, например, В. Быков, В. Распутин, Ч. Айтматов, чтобы поделиться с ними своими замыслами, а в нужном случае попросить их авторитетной защиты!

Горький не первом писательском съезде говорил: «...У нас в качестве наследия мещанства еще остались кое-какие прыщи, не способные понять существенного различия между «вождизмом» и руководством. «Вождизм» — индивидуалистическое стремление мещанина встать на голову выше товарища, что и удается весьма легко при наличии механической ловкости, пустой головы и пустого сердца». Исторические задачи, которые сегодня ставят перед нами народ, партия, история, нельзя выполнить пустоголовием и пустосердечием. Для выполнения этих задач сейчас даже министерства должны работать как творческие союзы, а уж наш творческий союз и подавно не имеет права походить на министерство по починке крыш, протекающих в домах творчества, о чем было как-то неловко слышать с этой высокой трибуны в присутствии руководства страны, занятого величайшей проблемой спасения человечества от ядерной катастрофы.

Кое-кто нас попугивает тем, что демократия якобы неминуемо ведет к анархии, к раскачиванию государственного корабля, но все зависит от того, кто держит штурвал корабля, а он сейчас в надежных руках, и наши писательские руки тоже должны лежать на этом штурвале, ибо капитанство при социалистической демократии — это дело всенародное. Социалистическая демократия — это не разболтанность, а высший вид нравственной собранности, дисциплины, где равнодушие к живым или мертвым должно быть одним из самых строго наказуемых дисциплинарных нарушений.

Вардгес ПЕТРОСЯН

(АРМЕНИЯ)

Все мы вправе надеяться, что с нынешнего нашего съезда начнется и получит дальнейшее развитие обновление литературного дела в стране, наступят времена нового осмысления литературного процесса в целом. Объективно оценивая достигнутое, мы должны глубже задуматься над жгучими проблемами, которых накопилось достаточно, решительно отказаться от устаревших форм нашей работы, от показухи. Работа республиканских писательских организаций и нашего большого союза должна больше соответствовать своему основному творческому началу.

Естественно, что для художественного мышления перемены являются более трудным, мучительным процессом. К тому же народ ждет от писателя не сиюминутной истины, а художественных открытий. Воплощение великой правды жизни под силу только истинным талантам, под пером же посредственностей самые жгучие проблемы превращаются в календарные события, а самая великая истина — в свою противоположность. Образ мышления — не одежда, которую можно менять в зависимости от погоды, а внутреннее состояние писателя, и донорская кровь здесь не поможет.

Партия неустанно учит нас верности принципам интернационализма, уважению к истории, культуре, национальным традициям братских народов. Дружба народов и литератур — это не только праздники, а в первую очередь каждодневная, если хотите, черновая работа. Поздников у нас и без того переизбыток: юбилеи, Дни литератур, писательские «десанты» и пр. Сегодня жизнь подсказывает нам необходимость искать и находить новые, более глубинные формы. В творческом плане Дни литератур мало что дают писателям: для нормального контакта с читателем или незнакомым краем, как всегда, не хватает времени. Иногда из таких поездок рождаются циклы стихов, путевые эссе, но они, как правило, поверхностны, вторичны, ибо являются продуктом случайных наблюдений, беглого взгляда на внешний облик вещей.

И не только после подобных поездок, но и вообще художник не имеет морального права без глубоких знаний делать какие-либо художественные обобщения, особенно касающиеся общей характеристики других народов. К сожалению, такие попытки иногда делаются, особенно на киноэкране: если появляется представитель, скажем, Средней Азии и Закавказья, — это, как правило, глубокий провинциал, говорящий с ужасным акцентом, в папахе или старомодной нелепой кепке, и чаще всего он человек из сферы торговли. В одной, с позволения сказать, юмореске автор уважаемой «Литературной газеты» попытался создать даже среднеарифметический образ среднеазиата-закавказца.

На ту же доску я ставлю и те слащавые циклы стихов или путевые эссе, в которых только ликование, одна восторженность, скажем, Арменией, ибо они тоже продукт поверхностных наблюдений, случайных встреч с историей или людьми. За неделю из окна гостиницы или автомобиля, в перерывах между застольями даже в маленькой Армении немногое увидишь, можно даже Арарат не разглядеть.

Хотел бы напомнить прекрасные слова Самеда Вургуна: «Мы живем не по соседству, не рядом, а друг в друге...» Эти слова он написал, имея в виду братство азербайджанцев и армян, но так мы можем определить и взаимоотношения всех наших народов: действительно, мы живем не рядом а друг в друге.

Нас не может не тревожить то, что кое-кто из писателей республик, особенно в произведениях исторического жанра, занимается «косметикой» истории собственного народа, как правило, за счет соседей. При этом порой проявляя неуважение к национальным святыням братских народов. Надо осторожно обращаться с наследием прошлого. Из него надо брать огонь, а не пепел, я уж не говорю о саже.

И еще об одной проблеме. Если реорганизация нашей школы будет и впредь продолжать свой путь по нынешней колее, то лет через 10—20, наверное, в школьных программах не останется места для гуманитарных предметов, в частности литературы. Отдавая должное и научно-техническому прогрессу, и политехнизации школы, мы все же не имеем права забывать, что главная ее миссия — формирование гражданина, патриота, высоконравственного человека. Сейчас по школам идет новая волна — «компьютерная грамотность». Не очень ясно, когда наступит эта грамотность, но зловещие силуэты духовной безграмотности мы наблюдаем давно.

Потребность критического взгляда — вовсе не призыв к всеобщему недоверию. Новый курс выдвигает новых людей — компетентных, инициативных, готовых взять ответственность на себя. И эти новые люди должны быть окружены атмосферой доверия.

За создание такого «климата доверия» к человеку должны неустанно бороться и мы, писатели.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ

(ЛЕНИНГРАД)

Тех, у кого мы учимся, мы издаем мало и бессистемно. Нет, например, полного собрания Лескова, этого нашего замечательного учителя по языку. Нет издания сочинений Аввакума.

Не приступили еще к изданию русского фольклора. То, что имеют все народы Советского Союза. Даже нет плана издания. Не условились еще о принципах издания свода русского фольклора. Нет больших академических изданий Лермонтова, Гоголя. Не издан Карамзин — его «История». А ведь это, помимо всего прочего, великолепное, огромное литературное произведение. Это произведение-подвиг. Особо стоит вопрос об издании произведений русских писателей первой половины XX века. Мы, в сущности, подарили Западу начало нашего века: Андрея Белого нет, о котором Блок писал, что надо его издавать. Почему хотя бы не издать его мемуарную трилогию «Между двух революций»? С комментариями это была бы великолепнейшая история начала нашего века.

Ахматова издается в общем мало, маленькими тиражами и бессистемно. Нет ее полного издания. Хлебникова не надо издавать большими тиражами, но он должен быть у наших поэтов в полном виде. А издаются сегодня маленькие книжечки и массовыми тиражами. Это неправильно.

Федор Сологуб, его «Мелкий бес» — это крайне важное для нас сейчас произведение. Это произведение важно для познания сущности мещанства. «Мелкий бес» был издан в 30-х годах небольшим тиражом и больше не издавался.

Алексей Ремизов умер советским гражданином. Как установил Ю. А. Андреев, «Россия в огне» была написана до Октябрьской революции и, следовательно, не могла относиться к Октябрьской революции. Это относилось к Февральской революции. А между тем Ремизов чрезвычайно важен для нашего литературного развития по языку и по тем экспериментам, которые он в литературе ставил.

Нет полного издания Пастернака. Предполагаемое издание Гумилева в «Библиотеке поэта» также очень важно. И я хочу обратить ваше внимание на то, что у Гумилева нет ни одной строки антисоветской. Ждет своего научного издания наследие Корнея Чуковского, как ждет признания и музей его в Переделкине. Этот список можно еще продолжать. Можно подумать о том, чтобы издать Мережковского, ограничиваясь только историческими романами.

Второе, о чем я хотел сказать, — это о литературных музеях. Литературные музеи — это воспитательные центры, очень важные для молодежи особенно и очень действенные. Хотя по Российской Федерации 120 литературных музеев, а по Союзу их больше, потому что особенно маленькие республики хорошо поставили дело с литературными музеями: в Литве, в Эстонии, в Латвии, в Грузии, в Армении. Но до Октября в одной Москве было сорок сороков церквей. И это тоже были своего рода воспитательные центры. Так что думать о том, что у нас много или слишком много литературных музеев, нельзя. У нас не музейный бум, а музейный голод. В этом может убедиться каждый. В Ленинграде перед музеями стоят тысячные очереди — тысячные, а не сотенные.

Конкретные предложения. В Ленинграде нужно открыть музей-квартиру Салтыкова-Щедрина на Литейном проспекте. Сергей Александрович Макашин говорил, что если покопаться в дымоходах, то даже дым от папирос Салтыкова-Щедрина (он был заядлый курильщик) сохранился там. И надо рядом открыть квартиру Чернышевского, которая тоже целиком сохранилась. В результате получился бы, с имеющимися уже литературными музеями, своеобразный литературный «куст». Это имеющиеся сейчас музеи Некрасова и Добролюбова, рядом будет квартира

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Салтыкова-Щедрина, рядом—квартира Чернышевского, рядом — прекрасный музей Достоевского, квартира, где он умер, и дом, где он жил. Это целый литературный «куст». Можно будет экскурсию проводить сразу по всем музеям.

И ведь такой же литературный «куст» есть в Москве. Стоит только открыть дом-музей Гоголя, где он жил и умер. Честь и хвала Украине и украинскому Союзу писателей, что там под Полтавой в Васильевке открыли музей-заповедник. Об этом давно хлопотали Олесь Гончар, Золотусский и другие.

Но парадоксально, что музея Гоголя нет в Москве. А предметов, связанных с Гоголем, множество. И сохранился дом, где он жил и умер. В этом доме сейчас находится библиотека имени Гоголя и две мемориальные комнатки. Библиотеку можно перенести в симметричный дом, такой же точно, напротив. Там находится учреждение, я там вчера был, но я не могу вам произнести название этого учреждения, я его не смог прочесть. В нем 33 буквы, я сосчитал. (Смех в зале). Но прочесть название учреждения я не мог. Я думаю, что оно могло бы отдать свой дом для библиотеки имени Гоголя.

Сколько десятилетий надо ждать восстановления блоковского Шахматова? Сколько десятилетий мы будем ждать в Ленинграде восстановления памятника Шевченко? В свое время в Петрограде по указанию В. И. Ленина был поставлен памятник Шевченко из гипса, он разрушился. Ведь в Петербурге Шевченко прожил большую часть своей жизни, умер и был похоронен на Смоленском кладбище. А у ворот кладбища нет даже отметки, где была могила Шевченко.

Прекрасно, что наша писательская общественность взялась за хлопоты о литературных местах Москвы и Подмосковья, а наши газеты и журналы печатают эти материалы: «Огонек», «Наш современник», «Москва», «Нева», «Север» и др. Но надо, чтобы наши статьи приводили к определенным результатам, чего, к сожалению, нет. Память должна быть действенной, памяти нужны пристанища, она не может быть бесприютной. Если мы не будем по-настоящему чтить память наших духовных предков — забудут и нас.

Мумин КАНОАТ

(ТАДЖИКИСТАН)

На моем рабочем столе лежит ключ, подаренный ливийскими женщинами в Триполи, — ключ от жилого дома, разрушенного американской бомбой. Я принял его с благодарностью и храню как память, как символ, как предостережение. Он помогает мне открывать двери больших и малых проблем нашей писательской, и не только писательской, жизни.

Ключ от разрушенного дома в Триполи жжет мне руку, когда я читаю стихи без мысли и души. Самое странное, что встречаются критики, готовые найти оправдания попыткам втиснуть емкое понятие «Родина» в образ патриархального кишлака. Да, Родина начинается с родного кишлака, но не замыкается в нем. Так почему же понятие «Родина» должно оставаться на уровне детских представлений и впечатлений автора?

Я говорю пока о таджикских поэтах и таджикской поэзии наших дней. Нас нередко упрекают в приверженности классическим канонам, в слепом подражании великим образцам. Да, есть поэты, которые пасутся на ниве нашей классической поэзии, умиляющиеся слезами дождя, но не замечающие людских слез. Но это не подражание и даже не повторение, а вырождение, свидетельство творческой беспомощности и скудоумия.

Я далек от мысли однозначно обрисовать современную таджикскую литературу. У нас есть бесспорные достижения. Создан ряд произведений, достойно отражающих героический труд гидростроителей, хлопкоробов, нравственный облик советских людей. Самое главное, за последние годы в таджикскую литературу пришла целая плеяда талантливой молодежи, расширилась тематика и география творчества прозаиков старшего и среднего поколений, значительно повысилась культура поэтической речи и ее образности.

Эти тенденции нас не могут не радовать. Но отнюдь не дают права замалчивать наши просчеты и недостатки. Вернусь к так называемой тихой, «камерной» поэзии. На мой взгляд, это явление существует не только в нашем регионе. Предстоит еще найти его корни, установить и понять, как вообще в советской литературе могло прорасти то, что на партийном съезде получило четкое определение — мелкотемье, бытокопательство, отход от правды жизни. Думается, не последнюю роль тут сыграла общественно-политическая обстановка в стране, сложившаяся до апрельского Пленума. Камерность в литературе — это результат социальной успокоенности, гражданского благодушия и инертности. Сегодня, когда партия взяла решительный курс на обновление всех сторон жизни, на ускорение социально-экономического развития, гражданский долг писателя — всемерно содействовать реализации курса партии, укреплять веру людей в реальность этого курса, вдохновлять на трудовые подвиги. Начавшийся процесс обновления, нравственного оздоровления общества создает самую благоприятную атмосферу для творческих дерзаний. Поэтому немаловажное значение приобретает и подлинно творческая атмосфера в писательской организации.

Кто не мечтает, чтобы сама обстановка в нашем общем писательском доме способствовала творчеству и только творчеству?! Так почему же нам сообща не создавать такую атмосферу?

Не буду лукавить: в нашей литературной жизни чрезмерно много организационных, издательских, хозяйственных и прочих отнюдь не творческих проблем, о которые постоянно спотыкается литература. Ведь именно они привносят в атмосферу творчества те мотивы, которые мы сами осуждаем и презираем, но от которых никуда не можем деться.

А все ли благополучно в распределении мирских благ между нашим братом? Внешне пристойная система оплаты «от и до» на деле ставит любого литератора в весьма щекотливое положение. Скажем, ты лауреат Государственной премии — союзной или республиканской. Отныне тебе автоматически платят за каждую публикацию по высшей ставке. Оценивается не само произведение, а былые заслуги автора.

То же о средствах массовой информации. Одних буквально растаскивают газеты, радио и телевидение: другие, не менее достойные — их куда больше, — в тени. Вокруг двух-трех имен создается не просто общественное мнение — определяется официальное отношение.

Свою лепту в канонизацию авторитетов вносит и наша критика. Диву даешься, как ловко расчищается и благоустраивается место тому или иному писателю в ложе для классиков. Лишний раз убеждаешься, что критика все может. Может даже явные недостатки возвести в ранг достоинств. Это отражается и на работе с дебютантами, и на нравственном тонусе в писательской организации, да и просто на самоуважении писателя. Творчество не может строиться на компромиссах, оговорках, взаимных поблажках и уступках. Творчество — всегда поиск, поиск прежде всего правды. Иначе это уже не творчество, а делячество.

Александр МИШАРИН

(МОСКВА)

Подлинная литература возможна только тогда, когда произведение литературы будет рассматриваться не просто как рукопись, перекидываемая от одного рецензента к другому, из одного издательства в другое, из журнала в журнал — и притом годами!.. А когда художественное произведение станет жить, спорить, быть предметом обсуждения уже как книга, как публикация в журнале. Пусть с различным тиражом, но с одинаковой открытостью для широкого и нелицеприятного критического и читательского обсуждения.

Необходимо создание крупных, принципиально новых, масштабных, самостоятельных культурных центров, которые должны быть самостоятельной системой, полностью ориентированной на центральные органы СП СССР, но созданные в полном соответствии с тем, что совершается во всей нашей стране. Со своей самостоятельностью, со своими юридическими правами, хозрасчетом и самоокупаемостью.

Наверно, подобные культурные центры сначала могут быть созданы на основе существующих журналов и издательств... А может, скоро понадобятся и новые?! Но главное — другое: построить их по высокопрофессиональному принципу широкой коллегиальности. Найти продуктивные формы их автономии и самостоятельности, в свободном варьировании центральных изданий, побочных, пробных, экспериментальных. С разными тиражами, на разной бумаге, с разными сферами распространения. Во главе подобного культурного крупного центра должны стоять высокого авторитета представительные писательские советы. Именно они, эти советы, должны выбирать главного редактора или директора журнала или издательства. Само избрание, а не назначение должно быть абсолютной прерогативой совета, что придаст ему подлинную самостоятельность, исключит игру внелитературных амбиций.

В этом ничего нет нового. Мощный культурный центр — это крупное объединение, которое несет народу произведения культуры. Если подобный центр (будучи обязательно хозрасчетным) прогорит, то совет (в который не надо бояться включать и представителей общественности, профсоюзов, партийных работников, специалистов книжной торговли) изберет нового директора... А если и это не поможет, то надо будет сменить весь совет на правлении соответствующего союза и избрать новый. Кстати, подобные центры не должны быть сосредоточены только в Москве или Ленинграде, что само собой разумеется. Их создание в новой форме на базе местных региональных издательств и журналов придаст им новые возможности — никто не знает, где, в каком месте, в какой области, в какой республике возникнет крупный, влиятельный, талантливый очаг нашей отечественной культуры.

Как драматург, я не могу не сказать о необходимости такого же мощного культурного издательского центра и по вопросам драматургии. Ибо на сегодняшний день драматургия как жанр литературы безоговорочно выключена из статуса печатной литературы. Это дико и неестественно... И годами нерешаемо. Думаю, что это нужно сделать на основе альманаха «Современная драматургия».

Они — эти новые культурные центры — должны стать широкопредставительными творческими мастерскими, где право и дело в первую очередь не за литературным порядком и бухгалтерией, а за мастерами-художниками, которые ответственны не перед секретариатом СП, а перед читателем.

Да, мы много боремся за экологию, за мир, за разоружение, за остатки природы. Но мне хочется поднять здесь свой голос за не менее важное — за достоинство человеческое. За достоинство писательское. За главное в нем — человечность. Она, человечность, как правильно сказано, «есть чувство трагическое». Оно предполагает умение и мужество заглянуть в самого себя! Столкнуться с собственной ограниченностью, косностью, эгоизмом, с личными только потребностями. Путь к себе и начинается с мужества, с решимости бросить вызов злу в самом себе, вступить с ним в безжалостную борьбу.

Кто человек нашего времени? Социально активный, духовно требовательный к себе, гражданин и защитник основных гуманистических ценностей своего Отечества? Хотелось, чтобы это было так. Если литература еще не потеряла своего магического художественно-нравственного влияния, то мы уже сейчас ответственны за идеалы, души, образ жизни человека XXI века. Больше. Мы ответственны за то, каковы будут цели, дух и смысл нашей нации, народа.

Павел БОЦУ

(МОЛДАВИЯ)

Понятие «гражданская позиция писателя» обязательно должно включать в себя и критическое отношение к недостаткам. Объективная критика и самокритика всегда способствовали утверждению высоконравственного климата. При том, как справедливо подчеркивалось, плодотворна лишь деловая, предметная, конструктивная критика, не имеющая ничего общего с крикливой демагогией и сведением счетов. Неприятие критики, встречавшийся волюнтаризм в решении вопросов вели порой к застою в экономике, в хозяйствовании, а это не могло не сказаться и на литературе.

Реминисценции триумфализма в литературе — это та же деформирующая однобокость, равно как и тенденция изъять из художественных произведений отрицательные персонажи раньше, чем они исчезнут из жизни.

Перестройку в области творческого труда мы видим прежде всего в усилении требовательного отношения к собственной работе, в ее критической, объективной оценке. Начинать с себя — таков строгий призыв времени.

Это, конечно, относится и к нашим литературным изданиям. Надо отметить, что некоторые из них, как, например, «Литературная газета» и другие, во многом перестроили свою работу, вышли на ряд актуальнейших вопросов, волнующих современное общество.

Товарищи! Биография каждой братской литературы приобрела за последние годы новые творческие штрихи, яркие завоевания, большой запас прочности, которыми нельзя пренебречь, не учитывать. И необходимо подчеркнуть, что немало волнующих сегодня вопросов экономической и социальной жизни были в свое время выдвинуты и в произведениях многонациональной советской литературы. Многие писатели поднимали свой голос в защиту нравственных устоев, против неразумных методов хозяйствования, в защиту окружающей среды. Только за последние годы, если привести один из примеров, наш старейшина поэт академик Андрей Лупан опубликовал около двух десятков статей по самым актуальным темам, во многих своих пьесах Ион Друцэ ставил острые, злободневные вопросы.

Жизнь не стоит на месте, более того, она преподносит поводы не только для радости, но и для горестных раздумий. Говорилось здесь о Чернобыле. У нас общие не только земля и хлеб, но и беда в своей суровой реальности. Об этом забывать нельзя.

Самое необходимое сегодня, как нам представляется, — это стремиться общими усилиями выйти на важные, стержневые темы, волнующие наше общество, главная из которых касается самого человека, созидающего это общество. Преодолеть психологию перестраховки, «как-бы-чего-не-вышлизма» — одна из первых наших задач. Ведь бывало, что некоторые более сложные произведения встречали на своем пути к читателю немало необоснованных препятствий, порой искусственных. Без вмешательства директивных органов нашего ЦК некоторые из них у нас не увидели бы света.

В современных условиях неизмеримо возрастает роль литературы и искусства в эстетическом и нравственном воспитании человека. Тем более странно выглядит тенденция внести в школьные программы новые предметы за счет литературы. Мне довелось работать учителем в сельской школе, и хорошо помню, как из анализируемых произведений выхолащивались художественная ткань, языковое, стилевое своеобразие. Надо безотлагательно вернуться к вопросу о совершенствовании учебников, а также к необходимости преподавания литературы и основ отечественного и мирового искусства во всех вузах и техникумах. Мы также считаем, что во всех республиках должны быть созданы издательства для детской и юношеской литературы, поддерживаем необходимость создания центрального издательства «Дружба народов».

Забота о памятниках культуры, равно как и забота о благополучии земли и рек, о здоровье родного языка, наших сказов и песен, — еще одна из первейших наших задач. Ведь именно родной язык способствует тому, чтобы слово партии, слово правды дошло до каждого человека.

Художественная литература, издавна получившая название «учебника жизни», видит свой первейший долг в том, чтобы помочь человеку в его духовном росте и становлении. Писатели Советской Молдавии, как и мастера слова всей нашей страны, будут неуклонно выполнять эту благородную миссию.

Владимир БЭЭКМАН

(ЭСТОНИЯ)

Анализируя практику эстонской литературы последних лет, невольно наталкиваешься на мысль о том, что многие ее изъяны своими корнями уходят в нечто такое, что я назвал бы синдромом социальной усталости, проявляющимся у некоторой части наших писателей, да и не только писателей. Кстати, Мумин Каноат с присущей ему восточной учтивостью очень мягко назвал это социальной успокоенностью.

Прямо или косвенно этим обусловлены и наблюдающаяся подчас обособленность части литературы от жизни, уход авторов от острых, социально значимых тем и конфликтов в мир нарочито усложненных образов и иносказаний и своеобразная глухота к современности. По моему глубокому убеждению, дело здесь вовсе не в пресловутом незнании жизни, которым мы в былые времена имели обыкновение объяснять самые разные писательские огрехи. Коль скоро мы имеем дело с более общим явлением, то и причины у него должны быть не субъективного, а, скорее, объективного характера.

Очевидно было бы весьма наивным полагать, что застойные явления в обществе, о которых шла речь на XXVII съезде КПСС, не оказали никакого воздействия на психику людей, в том числе и литераторов. Расхождение слова с делом, распространение очковтирательства и коррупции, наконец просто долголетняя привычка к некачественной, непроизводительной и небрежной работе в самых различных сферах жизни — это ли не питательная среда для разрастания скепсиса. Да добавить сюда еще горький опыт многих авторов на тернистом пути прохождения проблемных и острых произведений.

Синдром социальной усталости, этот усиливающийся на протяжении длительного времени в обстановке негласности недуг, нельзя изжить при помощи одних лишь призывов мыслить и действовать отныне по-новому. К сожалению, уже развелось немало пустопорожней болтовни на эту столь актуальную тему. Чтобы поправить положение, необходимы глубокие изменения в самой общественной атмосфере, в нашем отношении к труду — к любому труду, на что в действительности нацелены программные установки XXVII съезда партии.

Справимся с этой задачей — значит, сможем постепенно, шаг за шагом избавиться от синдрома социальной усталости. Не справимся — он способен стать камнем преткновения на пути дальнейшего, созвучного времени развития нашей литературы. Зависеть это будет от нас самих.

Теперь о некоторых конкретных вещах. Нам говорят, действующий ныне порядок предварительного согласования планируемых к выпуску произведений на уровне Госкомиздата СССР призван оградить издательства от дублирования. Допускаю, что в известной степени это соответствует действительности, когда речь идет о выпуске книг на русском языке, хотя и тут, как полагают сами работники издательств, имеются и иные, более простые и оперативные пути. Но коль скоро дело касается книг, издаваемых на национальных языках, которые выходят исключительно в соответствующих республиках, то зачем их централизованно согласовывать в Москве? Полагать, что всегда и в любом вопросе из Москвы виднее — это мне представляется вряд ли оправданной самонадеянностью.

Кому, кроме ограниченного числа бюрократов высшей пробы, способны доставить радость творчества необъятные сводные тематические планы по всему Союзу, составлению которых единственно и способны служить картотеки согласования? Но ведь именно узаконенный Госкомиздатом порядок планирования, предусматривающий обязательное согласование всех заявок на книги до заключения издательского договора и до включение в план редподготовки, является причиной того, что сроки издания новинок художественной литературы растянулись на годы и исключения из этого печального правила, губительного для развития литературы, возможны лишь в единичных случаях, да и то, как правило, ценой неимоверных ухищрений и никому не нужных уловок. Кому и какая от этого может быть польза?

И, наконец, два совсем уже конкретных предложения. Первое. Думается, необходимо уточнить правила приема в наш союз. В действующем уставе СП СССР они сформулированы достаточно невнятно и допускают оценочную произвольность толкования. В результате порой начинает казаться, что в составе некоторых организаций союза теоретики и историки литературы в недалеком будущем превзойдут долю собственно писателей. Не говоря уж о балласте людей и вовсе случайных. И второе. Среди членов Союза писателей ныне достаточно большой, к тому же возрастающий процент составляют переводчики. При всем уважении к их нелегкому, конечно же, творческому труду следует тем не менее отметить, что их специфические интересы зачастую весьма далеко отстоят от собственно писательских проблем и нам не всегда бывает удобно в одной упряжке. Во многих странах, в том числе и социалистических, существуют и успешно действуют самостоятельные творческие союзы переводчиков. Мне кажется, и нам бы для пользы дела следовало ныне отпочковать от нашего Союза писателей Союз переводчиков. Поверьте, говорю это отнюдь не из желания отлучить переводчиков от писательского звания — не членским же билетом становятся писателем, — единственно из рационального убеждения, что так будет лучше нам всем, а главное — литературе.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

(МОСКВА)

Время, в которое мы живем, называют переломным. Эпитет жесткий, но справедливый. Идущая в нашей стране перестройка — долгожданная, масштабная, глубинная перестройка — касается сегодня всех и каждого. В государстве нашем идет процесс обновления, разбуженности, ежедневного поиска. Процесс невероятно сложный, порою мучительный, однако единственно верный, жизненно необходимый.

Прекрасно, что сейчас наступило время, когда вроде бы привычным, хорошо знакомым понятиям постепенно возвращается их нормальная, истинная суть. Когда работа становится работой, план — планом, совесть — совестью, коммунист — коммунистом, а ответственность — ответственностью.

Однако старые формулы не хотят сдаваться, они живут, существуют, мелькают.

Пока будут битвы (за план, за урожай, за качество или еще за что-нибудь), мы вперед не двинемся. Ибо битва — символ штурмовщины. А должна быть работа — да, напряженная, да, трудная, но — настоящая, творческая, хорошо организованная работа.

Такая же работа должна быть и в нашем Союзе писателей.

Коснусь проблемы молодых, хотя об этом уже говорилось. Вы, конечно, знаете, что нынешним молодым писателям 30, 40, а то и больше лет. Это считается нормальным. Есть даже прекрасная теория, по которой становление поэта (да и прозаика) сегодня происходит медленнее, чем вчера, гораздо медленнее. И все свои лучшие качества, в том числе и индивидуальность, молодой поэт проявляет именно к 30—40 годам.

Что же, может быть, теория и права. Но вот что странно: возраст первой любви остается прежним, сегодня, как и раньше, люди влюбляются впервые не в 26 и не в 27, а в 15, 16, 17. И паспорта получают, как и прежде, в 16. И на воинскую службу идут в 18. А порог школы переступают впервые даже не с восьми, а с шести лет.

Выходит, все успевают созреть вовремя, и только молодые писатели как назло не успевают, опаздывают. Беда прямо! Ну, а вдруг в этом затянувшемся опоздании виновато не время, а писательская практика? Ведь не секрет, и об этом тоже говорилось на съезде, что чем талантливее, чем своеобразнее рукопись, тем дольше лежит она в издательских закромах. Сколько может лежать? Бывает 5 лет, бывает — 7, бывает и больше. Вот и «созревает» молодой писатель, вот и подтверждает он «теорию позднего становления».

Позвольте немного поговорить о критике. Так вот: если судить о нашей нынешней литературе по многочисленным критическим статьям и рецензиям, то становится ясно: в Союзе писателей СССР на сегодняшний день состоят творческие личности, чем-то похожие на гоголевских губернских дам: они либо «просто приятные», либо «приятные во всех отношениях». И ничего другого в СП не водится. Однако такой благостный пейзаж создается не только критиками. Ведь поэты и прозаики тоже пишут друг о друге. Причем довольно часто.

Впрочем, нельзя утверждать, что мы абсолютно некритичны. К примеру, вот уже пару лет подряд в каждом докладе на каждой писательской конференции или съезде, включая и нынешний съезд, обязательно есть фраза о серости в литературе. Некоторые докладчики говорят даже о «сером потоке». Эту самую серость они обзывают очень нехорошими словами, ее проклинают, с ней призывают активно бороться» и шум по этому поводу идет огромный большой шум идет!

Настораживает только вот такой факт: докладчики, говоря о серости, почему-то, как правило, не приводят ни одного названия, ни одной фамилии.

И поэтому проблема борьбы с серостью приобретает некий загадочный, полумистический оттенок. И уже начинает попахивать откровенной чертовщиной: серые книги вроде бы есть, а названий у них нет. Эти книги вроде бы изданы, а вот кто их написал — неизвестно. Ну, а может, это военная тайна? Может, авторы серых произведений теперь настолько засекречены, что их фамилии даже нельзя произносить? А то враг услышит!

Сейчас абсолютно правильно требуют: поменьше слов, побольше дела. Все верно. Но как быть нам, если главной писательской болью и радостью главным сомнением и надеждой, главным писательским поступком и самым главным писательским делом является слово?

Значит, надо работать так, чтобы слово наше всегда служило неохватному делу нашей страны: делу нашего советского народа, делу, в котором вся наша жизнь. Вся, без остатка!

Майя ГАНИНА

(МОСКВА)

Я хочу сказать, что подросло и пришло в литературу поколение писателей, большинству которых, как выяснилось, чужд интерес к социальным процессам. Которое не желает вникать в происходящее, постигать подробности реальной жизни народа. Ибо они спасительно усвоили с первых шагов, их научили первые же редакторы, грубая реальная жизнь не есть предмет литературы. С этим, начни только вникать, намучаешься, все равно не пройдет. Литература — это игра. Непыльная и прибыльная, умей только быть «хорошим парнем», нравиться друзьям и влиятельным, уже достигшим теплых мест писателям, умей и сам тихой сапой пробиться к посту в издательстве либо в Союзе писателей. Будут исправно выходить книги, которые ничьему уму и сердцу ничего не скажут, однако позволят тебе жить безбедно и не опасаясь ОБХСС. Будут тебя поминать в докладах, как я обойме, так и индивидуально, ибо как не похвалить хорошего, услужливого парня, который сил не жалеет для общественной работы да еще и тебя предупредительно издаст и на записочки правильно среагирует.

Более честные и талантливые занялись перепевами бессмертного «Мастера и Маргариты», наивно полагая, что ежели летает не Маргарита, жена Мастера, а медсестра либо музыкант, либо некто в хрустальном гробу, то это свое, а не список с булгаковской партитуры.

В середине пятидесятых годов, когда я начинала свою литературную работу, у писателей, как правило, был за плечами либо фронт, либо завод, либо стройка. Был у каждого немалый жизненный опыт. Тем не менее мы нарасхват выпрашивали в журналах командировки на стройки Сибири, на целину — не потому, что конъюнктурно предвкушали: «Сварганю-ка я повестуху на актуальную тему!» Просто в Сибирь, волей исторической необходимости, потянулся народ, хотелось и нам коснуться неизвестного, понять, как люди живут, о чем думают, что там происходит.

Теперь же, насколько я знаю, добровольно в Сибирь на стройку, в совхоз, на завод молодого писателя силком не вытащишь, бригады особые создаются, под ручки выводят здоровых дядей в жизнь.

Но внимания к себе молодые громко требуют. То «сорокалетние» кричали о «дефиците внимания», теперь «тридцатилетние». Литература не бывает огульно возрастной — это абсурд. Только в детсаду группы по возрастам составляют. И раньше, и ныне литература — это имена. Это особый мир, который приносит с собой Писатель. Толстой, Чехов, Бунин, Достоевский... В одно время жили и творили, но как бы и в совершенно разное. Каждое из названных имен — свой, многогодобный, особый мир.

Два года назад мы прочитали в «Октябре» «Самоходку номер 120» Константина Колесова. Впервые тогда прозвучало это имя, принес я литературу свою, особенную войну. Колесову шестьдесят, ну и что? Он писатель интересный, обещающий. Или Татьяна Толстая. Я прочла три ее рассказа, я помню ее имя, ее особенный мир. Ей тридцать пять. Юрий Сергеев, Эдуард Русаков, Кемеровская писательница Екатерина Дубро. Имена! И раньше, и ныне литература — это имена.

Но кому-то, видно, выгодна игра в «возрастную» литературу, где все проходят огульно, «чохом».

Память у меня хороша, я помню: в начале шестидесятых годов, как лягушку через соломинку, надували тогдашних «тридцатилетних» и «сорокалетних». Выдавали щедрые авансы, перебирали в докладах и статьях еще не состоявшиеся имена так, что звон в ушах стоял. А носители имен, доверчиво внимая раздувавшим, жаждали год от года новых превосходных степеней, иных, более лестных эпитетов. Может, пора остановиться? И навести, допустим, порядок в издательствах, разрушив прочную, как в Сицилии, всемогущую мафию, сквозь которую молодым, свежим талантам не пробиться никогда, ибо талант — личность. А личность неудобна тем, кто любит привычно среднее, безопасное.

Печататься писатель должен непременно. Что следует ввести в практику? Ежегодные отчеты редакторов издательств перед писательским собранием. У издателей и писателей одна цель: рождение книги. Надо выяснять, достоин ли редактор своей ответственной должности. Он должен быть заинтересован в талантливой книге. Премии надо давать за талантливую книгу, отысканную в «самотеке».

Позор столичным писателям-генералам, которые отрывают кусок хлеба у неимущих, печатая свои произведения в областных издательствах! Известно, как длинна там очередь местных писателей, как ограничены лимиты бумаги и денежных средств. В областных издательствах должны печататься свои, талантливые. А то как ни раскроешь «Книжное обозрение» — то книга Лиханова, то Бондарева, то Юлиана Семенова, то Владимира Еременко-старшего и так далее. По три-четыре раза в год в областных издательствах мелькают. Значит, очередь местных, пока для нас безымянных задержалась на эту отобранную порцию...

И еще одно — об отношении к писательницам-женщинам. Хоть бы Сильву Капутикян в президиум пригласили. Ведь это живой классик... Ни одной женщины в президиуме писательского съезда! В Союзе писателей к женщине относятся как к нечистой силе: делают вид, что она не существует, но... боятся.

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Мирза ИБРАГИМОВ

(АЗЕРБАЙДЖАН)

Многие важные творческие проблемы, волнующие представителей одной национальной литературы, характерны и для других наших литератур. Это связано с общностью интересов, совместной трудовой деятельностью, единством идеалов, за претворение в жизнь которых борется советский народ.

В содержательном докладе Г. М. Маркова прозвучала тревога за качество литературы, перед которой стоят ныне большие задачи.

Важнейшей из них является отражение грандиозных процессов, происходящих в стране.

На своем XXVII съезде партия смело выдвинула перед народом задачи всемирно-исторического значения — основательно перестроить экономическую и социальную жизнь огромной страны, изжить в корне все накопившиеся негативные явления, в первую очередь в сознании людей.

Многовековой опыт художественной мысли человечества диктует неоценимую роль и значение художественной литературы в переломные периоды жизни народов. Литература социалистического реализма со времени появления романа Горького «Мать» неразрывно связана с передовыми революционными процессами, происходящими в жизни общества.

Не случайно во всей советской многонациональной литературе созданы произведения, в которых в образе живого, полнокровного героя отразились героические периоды революции, гражданской войны, строительства социализма, Великой Отечественной войны, залечивания ран, нанесенных нашему народу варварским нашествием фашизма, и т. д.

Я с гордостью отмечаю, что азербайджанская советская литература шла вровень с другими литературами в создании таких художественных ценностей и многие романы, поэмы, драмы азербайджанских писателей вошли в золотой фонд художественной сокровищницы страны.

Естественно, упиваться этими достижениями нам не к лицу. Тем более что наряду с хорошими, полноценными произведениями пишется и печатается, к сожалению, немало серых, подчас просто непотребных вещей.

Мне хочется особенно отметить беспомощность некоторых писателей в создании образов героев современности. Такие явления имеют место не только в азербайджанской литературе, но и в более широком масштабе. Говоря о герое литературы, я имею в виду как образы эпико-драматического, так и лирического героя. Некоторые поэты наполняют стихи пессимистическими чувствами, плачут о листопаде, грустят о неосуществленных и непонятных никому, кроме них самих, загадочных мечтах. Когда читаешь такие стихи, то невольно думаешь, что это неустроенный, несчастный в жизни человек, нуждающийся в куске хлеба. С некоторыми из таких поэтов после прочтения их стихов я решил познакомиться лично. И что бы вы думали? Передо мною предстал модно одетый, пышущий здоровьем, обеспеченный во всех отношениях молодой человек. Я его спрашиваю: «Почему в твоих стихах так много грустных мыслей, чувств и выражений?» А он отвечает: «Не хочу идти по проторенному пути». Пришлось в деликатной форме сказать: «Новаторство и оригинальничанье — разные вещи».

Я думаю, что причина подобного явления кроется в изъянах эстетического воспитания нашей литературной молодежи. А ведь среди них есть очень хорошие литераторы подающие надежды своими произведениями. Видимо, наш большой союз и союзы писателей республик, мы, писатели старшего поколения, наша критика не уделяем необходимого внимания привитию им лучших традиций советской классики.

Конечно, каждый герой — сын своего времени, и герои 30—40-х годов не могут служить стереотипом для современной литературы. К сожалению, некоторые не совсем правильно понимают огромную и очень нужную работу, проводимую в нашей нынешней жизни, и поэтому не замечают все то хорошее, благородное, чистое и возвышенное, что в ней есть. Отсюда — увлеченность части литераторов и журналистов образами отрицательных героев, причем в этом деле исчезают грани между различными жанрами. Герой серьезной повести, драмы или романа ничем не отличается от героев комедии и сатиры, где существуют другие эстетические принципы изображения человека. Если писатель одержим одной мыслью, что все вокруг плохо, все воры, жулики, вруны, двурушники, нельзя ждать от такого автора произведений, правильно отражающих жизнь, а его талант, если он таковым обладает, никогда не материализуется в его труде.

Я принадлежу к числу тех писателей, которые ни при каких условиях не теряли и не теряют веры в человека, в разум, в справедливость. И считаю самой высокой задачей писателя — создать такой образ современника, который мог бы служить образцом для миллионов людей.

Юлиан СЕМЕНОВ

(МОСКВА)

Отчетный доклад правления вряд ли может удовлетворить делегатов. Он аморфен, лишен внутреннего динамизма. Доклад правления не может удовлетворить еще и потому, что материалы мандатной комиссии прямо-таки вопиют о трагическом положении с молодыми в нашем творческом союзе. Именно это и должно было стать главным камертоном тревоги. Мы — съезд бабушек и дедушек, в лучшем случае — пап и мам. И это в период ускорения и интенсификации!

Наша критика, которой этими тревожными вопросами в первую очередь и заняться бы, плохо знает проблемы молодого поколения, создает культы литературных королей, которые на поверку оказываются голыми, а их книги, изданные гигантскими тиражами, составляют главный доход вторсырья.

В отчетном докладе робко говорится о необходимости улучшения связи с книжной торговлей, с читателями. Как это провести в жизнь на деле, а не на словах?

В нашей стране дворцы и клубы принадлежат народу, но отчего-то сплошь и рядом отданы под танцульки. А есть реальная возможность организовать ежемесячные диспуты с читателями, турниры поэтов, исповеди прозаиков — только это поможет нам понять истинный, а не мифический читательский интерес. Именно в нашей стране, где газета писательского союза является весьма популярной, можно и нужно гласно, то есть честно, без подтасовок и литературных приписок, печатать еженедельные списки наиболее читаемых книг, как советских, так и зарубежных, спорить с этими книгами, критиковать их, если они того заслуживают, предметно доказывать читателю его, читателя, неправоту, коли он действительно не прав, но отмахиваться от реального интереса народа, игнорировать его мнение в угоду литературной конъюнктурщине недостойно!

Практика нынешнего тиражирования книжной продукции стойко игнорирует читательский интерес.

Всем известно сколько нужно сдать макулатуры чтобы получить книгу Ахматовой или Шукшина! Но макулатура продолжает издаваться. Это еще один из примеров противодействия тому новому, что рождается в стране после апрельского Пленума. Тиражи книг определяют Союз писателей, Госкомиздат, тогда как Госплан и Министерство финансов, которые заинтересованы в реальных деньгах для государственной казны, исключены из этого процесса. Я уж не говорю о самом читателе.

И еще — выскажу несколько конкретных предложений. Первое. Поскольку у нас трудности с бумагой, молодым писателям трудно издаваться — надо просить разрешения издавать книги молодых писателей способом ксероксирования.

Просить, чтобы им оплачивали эти издания, как печатные.

Второе. Поддержать предложения академика Лихачева, но добавить к нему пункт о том, чтобы сделать автомобильную дорогу Ленинград — Москва национальным памятником имени Радищева.

Асхат МИРЗАГИТОВ

(БАШКИРИЯ)

Спрашивается: зачем сегодня беспокоить тени великих? Какая в этом необходимость? Ведь есть живая, конкретная литература с ее конкретными заботами. Но именно ради этой живой и конкретной многоязычной и многохлопотной современной советской литературы нужно вспомнить и великого Горького, и целую плеяду таких выдающихся писателей, как Маяковский, Шолохов, Фадеев, Фадин, Тихонов, Погодин. Они не только сохранили исконные черты русской интеллигенции прошлого, но и обогатили их новым содержанием. Они поверили в неумелые, робкие литературные попытки ровесников из союзных автономных республик, областей и округов и поддержали их.

Литературный небосвод держали на своих плечах не только великие, но также честные, настоящие писатели, поэты и драматурги, очень много сделавшие для многонациональной советской литературы. Это проявлялось в том, что они, подобно Симонову, Семушкину, Бородину, Злобину, открывали новые миры народам близких и далеких окраин, переводили и издавали, учили нас относиться к духовному наследию других народов с уважением.

К сожалению, многое сегодня огорчает, и прежде всего утрата интеллигентности нашими писателями в отношении к главному делу — литературе. К нашим непосредственным обязанностям друг к другу.

Ниспровергать все и вся, вычеркивать свою прошлую жизнь, сваливая вину на обюрократившееся якобы начальство, тем самым снимая с себя всяческую ответственность,—это по крайней мере несерьезно, скорее демагогично. Интеллигентность не имеет ничего общего с демагогией.

Доказательность же, чувство меры и корректность в дискуссии являются в высшей мере чертами интеллигентности. Разве дело только в том, что Союз писателей превратился в министерство, то есть канцелярию? Союз писателей не пишет книги, книги создает писатель. Но суть в том, что эти книги сегодня в силу ряда причин оставляют желать лучшего в смысле честности, правдивости, оригинальности, талантливости, необходимости их людям и обществу.

Серьезно говоря о наших литературных делах с учетом серьезности и важности задач, выдвинутых временем перестройки, качественного обновления общества, нам необходимо прежде всего самим психологически перестроиться. С этого, на наш взгляд, начинается качественная перестройка литературы. Писатель, если он настоящий, должен быть не робкого десятка. В его груди должно быть львиное сердце, а не сердце зайца, хотя с заячьим сердцем жить легче и удобней — и врагов меньше, и сон спокойней, и у начальства в почете, и дом по житейским понятиям — полная чаша.

Вот почему сегодня так необходим гнев Толстого, бесстрашие Горького, непримиримость Маяковского и Фадеева. Каждому нужно вытравить из себя зайца. И никто, кроме нас самих, этого не сделает. И трудная повседневная работа эта должна происходить за рабочим столом, в литературных спорах, в переоценке ценностей и просто в писательских взаимоотношениях. Иначе нас всегда будет подавлять воинствующая посредственность, подавлять и одерживать победу.

Нам нужна стойкость подлинного русского интеллигента. Быть интеллигентом— значит не допускать разлада с совестью, быть непримиримым ко всякому отклонению от норм нашей морали, этики, литературному штрейкбрехерству, то есть приспособленчеству всех видов и мастей, мы знаем с этим злом бороться не просто либо сверхактивность, сверхпронырливость есть форма существования литературного поденщика и коньюнктурщика.

Каждый писатель по-своему понимает правду, но правда у каждого своя. Есть правда хлебопашца, есть правда пророка. Оба смотрят на только что вспаханное черное поле. Ворон видит на нем жирного червяка, хлебопашец — море золотых колосьев, будущий богатый урожай. Правда хлебопашца — это наша правда, правда настоящего советского искусства, правда литературы.

При внимательном взгляде на литературу наших дней нельзя не заметить некоторый крен в сторону увлечения негативными явлениями, некое смакование темных сторон жизни. Конечно надо писать о недостатках, их у нас хватает. Но хотелось бы видеть перспективу, окрыляющую человека, и его идеал добра.

Константин ВАНШЕНКИН

(МОСКВА)

На писательском съезде РСФСР, да и в дальнейшем, прозвучал ряд выступлений по вопросам экологии, поворотов рек, затопления земель, об опасности, о бедственной непоправимости этих процессов. Говорилось также о сегодняшней архитектуре, о проблемах планировки, застройки, сохранения старины.

Нуждается в защите и сама литература. Принято считать, что тут дело проще. Всемогущее время все расставит по местам. Это верно лишь отчасти. И здесь удручают одинаковые «коробки» по всей стране, и здесь волна посредственности затопляет необозримые пространства читательского сознания. Это тоже нанесет непоправимый урон национальному вкусу. Уродливые шрамы останутся надолго.

Четверть века назад мы бурно ликовали по поводу массовой экранизации русской классики, не желая замечать, что она убивает, выхолащивает, заменяет саму суть, выражаемую только посредством слова. Результат плачевен. Уже два поколения молодых людей не читали классики.

Сейчас мы озабочены ослаблением притока в литературу новых талантливых сил. Талантов у нас немало, не настолько мало, как может показаться. Беда в том, что по-настоящему яркие имена сопровождаются откровенно слабыми. Проведем аналогию с положением в народном хозяйстве. Можно ли представить себе ситуацию, когда хвалили бы лучшие и худшие предприятия вместе, чохом, для консолидации, чтобы никому не было обидно? Абсурд! И у нас должен быть один критерий — качество.

Поразительное разделение, расслоение писательской среды: выдающийся, видный, известный. И какой еще — неизвестный, что ли? Неизвестный мастер XX века! Кто же тот господь бог, кто разрабатывает эти градации? Я не помню что-то, чтобы выдающимися называли Ю. Трифонова, Ю. Казакова, В. Тендрякова, Б. Слуцкого. А ведь на деле это так.

Очень важно, чтобы слово соответствовало не только делу, но слово сказанное соответствовало слову написанному, и чтобы слово, сказанное здесь, на съезде, соответствовало слову, сказанному не с трибуны. Чтобы не получалось, что на трибуне одна шкала ценностей, а в действительной литературе — другая. К сожалению, именно это явление стало основным нашим тормозом.

Литература — организм, отражающий запросы времени. Она должна идти и впереди своего времени. Теперь же более в ходу поэты-иллюстраторы, пишущие отклики, повторяющие в зарифмованном виде известные положения уже принятых постановлений. А ведь литература сама должна открывать и анализировать явления жизни, рассматривать и исследовать душу человеческую. Такова ее изначальная, глубинная задача. Нам следует дорожить репутацией и престижем нашей литературы. Литература служит народу, но литература — не бюро обслуживания.

Многие из вас слышали выступление с высокой трибуны XXVII съезда заслуженного шахтера. Он сказал, что наша литература, и песня в частности, «в долгу перед шахтерами». Хочется спросить: а перед монтерами, перед вахтерами? Но разве песня «Вставай, страна огромная» не для шахтеров? А «Враги сожгли родную хату», «Одинокая гармонь», «Хотят ли русские войны», «Журавли», «День Победы» и т. д.? Эти песни и для шахтеров. Истинное искусство устраивает всех.

Но какова сила инерции штампа? Угольная промышленность не раз (я навел справки) выполняла планы, только скорректированные для нее в конце пятилетки, а заслуженный шахтер утверждает, что в долгу литература.

Литература сильна многообразием. Когда-то А. Межиров написал замечательное стихотворение «Коммунисты, вперед!». Это одно из самых ярких гражданских стихотворений всей советской поэзии. Такие стихи пишутся редко, но поэзия и не могла бы состоять только из таких стихотворений. Слава богу, прошли времена, когда критика косо посматривала на пейзажную и любовную лирику. Сейчас ясно, что собственно лирика делает человека выше, чище, то есть в конечном итоге выполняет те же задачи.

И в заключение—о трезвости. Да, наступает время трезвости. Хочется в это верить. Я это понимаю не только в смысле борьбы с пьянством и алкоголизмом, а в смысле трезвого, реального подхода к действительности, и прежде всего — к оценкам ценностей и ситуаций.

Борис МОЖАЕВ

(МОСКВА)

На наших пленумах, съездах слышится одна и та же песенка: у нас-де серая литература, нужно бороться с серостью. Больше всего об этом говорят редакторы журналов—«тонких» и «толстых», руководители Союза писателей, которые руководят и журналами, и издательствами. Я полагаю, понятно: серая литература с неба не падает, ее поставляют «толстые» журналы и издательства. И получается как по пословице: сами берут и сами орут.

Давайте конкретно посмотрим журналы. Начнем с «Нового мира». Три месяца подряд страницы журнала были забиты серой прозой: повесть Кожевниковой и роман Эдлиса, который совестно называть романом. Я хорошо отношусь к Эдлису: он неплохой драматург. Но это первое его крупное прозаическое произведение, а первый блин всегда выходит «комом». Но я не могу понять руководителя такого журнала с такими традициями!.. Если вещь не готова, недотянута, она не должна идти в печать. Главный редактор журнала Владимир Васильевич Карпов оказал «медвежью услугу» и автору романа Эдлису и обидел читателя. Может быть, в редакционном портфеле не было ничего? Мне же известно, что в тот период отклонили три романа: Владимира Дудинцева, Василия Росякова и мой роман — второй том «Мужиков и баб».

Нельзя говорить вообще о серой литературе, надо говорить о серых произведениях. Вот пример.

Я зачитаю отрывок из нашумевшего романа о стройке в Сибири столичный корреспондент заехал на стройку, чтобы взять интервью у генерального директора. Тот пригласил его к себе в кабинет, угостил «душистым кофе», похвалил корреспондента за гениальные статьи, которые он жадно перечитывает, попросил, чтобы и про его стройку была написана такая же статья, чтобы кадры завлекать, советует упомянуть о «высоких заработках» и прочем. И тут же раскрывает свои способности великого стратега. «Вы сказали о стратегии стройки. В чем острота момента?.. — Отвечу. — Пушкарев собрал свой ум в пульсирующую горячую силу, в недрах которой бился образ комбината». Далее он понес такую чепуху, что сразу видно — никакой он не строитель. «Сюда на больших скоростях движутся колоссальные силы. Оборудование с наших и заморских заводов. Газопроводы! Строится флот супертанкеров. Атомные ледоколы! Сырье с еще непостроенного комбината считают Госплан. Министерство торговли, переводят в рубли и доллары, и на эти не существующие еще миллиарды планируют грядущую сталь, пшеницу, электронику. Вот они, силы, бьющие в нас из настоящего и будущего! Стратегический смысл управления в том, чтобы их встреча была синхронна. Чтобы стыковка прошла безупречно. Если возникнет разрыв, в него, как в прорву, потекут баснословные средства. Вот в чем драма момента! Стянуть в кулак эти силы!

Он сжал кулак до синих бугров и жил, и в стиснутой ладони бились и рвались на свободу железные дороги, реки, людские несметные жизни, хрипел и орал континент, а он, Пушкарев, держал его под уздцы».

Пародия, фельетон? Нет. Я выписал это, повторяю, со страниц журнала «Октябрь», из романа Проханова «Место действия». Эдак выражается не сатирический персонаж, а самый что ни на есть положительный герой.

Кто же этот Голиаф? Где нагулял он силу такую? Где, в каких заоблачных высотах складывалась такая роковая судьба? —спросите вы вместе с заезжим журналистом. «Да какая уж там судьба? — неожиданно заскромничал наш герой — Пускал заводы. Матушку-Русь коптил. В министерстве, как говорится, чиновничал. А потом получил в награду этот лакомый ломтик земли. Вот и мнем его день и ночь, авось что-нибудь слепим». Вот вам и рецепт, как стать героем, выдающимся инженером, генеральным директором!

Надо ли доказывать, что инженер-строитель не лепит на авось что-нибудь путное, не хватает за горло континент, ему не до супертанкеров и атомных ледоколов, у него конкретное и сложное дело — стройка комбината, да еще в необжитой местности —требует не только знаний инженерных, но еще и большого практического опыта. И писатель, взявшись за такую тему, должен по крайней мере знать, во что обходится прокладка дорог и коммуникаций, что значит выполнить нулевой цикл да построить жилье, создать производственную базу, наладить снабжение и приступить к закладке главных корпусов. То есть надо самому автору накопить такие знания, которые позволили бы ему смотреть на дело «глазами инженера», и, конечно же, знать еще нечто такое, что, может быть, и не всякий инженер знает. Тогда, разумеется, если автор талантлив, за делами реальной, а не бутафорской стройки мы сможем и разглядеть, и почувствовать нечто социально важное и нравственно поучительное для каждого человека вообще, независимо от того, знает он строительное дело или нет.

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

(МОСКВА)

Смотрю на зал: немного осталось писателей моего поколения первых пятилеток. Поколения, в душе которого не только гордость за Днепрогэсы и Магнитки, но и вина за многие беды. Мы, видевшие свет бескорыстных звезд советской литературы, позволили размахнуться рваческим тенденциям, несовместимым с подвижническим писательским трудом. Последствий много, например, тусклее стал гражданский накал в поэзии. Атмосфера XXVII съезда партии наталкивается на глухое неприятие ее. Почти нет стихов, насыщенных дыханием съезда. Есть реплики работников редакций: «Журналы не могут отражать каждое политическое событие».

Если бы Твардовский «вышел на трибуну литературного съезда, — пишет Лакшин в «Известиях», — не знаю, о чем бы он прежде говорил, о недостатках в литературе или о народной беде Чернобыля».

Осмелюсь предположить, что народную беду Чернобыля Твардовский связал бы с губительными недостатками в литературе, что он спросил бы — не произросли ли они и грозная авария в Чернобыле из одной и той же корневой системы, в которой сплетены халтура, некомпетентность, стяжательство, угодничество, коррупция, кадровые просчеты?

Очень похоже, что на такой корневой системе зиждется и машина равнодушия: решение судьбы книги даже без ее прочтения, решение судьбы писателя даже без того, чтобы вглядеться в его жизнь.

Сам Георгий Мокеевич Марков — человек не равнодушный. Он читает взыскательно книги, рукописи, заботится о справедливости, понимает специфику литературного процесса. Уверена также, что не найдется среди нас таких, кто не ценил бы самоотверженную работу Юрия Николаевича Верченко. А все дело в том, что как у Маркова, так и у Верченко есть вкус к литературно-организационной работе.

Скажите мне, что Сергей Владимирович Михалков — талантливый поэт и драматург, мастер выступлений в самых различных аудиториях, в том числе и в международных, и я тут же соглашусь. Но никто меня не убедит в том, что у Михалкова остался вкус к литературно-организационной работе, к собиранию писательских сил. Я иной раз мысленно спрашиваю Михалкова: ну зачем вам, получившему высокие награды чуть ли не за каждую строчку, написавшему «Дядю Степу» и другие книги, на которых выросли и уже состарились наши дети, писателю, издавшему лишь за один год своего 70-летия немало книг, — зачем вам по обязанности заниматься чьей-нибудь тяжелой литературной судьбой? Вам скучно, надоело, неинтересно.

И какая же это интеллигентность (к которой вы нас призываете), когда помощник издает комплиментарную монографию о своем начальнике, в данном случае о вас!

По-видимому, в большой степени именно кадровые просчеты привели к возникновению странного явления — произвольного укрупнения или принижения литературных судеб. Свидетельство этому есть, на мой взгляд, даже в отчетном докладе.

Ни один серьезный писатель не обижается, когда его не называют в престижном списке. Но каждого серьезного писателя оскорбляет, когда литераторы среднего уровня вталкиваются в ряды чуть ли не классиков и одновременно забываются те имена, которые как бы опорные точки в развитии нашей литературы. В отчетном докладе не назван С. Есенин — опора нашей лирики, Исаковский — опора песенного жанра, Эренбург — опора нашей публицистики, Маршак — опора детской литературы.

В отчетном докладе ни слова о еврейской литературе, которая сейчас — вместе со всей советской литературой — на передовом участке идеологической борьбы.

Еще пример равнодушного невнимания: пятый номер журнала «Юность» составлен из произведений выпускников Литературного института — впервые за 31 год существования журнала. Обратила ли внимание критика на интересный опыт? Пока нет.

Пример другого характера. Телевизионный фильм о Леониде Леонове надолго был задвинут в архив и показан только недавно.

Задвинут в тихую гавань поэт патриотического накала, яркого темперамента— Валентин Сорокин. А ему бы — по способностям, по всему нравственному настрою — быть рабочим секретарем Союза писателей России.

Твардовский писал тогда еще совсем молодому поэту Виктору Дедову, что его стихи опрятны, отделаны с любовью и — что важнее — с желанием сказать то, что представляется автору необходимым и требует выражения.

Надо всем нам по-настоящему усвоить критерии Твардовского. Научиться уважению к тем нашим товарищам, которые языком поэзии сумели всемирно сказать то, что им справедливо представлялось необходимым. Имею в виду прежде всего Евтушенко и Вознесенского.

В моем поколении был истинный поэт, пожертвовавший литературной славой ради партийного и государственного дела. Он мог бы и подборки своих стихотворений печатать, и несколько книг издать. Но он отвергал такие предложения. Его звали Юрий Владимирович Андропов. Пусть строки поэта Юрия Андропова хотя бы один раз прозвучат на писательском съезде:

...Мы бренны в этом мире под луной:
Жизнь — только миг, небытия — навеки.
Кружится во Вселенной шар земной,
Живут и исчезают человеки...

Но сущее, рожденное во мгле,
Неистребимо на пути к рассвету,
Иные поколенья на Земле
Несут все дальше жизни эстафету.

Валентин РАСПУТИН

(ИРКУТСК)

Никогда раньше я не чувствовал себя таким провинциалом, как в этот раз. И не потому, что я живу далеко от столицы — нет, в Москве я бываю часто, ездил даже в Америку, сижу, как видите, в президиуме. Дело не в географическом провинциализме, который, говорят, нынче исчезает или уже исчез. И, надеюсь, дело не в духовном провинциализме. Дело в чем-то другом, что не так просто обозначить, в чем часть этого зала безнадежно отстала, а другая часть преуспела. Дело, очевидно, в простоте неискушенного в межгрупповых битвах ума, в пошехонском понимании того, зачем и во имя чего мы здесь собрались.

По простоте душевной мне представлялось, что в этом зале, главном зале страны, нужно говорить о самом главном, о самом важном и необходимом, что человеку, которому нечего сказать, выходить к трибуне не следует и что где-то здесь должна существовать техника, заставляющая человека оцепеневать и умолкать, как только он преступит закон этой трибуны. Раз в пять лет собираемся мы на свой съезд — раз в пять лет! — и тратить время на мелкие обиды, на сведение личных счетов и групповые интересы но только недостойно нас, но и преступно.

И уж совсем младенцем я оказался в национальном вопросе. Я касаюсь деликатной и, похоже, запретной для русского человека темы, но не могу не сказать об этом. Мне казалось, что все мы, представители разных народов и национальностей, живем все вместе в одном, хоть и просторном, но общем доме. Кто-то из выступавших сказал здесь: в коммунальной квартире — и это так и есть.

Все хорошее и плохое у нас на виду, ничего не скрыть, и любая болезнь, любой недостаток не есть его личное дело и личное достояние, от него страдают все.

Мне казалось, что по долгу и совести своей литература несет ответственность за все, что происходит с народом. Русская литература с болью и не сегодня только на весь свет сказала о пьянстве русского мужика и как следствии — утере им гражданской активности. Вспомним «Чем живем-кормимся» Федора Абрамова и его роман «Дом», Вспомним «Печальный детектив» Виктора Астафьева — столь откровенной, кровью собственного сердца написанной книги у нас еще не бывало. Мы писали об этом сами, но не считали это только нашим собственным делом, в которое другим вмешиваться не позволяется, не оскорблялись, не считали за издевательство, когда о том же самом писали на Украине или в Молдавии. Именно потому, что живем в одном доме и

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Петр ПРОСКУРИН

(МОСКВА)

Мы собрались на свой съезд, чтобы отыскать новые ресурсы для еще более прогрессивного движения и развития, выявить скрытые резервы.

Здесь уже много говорили об экологии, но что поделаешь, если это не мода, а объективная и грозная необходимость. Давно известно, что основа сохранения силы земли — нормальный круговорот ее веществ. Необходимо просто полностью возвращать в землю все взятое из нее, и долгие века так оно, по сути дела, и происходило. Все, что крестьянин брал с поля, он на поле же и возвращал, а вот теперь, в наши просвещенные времена, взятое с земли, как правило, возвращается уже не на поля, а в основном в реки и озера.

На недавнем выездном секретариате Союза писателей России в Ленинграде, где наряду с литераторами принимали участие видные ученые и практики, можно было проследить завершение этой роковой цепочки: земля — человек — вода. Мы многое знаем о Байкале, многолетняя борьба вокруг которого получила самую широкую гласность не без активного вмешательства литературы, но что мы знаем о Ладожском озере, расположенном в самом густонаселенном регионе страны, хранящем самый большой запас пресной воды в Европе и обеспечивающем питьевой водой во много раз большее число населения, нежели Байкал? А ведь Ладожское озеро сейчас действительно находится на грани биологического омертвения, на грани необратимого. Путем долгих исследований учеными недавно установлено, что причиной этого необратимого процесса являются фосфор и некоторые другие из бытовых вещества, которые, возвращаясь в землю, сохраняют ее силу и плодородие, а сбрасываемые в реки и озера — превращают водоемы в биологическую пустыню.

Решение этих проблем, разумеется, очень дорого стоит, но к ним все равно придется приступать, и чем раньше мы это сделаем, тем дешевле это нам обойдется.

Итак, как мы договорились, главное — нормальный круговорот веществ. Это касается и литературы. Например, кто и когда только не ругал нашу литературную критику! И со многим можно согласиться. Можно, допустим, заметить, что критика наша стала как-то чрезвычайно забывчива и, рассуждая об экологии природы, культуры или языка, в перечне имен писателей, ныне занимающихся этими вопросами, напрочь забывает о гигантской и давней работе в этом направлении Леонова, Чивилихина и Владимира Солоухина. Но ведь активно работает в литературе очень талантливая плеяда критиков — Ланщиков, Золотусский, Чалмаев, Гусев, Прокушев, Лакшин, Аннинский, Феликс Кузнецов, ряд других, возвращающих критике ее демократическое лицо, ее подлинный смысл. Однако это относится лишь к духовным ценностям XIX века. Как только дело касается современности, тотчас начинается так называемая «критика обоймы». Скрипят и скрипят изо дня в день все об одном и том же. Категорию же таланта, непременный, обязательный признак истинной литературы, критика в современных процессах стыдливо обходит. Что за оказия, думаешь, о самом главном — и ни слова!

Или, например, говорят о серой литературе. Позвольте: да как же ей не быть серой? Приглядитесь повнимательнее, хотя бы к нашей системе награждения самыми высокими премиями. Получается ведь так, что один и тот же человек не только сам пишет, сам себя издает, но сам себя и награждает, а наша самая передовая читательская масса только глазами затем хлопает от изумления, не в силах переварить и двух страниц из очередного шедевра, до того он несъедобен. И никакого широкого, ни читательского, ни писательского, обсуждения. А, впрочем, не только широкого, но и узкого обсуждения практически не бывает, ни при выдвижении на премию, ни при присуждении премии. Итак, премия не за талант прежде всего, а за кресло. И вот такой круговорот веществ надо немедленно менять, связывать практику присуждения премий действительно с обсуждением всенародным. Да и сменять периодически и неумолимо составы наградных ведомств и комитетов.

Итак, главное — нормальный круговорот веществ, и незачем нам здесь делать вид, что мы не понимаем, отчего падает престиж нашей литературы в народе. Да только оттого, что она многие годы была лишена возможности создавать полную, объективную картину состояния общества! Наша литература еще просто гениальна, ибо вопреки всему, вопреки поощрению именно серости, ставке на серость сумела сохранить достаточно высокий авторитет в народе. И дай ей бог сибирского здоровья — ей предстоят и дальше нелегкие, кровопролитные бои за высшие идеалы совести и справедливости. Ведь литература — неотъемлемая часть коммунистического дела, и любому из нас всегда необходимо помнить мысль Ленина о том, что «цель политической культуры — воспитать истых коммунистов, способных победить вожа».

Гласность на может быть регламентированна «от и до», гласность или есть или ее вообще нет. И пока не будет такой гласности, нормального оборота веществ тоже не будет.

Владимир КАРПОВ

(МОСКВА)

Накануне нашего съезда, накануне его открытия 22 июня были хорошие телепередачи, а в газетах опубликовано много материалов о том страшном и трагическом дне, когда началась война. Наверное, поэтому воспоминания о пережитом в боях перемешались с памятью о первых послевоенных годах, когда многие из нас стали студентами Литературного института. Я помню всегда остроумного и ершистого Юрия Бондарева, доброго, но всегда твердого в суждениях Володю Тендрякова. Вспоминаются Гриша Бакланов — и тогда уже не по возрасту строгий; Борис Бедный, кристально чистый человек и очень талантливый писатель; Володя Солоухин — совсем еще молодой, с пышной пшеничной шевелюрой, он тогда был больше поэтом, чем прозаиком; Расул Гамзатов — веселый, шумный и самый богатый из нас, потому что уже печатался; Майя Ганина — красавица, только что вспорхнувшая со школьной скамьи; очень хороший, надежный товарищ — мудрая Наташа Ильина; Миша Годенко, Семен Шуртаков, Константин Ваншенкин, Межиров и даже нежный в дружбе Николай Евдокимов и многие другие. Я с большим удовольствием произношу эти имена, и мне очень приятно, что все они выросли в хороших писателей.

Но вот что меня огорчает. Были мы веселой, дружной семьей. После окончания войны казалось, жизнь будет лучезарной, ан нет — окончили мы институт и постепенно куда-то разбрелись по каким-то компаниям, по каким-то группам. У многих накопились личные обиды, прозвучавшие и на этом съезде. Но, как бы ни было это трудно, через это надо перешагнуть. Никто не придет и не устранит недостатки в нашей жизни и в делах творческих. Это сделать придется только нам самим. И мне кажется, нам нужно помнить, что за нашей работой, и не только на съезде, следит вся страна, весь мир, и при этом есть не только наши друзья, но и недоброжелатели.

Я хочу напомнить ситуацию в 50—60-х годах, когда мы тоже много говорили и спорили. Как потом оказалось, забвение границ, отделяющих демократию от демагогии, порождает порой очень неприятные последствия. Именно в та годы появились и литературные диссиденты. Как-то мы забыли об этом, об идеологической борьбе слишком много тратим времени для выяснения личных отношений.

Здесь звучала критика в адрес руководства союза, его секретариата. Но ведь и мы с вами не стояли в стороне, дорогие друзья. На многочисленных заседаниях и конференциях почти всегда единогласно голосовали, признавая работу наших руководящих инстанций удовлетворительной.

Мне хочется сказать несколько слов, чтобы восстановить справедливость относительно той области, где я работаю. Правильно критиковали редакции журналов за многие грехи в их работе. Но грехи эти, дорогие товарищи, одна сторона правды. Неполная правда. Скажу хотя бы о нашем «Новом мире». Симонов, Твардовский, Чаковский умерли вскоре после 60 лет, и должность редактора была не последней причиной их раннего ухода из жизни. Они сгорели на работе. Критиковать редакторов нужно, но критиковать надо конкретно, называя имена, фамилии, органы печати, где они работают. Мне обидно слушать неуважительные слова о наших новомировских редакторах. Это замечательные, образованные люди, подвижники в своей работа, очень любящие свое дело и помогающие многим из вас. Вы сами знаете: если бы некоторых опубликовать без правки, авторам было бы очень стыдно за то, что они приносят иногда в редакции. Больше трех тысяч рукописей только прозы поступило в прошлом году в наш журнал. Четыре человека работают в отделе прозы и перерабатывают эти огромные горы. Самые крупные мастера нашей литературы, присутствующие здесь Айтматов, Бондарев, Залыгин, Вознесенский, Евтушенко, я абсолютно уверен, не бросят камень в своих редакторов, которые им помогали во время подготовки их рукописей.

Новомировцы свято хранят традиции своего журнала, выпестованные нашими блестящими, блистательными предшественниками. Они настойчиво боролись за жизнь многих рукописей. Около десяти лет проходила рукопись Крона «Капитан дальнего плавания». Я думаю, что Евтушенко мог бы сказать, как редколлегия отстаивала его поэму «Мама и нейтронная бомба», а Вознесенский — как проходила его повесть «О». Можно назвать и «Вдовий пароход» Грековой, и «Комбайн косит и молотит...» Черниченко, и десятки других произведений. Причем каждый из авторов отвоевал, отстрадал за свою рукопись и отошел в сторону, а работники редакции все те же. И принимаются за очередную тяжбу. А биться приходится еще и на два фронта. Из трех тысяч рукописей, как вы понимаете, а год может быть опубликовано двенадцать романов (если без продолжения, по роману в номере), да на подверстку повести или рассказы, а остальные 2950 окажутся обиженными, и уж сотня из них обязательно напишет письма в Центральный Комитет, письма о том, какие не понимающие политику партии люди засели в «Новом мире». А некоторые, как мы здесь слышали, даже с трибуны съезда заявляют, что мы допустили грубейшую ошибку, не опубликовав его, а опубликовав другого. Кстати я хочу поблагодарить товарища Можаева за мягкую критику. Он сказал, что у нас в двух-трех номерах были опубликованы слабые вещи. Нет, товарищ Можаев, таких слабых номеров у нас гораздо больше.

Извините, придется и самому защититься немножко. Василий Росляков благополучно заканчивает работу над рукописью и будет скоро публиковаться. Так же, как и Дудинцев, с которым нас если что и связывает, то только абсолютная ясность и полное взаимопонимание.

Мне хочется, чтобы мы, приближаясь к заключительной фазе нашего съезда, когда нужно будет принимать решение, вспомнили, что мы единомышленники и, главное, что мы собрались для того, чтобы найти верные пути для осуществления тех прекрасных, окрыляющих всех нас задач, которые поставили перед нами жизнь, партия и судьба народа.

Василий БЕЛОВ

(ВОЛОГДА)

Напомню, какая грандиозная, многомиллионная армия пишущих образовалась вокруг издательств, журналов, газет, около театра, кино, радио и телевидения. Мы превратили литературу в «кормушку». Давайте честно признаем сначала этот факт, после чего легче толковать обо всем остальном. Например, о литературной молодежи, о литературной смене. Я знаю, что, помимо писателей, получающих за свою работу деньги, есть писатели, которые работают вовсе не ради денег. Вот таких-то и надо искать в среде молодежи, таких и надо поддерживать! Но на практике получается все наоборот.

Чтобы принять в Союз писателей, мы требуем от начинающего книгу, а где он ее издаст? Я помню, как Николая Рубцова и близко не подпускали к Северо-Западному издательству. Ему надо было умереть, чтобы начать печататься. Издаться в Москве или Ленинграде очень сложно. И вот истинные таланты вянут и сохнут на корню.

Товарищи! Есть вещи для нас еще более важные. Вчера на съезде прозвучала мысль о неблагополучной демографической ситуации. Дело не только в том, что необходимо остановить войну и предотвратить неожиданные глобальные катастрофы. Меня, русского человека, отнюдь не радует, допустим, перспектива медленного, постепенного исчезновения одного народа, его полного слияния с другими народами. Какая тоска пришла бы на Землю, какая скука навалилась бы, если бы остался всего один язык, похожий на эсперанто! Зачем мне такое будущее, если люди будут есть одинаковую еду, носить одинаковую одежду, строить одинаковые жилища?

Позвольте сказать, что демографическая ситуация неблагоприятна не только в Прибалтике. Она неблагоприятна у меня на родине, в так называемом Нечерноземье. И я хорошо знаю, что и Витаутасу Бубнису, и Василю Быкову больно за мою родную деревню Тимониху, в которой вот уже много лет не звучат детские голоса. Не звучат они и в соседних деревнях. Целые сельсоветы, целые регионы Госпланом объявлены неперспективными. Я уже говорил об этом на республиканском съезде. В чем тут дело? Не будем вспоминать тридцатые годы, вспомним боевые сороковые. Из каждого десятка вологодских мужиков, ушедших на фронт, осталось в живых только трое, половина из них умерла от ран и болезней. Однако земля, возделанная древними вологодцами, продолжала запустевать и в послевоенные годы, в наше время, причем вовсе не по вине самих крестьян. Теперь по моей нечерноземной родине готовится новый удар — создан проект переброса воды. По этому плану будут затоплены леса и пахотные земли, сенокосные угодья, деревни, села, древнейшие памятники.

Вот уже более десяти лет мы ведем неравную борьбу против переброскичков. Вместо того чтобы создавать новые книги, мы тратим свои силы на эту борьбу. И кажется иногда, что кто-то нарочно придумывает эти проекты, чтобы писатели не занимались своим прямым делом и ничего не писали. У Даниила Гранина наверняка лежат на столе незаконченные рукописи, но ему приходится тратить энергию на выступления против грандиозной, но не нужной плотины. Сергей Павлович Залыгин уже много лет мужественно разоблачает ведомственную демагогию. Когда же у нас появится наконец передышка?

Перед XXVII съездом партии, когда широко и всенародно обсуждались планы экономического и социального развития, упомянутый проект был наконец осужден публично. Решением съезда планы по переброску думайской воды в Днепр и северной воды в Волгу были исключены. Было ясно, что постановление ЦК и Совмина от 23 октября 1984 года теряло свою силу. Да, оно теряло силу, но только не для Минводхоза! И вот, ссылаясь на него, переброскички продолжают свою «деятельность».

У нас уже строят подъезды, причалы, завезена техника. Против начавшихся работ выступают местные жители, партийные организации и советские органы, протестуют многие академики, ученые, специалисты, целые отделения Академии наук выступают против, но все напрасно. А почему? А потому, что переброскичков поддерживает сам академик Александров.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

(КАЗАХСТАН)

Наш съезд работает уже несколько дней. И очевидно идет поиск форм дискуссий, достойных такого собрания.

Что скрывать, течение съезда попождает вопрос, часто возникающий в этом году. Станет ли переломный период временем осуществления народных надежд или его энергия уйдет на удовлетворение ущемленных амбиций? Посланники более чем семидесяти древних и юных литератур летели за тысячи километров со всех концов страны, чтобы поговорить о том, как нам быть в изменяющихся условиях. Как улучшить взаимодействие, как убрать препятствия с пути писательского слова к читателю? Что это за препятствия?

Правда все еще не одна, их еще много — правд. Есть народная, есть государственная, есть художественная, которая почему-то отличается от правды жизни. Москвичи жалуются на строгость рамок. Но столичным режиссерам и писателям все же даются чуть больше прав на приоритетную тему, полноту реализма. Может, норма увеличена соответственно степени дарования? Но ведь и в других [illegible] есть крупные таланты, и жизнь там не проще.

[illegible] каждая в литературе типовой проект, поддерживая и награждая подчас откровенно серые, стандартные, но правильные с их точки зрения книги, перестраховщики тормозят естественный ход развития литературы. Порочная система критики и стимулирования приучила фабриковать бесспорные, «полезные» сочинения. Стоит ли повторять, какой вред такая «культурная политика» наносит молодым советским литераторам!

Памятуя, что литература — часть общепартийного дела, мы полагаем уместным обратить внимание съезда на взаимоотношения писательских организаций с идеологическим руководством на местах. От личных качеств, подготовленности, интеллигентности руководства зависят темпы и качество развития национальной культуры. О партийном руководстве искусством мы можем судить по конечному результату. Если республика, к примеру, на протяжении десятилетий вносит в общесоюзный и мировой культурный процесс яркие, значительные произведения всех жанров искусства — будь то романы, стихи, кинофильмы, музыка и живопись, — это результат плодотворного сотрудничества партийного руководства с творческими силами. Какая же это трудная, ответственная работа — поддерживать благоприятный климат, в котором бы не чахли зерна тысячелетий и бурно прорастали новые! И этой важной цветущей культуре никакой град и снег уже не страшен. Земной поклон вам, партийные интеллигенты, настоящие патриоты и интернационалисты!

Союзы писателей на местах не могут отстоять книгу, если ее покритиковал чиновник от идеологии. Его мнение — это как бы уже оценка всей партии, не меньше. И судьба книги решена. Да и судьба автора зачастую тоже. И встречаясь с такими служаками, думаешь: ведь должен быть садовником, а работаешь лесорубом.

Полная правда включает в свой объем и современность, и историю. Когда-то ведь придется заполнять пунктирные пропуски в недавнем прошлом или объяснять читателям, почему мы не пишем откровенно о 30-х годах, о коллективизации, например. Целое поколение литераторов, переживших, испытавших на себе то время, прошло молча мимо этого периода, без понимания коего мы многое и в современности не уясним. И наши произведения о ней, лишенные живых связей с прошлым, будут неполноценными.

В этом зале встретились лучшие писатели страны. Веками по искорке, по гену собиралась, передавалась из поколения в поколение энергия таланта, чтобы вспыхнуть однажды в человеке. Как важно поддержать этот огонь, его ярость и яркость, дать ему время и возможность трансформироваться в свет знания и тепло мудрости!

Константин СКВОРЦОВ

(ЧЕЛЯБИНСК)

Пришло время спросить: как мы используем свои культурные богатства? Зайдите в магазин, попытайтесь купить сборник стихов Бориса Ручьева. Вы его не найдете, как не найдете десятки других книг, которые должны быть настольными в каждом доме.

Хочу поддержать мысли Дмитрия Сергеевича Лихачева о забытых нашими издателями именах.

Жил среди нас удивительный, уникальный писатель Виталий Валентинович Бианки, его всю жизнь упрекали, что пишет он не о главном — пишет о птичках, цветах и деревьях. Для воспитания экологического сознания наших современников а вернее сказать — для воспитания нравственного отношения к природе он сделал больше, чем кто-либо другой из нас. Однако вы не найдете его книг в магазинах, не сможете подписаться на собрание его сочинений и вряд ли знаете, что многие его произведения, особенно для взрослых, вообще не изданы.

Вот так порой мы используем наше национальное достояние. Жил среди нас драматург Александр Вампилов, его пьесы могли бы составить гордость и славу любой национальной литературы. Однако на отечественной сцене, я знаю, ни одна из вампиловских пьес не была поставлена как следует. По существу, все спектакли были хуже пьес. И никого это не беспокоит, никого не тревожит, что наши зрители до сих пор не встретились и не узнали по-настоящему драматурга Вампилова.

Отчего же так не по-хозяйски относимся мы к нашей культуре?

Ежегодно в наших многострадальных лесах вырубаются миллионы кубометров древесины, из которых больше половины пропадает впустую. Вдумайтесь! Половина гигантской отрасли действует только затем, чтобы приносить ущерб, вред своей земле и народу. По всей Сибири, по Тюменскому Северу, по Уралу дороги прокладываются так: идет бульдозер и валит деревья налево и направо. Выворачивает с корнями, громоздит завалы, обреченные на гниение. И не нажмет тракторист на тормоза, не плюнет и не выпрыгнет из кабины, и никто не станет перед бульдозером, раскинув руки, и не скажет: «Хватит! Так больше нельзя!»

В нашу культуру мы вторгаемся так же грубо, как некогда покоряли природу, считая неистребимыми запасы леса, угля или пресной воды. Нельзя, товарищи, из «Слова о полку Игореве» делать эстрадные представления, недопустимы бездушные обработки народных песен, древних текстов. Это отвращает народ от собственной культуры.

Мы создаем заповедные места для того, чтобы сохранить природу и ее животный мир. Уверен, необходимо привести в действие Закон по охране памятников литературы, дабы сохранить душу народа. Я знал одного мальчишку в пятилетнем возрасте, когда он следил за ползущим жуком, спрашивал: а этот жук добрый? И это был самый главный, самый первый вопрос. Сейчас этот мальчишка уже не задает таких вопросов. И я боюсь, что мы опоздали с нашим лекарством. Страшно, если мы опоздали!

Чувство безмятежного оптимизма — признак гражданской неполноценности. Основа гражданского становления — историческая память. Много у нас городов, по праву носящих звания героев за ратные подвиги, и нет ни одного города в стране, получившего это звание за работу в тылу, где ковалась победа. Хочу от имени писателей Урала и некоторых делегатов съезда внести такое предложение, чтобы Верховный Совет СССР рассмотрел возможность присвоения такого звания одному из городов опорного края державы.

Юрий ПРОКУШЕВ

(МОСКВА)

Бесспорны достижения нашей литературы в последнее десятилетие. Они связаны с наиболее совестливыми, с наиболее талантливыми писателями, которым в эти годы жилось, писалось и работалось трудно. И издаваться было трудно. Я помню, как иногда издатели, и я в частности, испытывали нажим, чтобы увеличить тираж или выпустить очередное, как говорится, сиюминутное произведение.

Мне кажется, работа съезда будет малоэффективна, если мы не сделаем практических шагов, не отнесемся по-хозяйски к тому, что действительно является талантливым. Вот Иван Акулов. Далеко не всем это имя известно. Я вчера беседовал с одним очень крупным, уважаемым мною ученым. Мы с ним заговорили о русском поэте Василии Федорове, жизнь которого недавно оборвалась. Не просто поэте, выдающемся поэте, который жил трудно, напряженно, поэте, который 20—30 лет назад писал о том, что нас волнует сегодня.

А посмотрите, мои дорогие друзья в республиках переведены ли его книжки? Мне привелось проводить последний вечер этого поэта в нашем изнеженном, избалованном Центральном Доме литераторов. И вдруг на полупустой зал, в забитый до отказа, фойе просят радиофицировать, и два с половиной часа поэт выступает, читает стихи, и ему задают сотни вопросов и про литературу, и про жизнь.

Назову еще Валентина Сорокина. Поэт Валентин Сорокин десять лет назад написал первый вариант поэмы о маршале Жукове, написал тогда, когда мы с наших высоких трибун стыдились или, как говорится, в полный голос не произносили имя этого величайшего и выдающегося полководца. Обсуждали, говорили. Я, например, поставил вопрос перед руководством союза: давайте к 40-летию Победы издадим поэму. Но потребовались большие усилия, чтобы поэму включили в очередную книжку автора (издательство «Советский писатель»).

Если мы не перестроимся, если мы не будем думать каждый не только и не столько о себе, а будем еще думать о товарище, если у нас по-настоящему главным не будет наше творчество — рукописи, книги — в работе нашего большого союза, российского, наших республиканских союзов, в каждой писательской организации, мы не избавимся ни от нашего бюрократизма, ползучего, многоликого, ни от многих других недостатков, которые мы здесь называли.

Мне хочется поговорить также о русском языке сегодня. Надо с большой тревогой сказать о том, что он становится нивелированным. Его и телевидение кромсает, и радио, и газеты, к сожалению, и мы, писатели. Сколько плоских стихов! Вы посмотрите, как светится поэзия Пушкина, какой многокрасочный язык у Есенина. А у наших многих поэтов язык очень невыразительный. Об этом надо говорить. А если взять преподавание родного языка в русской школе, то тут мы, дорогие друзья по нашему многонациональному союзу, ничуть не в лучшем положении. Поверьте, у нас такая же в этом смысле беда: мы часто пишем на среднерусском усеченном языке!

Вот почему тех к таким писателям, как Белов, Распутин, Прокушев, Коупин, — там сохраняется язык. То же самое и в поэзии Фокиной, Сухова...

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Хотелось бы еще сказать вот о чем. Спасибо всем нашим братьям — украинцам, белорусам, азербайджанцам, узбекам и всем другим, кто так прекрасно провел наш первый Всесоюзный день поэзии Есенина. У нас многое делается для увековечения его памяти. Мы открыли прекрасное новое надгробие на могиле Сергея Есенина. Но у нас в Москве до сих пор нет музея Сергея Есенина. Вопрос этот в принципе решен. Сейчас Моссовет и Министерство культуры, которое многое делало для увековечения памяти Есенина, не могут найти средства, чтобы отселить один подъезд из этого дома.

Дорогие друзья! Есенин издавался огромными тиражами. Никто гонорара не получал. Наверное, на деньги, которые государство получило от издания Есенина, можно не один подъезд освободить, а можно целый микрорайон выстроить в Москве!

Вопрос серьезный, потому что это вопрос нравственности: наши духовные наставники, духовные поводыри — как совесть народа. И поэтому пора, чтобы были памятники.

Также хотелось бы, чтобы у нас в России была премия имени Сергея Есенина.

Давид КУГУЛЬТИНОВ

(КАЛМЫКИЯ)

В первой главе «Евгения Онегина» Пушкин говорит о том, что его герой знал Адама Смита, знал, «как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет. Отец понять его не мог и земли отдавал в залог».

Маркс и Энгельс восхищались знанием Пушкиным политической экономии на таком уровне, они отмечали: Адам Смит и Давид Рикардо путаются в вопросах товар — деньги — товар, а Пушкин все это уже знал. Они восхищались умом Пушкина, который знал не только, что товар — деньги — товар, но главное — жизнь народа, и, исходя из этого знания, блистал своим талантом, блистал своим гением.

Слух обо мне пройдет
по всей Руси великой,
И назовет меня сей сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн,
и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.

Кого же перечислил Пушкин, называя имена народов? Не китайцев, не англичан, не французов, а тунгусов, калмыков, самых малочисленных. Пушкин был гением, ему не нужно было никому кланяться. Потому что гений помогает не сильным, а слабым, малочисленным. И поэтому он назвал имена этих народов. Какое же это было благородство!

На нашем съезде, когда первое слово было предоставлено замечательному русскому поэту, моему другу Сергею Михалкову, я подумал, что, наверное, Пушкин, будучи председателем, дал бы первое слово Юрию Рытхэу. И, быть может, не дал бы слова некоторым ораторам: блистательная речь Бориса Олейника произвела такое впечатление, что можно было бы после нее переходить к другим вопросам, потому что в его речи с большим тактом и культурой было освещено все, о чем говорили выступавшие после него.

Пушкин! Когда я говорю о Пушкине и читаю Пушкина, я в каждой строке нахожу для себя новое, я думаю, что гений всегда жив и всегда впереди и сверху, всегда служит примером благородства, гражданственности и уважения к своим учителям.

Мы здесь говорили о необходимости нового мышления, высказывали критику в адрес секретариата Союза писателей. Конечно, были ошибки, конечно, можно было работать лучше. Но неужели виноват только секретариат? А все мы, кто здесь выступал, а я, выступающий сейчас, — разве не несем этой ответственности?

Нам нужно глубже заглянуть в душу народа. Перед моим отъездом сюда, за две недели, устроили внезапную проверку трех чабанских точек, и оказалось, что эти три чабана имеют столько же собственных овец, сколько и государственных, и они пасутся на той же площади. Я спросил об этих чабанах, и оказалось, что они наемные, на три года пришли на нашу землю, и для них эта земля ничего не значит. Все здесь вытопчут, превратят эту землю в пустыню. А им-то что? Я был потрясен этим, душа моя содрогнулась. Такое же чувство у многих калмыков — старожилов этой земли. Утрачено чувство хозяина. Воруя на этой земле, ты воруешь у государства, то есть — у себя.

Вот почему вопрос о необходимости изменения самого мышления человека стал главным вопросом. XXVII съезд партии поставил его не потому, что надо было поставить какой-то новый вопрос, а потому, что так дальше жить стало невозможно. И этот вопрос сейчас требует своего решения.

Александр ПРОХАНОВ

(МОСКВА)

Отцы писателей моего поколения извели себя на огромной войне, на огромной работе, на стройках, в социальных катаклизмах.

В сравнении с ними мое поколение прожило благополучную жизнь. И это сознание благополучности породило в нас сознательное и бессознательное чувство вины. И это чувство вины двигало творчеством. Писатели искали в жизни драму, свою драму. Боролись за сохранение памятников архитектуры. За чистоту языка. За чистоту семейных отношений. Искали трагедию на производстве. Искали мученика идеи.

И вот случилось открытие. Был открыт новый герой, новый социальный тип. Благополучный, сбалансированный, индифферентный к большой идеологии, к большой политике. «Амбивалентный», как его называли. Это открытие, осуществленное одновременно многими писателями, было запатентовано.

Критика, которую сегодня называют беззубой, узнав про открытие, обнажила волчьи зубы. Героя, а иногда и автора, стали рвать и топтать. И слева, и справа. Открытие хотели зачеркнуть. Но оно уже было зафиксировано.

Однако это открытие вчерашнего дня. Появился, и в самых различных слоях, тип пораженца, уже сдавшегося сильному, удачливому противнику, не верящий в стойкость нашей социальной системы, в способность отечественных инженеров конструировать хорошие машины, в способность отечественных врачей хорошо лечить, а отечественных писателей — писать хорошие книги. Они готовы заключить с противником компромисс на самом низком, унизительном уровне.

Но появился и другой, встречный тип. Еще вчера социально сонный, он сегодня проснулся. Его раздразнили и возмутили. Раздразнили чужие боевые корабли у берегов Крыма, радиоголоса, ликующие по поводу наших недородов и обилия взяточников. Возмутили сами эти бесконечные недороды и несчетные взяточники. И этот вчерашний равнодушный готов сегодня взяться за дубину, отбиваться от чужих дредноутов и от своих бюрократов. В нем оскорблен гражданин великой державы.

Есть и третий тип, чувствующий беду, но бегущий от нее — в пустяки, в разглагольствования, в секс, в пьянство, в религию, в непрерывные развлечения.

И четвертый, самый драгоценный для общества характер, ищущий выхода из катастрофы не через конфликт, не в непрерывной изнурительной конфронтации, не в завинчивании гаек и ударах дубины, а в сверхусилии новых идей и подходов, в денной и нощной конструктивной, не терпящей промедления работе. Ибо времени совсем не осталось.

Сегодня нашим социальным и государственным организмам так не хватает идей. Не людей, а идей. В экономике. В социологии. В культуре. Идеи — вот что сейчас драгоценно.

Эти идеи в изобилии скопились в народе. Как пахать землю. Как строить реакторы. Какой быть крестьянской и рабочей артели. Как жить человеку с человеком и стране со страной.

На всенародном совете, которым является культура, должны быть выслушаны все патриоты, как бы утопично и непривычно ни звучали их речи. Все, от военного до священника, от министра, ответственного за энергию и ресурсы, до матери убитого солдата.

Чтобы наша главная идея была обогащена. Не поколеблена, а упрочена. Идея государства. Идея социалистической Родины. Народ, который понял, какие непомерные усилия потребуются ему для победы, победит.

Керим КУРБАННЕПЕСОВ

(ТУРКМЕНИЯ)

Сидя в этом зале, я несколько раз перечитал стенограмму речи Михаила Александровича Шолохова, напечатанную в последнем номере «Литературной газеты». Вот что он сказал: «Борьба мнений в литературе просто необходима, без этого она превратится в нечто застывшее... Но борьба борьбе рознь. Она должна исходить из честных партийных побуждений... Иные «борцы» сражаются не столько за литературу, сколько..., лично для собственной персоны». За четыре дня работы нашего съезда мы смогли наблюдать и то, и другое. Но все-таки честные, партийные побуждения берут верх, и это радует.

Думается, что наши писатели проявят страстность поиска, желание глубже разобраться в тех непростых явлениях, что происходят ныне в нашей жизни. Есть у нас крупные прозаики и крупные поэты! Есть и талантливая молодежь. Все они за последние годы работали честно, сделали немало для освоения народной жизни.

Туркмения — страна поэтов. Однако что касается перевода и всесоюзного признания, то по сравнению с нашими лучшими прозаиками поэты находятся в проигрыше. Видимо, есть как легкопереводимые, так и труднопереводимые поэты. Существуют более одаренные и менее одаренные переводчики. Да потому, наверное, и бытует изречение: «Скажи, кто твой переводчик, и я скажу, какой ты поэт!». Бывает, что критики первлистывают поэтические книги хороших поэтов, и если там не увидят имен Гребнева, Козловского, Межирова или других переводчиков их уровня, то оставляют эти книги в покое. Я говорю не только о наших туркменских поэтах, по опыту знаю, что многие отличные поэты братских республик не могут выйти на всесоюзный уровень из-за недостатка квалифицированных переводчиков.

Что можно сказать о приеме в члены Союза писателей? Порой беспрепятственно вступают в него люди, чьи имена незнакомы читателю. И, пряча глаза, все же принимаем их. Не потому ли значительное число «писателей», являясь членами союза, на самом деле писателями не являются?

Истинные художники, для которых писательство действительно судьба, могут сомневаться в себе, могут отчаиваться, разочаровываться, мучиться и даже могут долго молчать. А автор, лишенный дара, когда-то какими-то неясными путями вошедший в члены союза, ни на йоту не сомневается в себе, считая эту профессию своей судьбой и выдавая себя за лучшего представителя словесности, несущего на своих плечах всю тяжесть отечественной литературы. Он выпустит друг за другом свои пухлые и пустые книги, получит немыслимый для других двойной, тройной тираж и заживет себе припеваючи. Скажешь: «Ну и пусть живет, надо же и ему кормиться!» Но не тут-то было. Он еще пролезет на такую должность, где будет давать оценки твоим произведениям!

За последние годы писатели республики создали немало интересных произведений в разных жанрах. Однако если смотреть на развитие литературного процесса с высоты требований нынешнего дня, замечаешь, что далеко не все написанное и изданное за эти годы может нас удовлетворить. На страницах прозаических книг редко встретишь полнокровный образ истинного героя нашего времени, способного увлечь читателя, повести за собой молодежь, привлечь сложностью внутреннего мира.

В нашей литературе превалирует историческая тема. Так уж сложилось. Ничего предосудительного, мне кажется, в этом нет. Можно и в самой давней дали найти темы и образы, созвучные нашему времени. Однако необходимо исследовать и то, что рождается нынче прямо у нас на глазах. В оценке любого произведения — на какую бы тему ни было оно написано (на историческую или современную) — существенным моментом является его социальная значимость.

Алесь АДАМОВИЧ

(БЕЛОРУССИЯ)

Когда-то запорожские казаки умели в один миг превратить свой степной обоз в крепостные стены — располагаясь на ночь, создавали круговую оборону против атак кочевников.

Что общего у бюрократов с запорожцами? Ничего. А параллель возникает. Вот такую оборону моментально соорудили и держат осатанело бюрократы сегодня против идей и решений программы XXVII съезда, только вместо телег — учрежденческие столы. И в их плотном ряду мы без труда разглядим и нашего литературного министерства столы.

Зададим себе и друг другу наивный вопрос: должны ли писатели хотать быть начальниками? Столоначальниками? Не противоречит ли это натуре художника, не противопоказано ли интересам профессии?

Судьба даже такого большого таланта, как Александр Фадеев, подсказывает, противопоказано. Сколько этот большущий талант мог оставить будущему хороших романов, повестей вместо томов выступлений, статей!

Когда мы пытались уговорить Василя Быкова стать нашим литературным начальником, он отключил телефон и не показывался на улице десять дней.

Нормальная реакция? Для писателя, большого художника — да.

Но вот знаем: другой большой художник, мастер кино, на такую роль дал согласие. Знаю не из чужих слов, как трудно решиться, а если согласился, то лишь с мыслью все переменить в союзе своем — в пользу талантливых людей и против вчера еще всесильных чиновников из Госкино, если не авторов, то соавторов той самой серости.

Будем и мы исходить из доброй мысли о будущих руководителях нашего писательского союза. А именно из такой: вот мы их уговорим на эти должности, а они согласятся, но согласятся лишь ради того, чтобы, во-первых, продемонстрировать готовность через один срок (может быть, через год, как разумно предложил Евтушенко) уступить свою роль другому, тем самым отменяя пожизненное секретарство, которое любой талант обрекает на худосочие.

Во-вторых, готовность даже не помышлять о «самиздатской» (то есть самих себя), как тут это называли, деятельности, сколачиванием вокруг союза «актива» по получению всех и всяческих привилегий. Как немыслимо такое рядом с именами Чехова, Короленко, Блока, Толстого! А ведь именно такие имена, хотим мы этого или нет, — это свет, падающий и на нас. И любая низость в этом луче — как на ладони.

Тут уже прозвучало, и не раз, главное, по-видимому, требование съезда к будущим руководителям: превратить наконец нашу организацию в творческую ради творчества.

Да, но в чем гарантия, что не покатится все по старым рельсам?

Мало избрать просто хороших писателей и людей, как тут предлагалось. Хотя, безусловно, эта предпосылка — условие всего остального, потому что, если изберем деляг, не сдобровать нашему союзу.

Но нужно и еще что-то. Очевидно, съезд наш должен заключить в самом механизме Союза писателей некую перфокарту параметров, которая диктовала бы линию поведения будущим руководителям.

Я слышал, как обсуждали такую вот идею: принять на съезде решение, что через год писатели снова соберутся (пусть это будет всесоюзная конференция, но с некоторыми правами съезда) с тем, чтобы оценить направление работы нового руководства. Потому что если мы ошиблись, нельзя в наше строгое время жертвовать годами на исправление ошибки. А тут уже через год писательский народ оценит, тем ли заняты новые руководители. Между прочим. Союз кинематографистов начал после своего съезда с того, что они достают с полок замаринованные чиновниками Госкино киноленты и ставят их на суд профессионалов, то есть делают то, что элементарно принято у специалистов по питанию, по технике и проч.

Специалисты высшего класса берут на себя ответственность и ручаются перед обществом за качество продукции. Другого пути просто не бывает, если действительно хотеть качества. Не так уж трудно себе представить, что при нашем союзе возникнет некий неказенный совет из авторитетнейших художников слова, с оценкой, с заключением которого нельзя не считаться любым организациям и институтам. Ну, а кто у нас авторитетнейшие и кто ничего не скажет, не сделает против совести, мы с вами отлично знаем. Даже при наличии групповых страстей и оценок.

Лишь опираясь на коллективный и деятельный авторитет этих писателей, союз сумеет в будущем не допускать положения, чтобы такие произведения, как новый роман Дудинцева (который я лично считаю великим романом), как удивительно талантливая и правдивая повесть Анатолия Приставкина о детях и детстве военной поры, годами застревали в редакционно-издательских сетях.

Но как определить, кто из возможных претендентов на руководящие посты пригоден для работы по обновлению союза, превращению его в творческий организм? Есть, есть критерий! Избрать в руководство лишь тех, кто не хочет, кто не рвется, не лезет в литначальники.

И уж совсем от души: не в том главное, чтобы избрали в секретари «нашего — не нашего». Не в этом дело. А мне кажется — самое главное, как будут проходить выборы. Как пройдут эти выборы — по-старому или по-новому, — так и дела пойдут в союзе нашем по-старому или по-новому! Зависимость прямая и неизбежная.

Гавриил ТРОЕПОЛЬСКИЙ

(ВОРОНЕЖ)

Мне пришлось быть на всех съездах Союза писателей СССР — на всех, кроме первого. Наверное, мне легче, чем другим, сравнивать, что было и что есть. Но я этого делать не буду.

Одно только я сейчас скажу: хожу вот я по залам Кремля, сижу в президиуме, и кажется мне, что все время, либо за спиной либо рядом — Александр Трифонович Твардовский. Это ощущение не покидает меня с самых первых часов нашего съезда. Кажется мне, что он присутствует на этом съезде со своей жаждой жертвенности в литературе. Лозунгом его было — «Всего себя без остатка!».

Как бы он себя вел на съезде, что бы он сказал, с чего бы он начал? Наверно, с того же, с чего начали и мы. Конечно, и он бы говорил о Чернобыле.

Но вот Анатолий Иванов перечислял имена в доказательство того, что у нас есть большая советская литература, назвал многих: и Маркова, и Проханова, и Галину Николаеву. А Твардовского забыл. Нет его в нашей большой литературе, выходит дело! Однако кто из нас, сидящих здесь, сомневается, что у нас есть большая советская многонациональная литература? Думаю, такого нет среди нас. Есть она, эта многонациональная литература, начавшаяся от Горького, есть несколько столпов на пути советской литературы, и один из величайших из них — Александр Твардовский.

Есть большая литература, есть великолепные, талантливейшие поэты и прозаики! Против огульного, так сказать, косвенного обвинения в том, что ее якобы у нас нет, что кто-то так считает, надо приводить имена. Но и имена тех, кто составлял, создавал эту большую литературу. Я говорю об умерших.

Да, есть литература серая, об этом очень много говорили. Но почему она все-таки размножается? Почему эта литература, стоящая особо, боком к настоящей, талантливой литературе, — почему она развивается?

Мне кажется, я все-таки установил принцип, по которому она живет и существует. Серый, говоря о серости, никогда не назовет серого. Принцип такой: серый серого зовет, но серый серого везет!

Нужны, конечно, против серости те самые меры новому правлению, о которых тут много говорилось, и я повторяться не хочу.

Есть у нас и настоящая критика. Есть! Несмотря на то, что на пять человек в Московской организации имеется один критик. Об этом говорили. То есть размножение критиков идет по такому же принципу, как и в литературе. И тут настоящая литература и настоящая критика идут по дорога, а по обочине, которая несколько шире самой дороги, шествуют серая литература и серая критика.

На каком принципе существует серая критика? Где ее истоки и на каком фундаменте? Тут я скажу вам второй афоризм: «На комара с дубиной, на волка с иголкой, на льва с гребешком».

Это одно. Говоря о критике, мне кажется, стоило бы новому правлению обратить внимание на такой вопрос. Целый ряд настоящих критиков у нас как-то остается за бортом. Я назову одно имя — Владимир Лакшин. Да, его фундаментальный труд об А. Островском останется не на десятилетия, а больше. А он не получил даже пригласительного билета на съезд, его нет! Ну что же, значит, по тому принципу, о котором я сказал, видимо, придется и наши отношения к критикам тоже изменить. Ведь что самое страшное в критике? Это критик-недоучка, критик с плоским мышлением, критик с позицией «чего изволите, то и напишу». Освобождаться от этого — одна из важнейших задач.

Есть у меня и одно обращение.

Дорогие товарищи из Грузии!

Дружба русского и грузинского народов определена длительной историей и закреплена кровью наших народов в защите Родины.

Лично я имею почти и родственное отношение к Грузии: моя тетя по матери, революционерка, отсидевшая 12 лет в тюрьмах и на каторге, прожила значительный остаток своей жизни в Тбилиси. С малых лет я знал и уважение, и любовь к грузинскому народу, у меня, если можно так сказать, они с детства закрепились. И я прошу вас, дорогие товарищи из Грузии, пусть не останется в вас отпечаток от того неприятного случая, о котором здесь говорили. Да, талантливый человек Астафьев, талантливый писатель, уважаемый, и если он сделал грубую ошибку, пусть она станет его личной ошибкой. От имени редколлегии журнала «Наш современник», которая не сумела подправить вовремя рассказ, приношу вам извинения.

Владимир АМЛИНСКИЙ

(МОСКВА)

Сегодня партия говорит нам, и мы сами это знаем, что гласность невозможна без правды, а правде трудно без гласности. Я принадлежу к поколению нелегкому. Нас еще недавно считали молодыми, хотя мы уже дожили до седых волос...

В 60-е годы началась жизнь нашего поколения, после XX съезда. В ней было много разного, много противоречий, но было живое дыхание, поиск. Интересное было время.

Я думаю, что наше время еще более перспективно, потому что верно учтет опыт прошлых тяжких ошибок. На заседаниях нашего съезда мы много говорим о нашем союзе. Наш союз — это наше дело. Мы — члены этого союза. И большинство присутствующих здесь делегатов — секретари правлений своих организаций, члены приемных комиссий и т. д. И поэтому несправедливо было бы 5—6 человек винить во всем, считая, что мы не виноваты ни в чем, что мы не принимали участия в том, что происходило. А происходило не только в Союзе писателей. Алексей Герман — талантливейший режиссер, я хотел написать о его фильме «Мой друг Иван Лапшин», мне сказали: не надо. Это было несколько месяцев назад, а сейчас те люди, которые мешали выходу этого фильма, пишут огромные статьи и восхваляют мужество этого режиссера. У него действительно есть свой киноязык, еще недавно не понятый и не принятый.

И вот что Алексей Герман сказал: скучно ругать Госкино. Я думаю тоже, что довольно скучно и не пристало нам бесконечно ругать Госиздат, Госкомиздат и секретариат Союза писателей. Потому что мы сами во многом виноваты. А кстати говоря, и в секретариате союза есть люди, которые делают полезные дела в советах по национальным литературам, консультанты — безвестные, скромные, бесконечно вкалывающие...

А что происходит с культурой в Москве? Уроки прошлого тоже нас ничему не научили. Говорили о «вставной челюсти» Нового Арбата, об этом безликом, безродном, чуждом нашей столице огромном проспекте. Но он есть, он делает свое дело, и пусть он существует. Сейчас «сочинили» Старый Арбат. Но этот Старый Арбат — тоже не Арбат. Он музеен. На этой улице нет живого духа Арбата. Такую улицу увидишь в любой европейской столице. В нем тоже есть что-то безликое, с этими фонарями и т. д., булыжником каким-то крашеным.

Идет разговор о Поклонной горе. Я не знаю, что будет с этим черным монументом, который странной тенью повиснет над Москвой на годы, века. У моей Москвы был свой микромир — Чистые пруды, удивительные улочки, неповторимые переулки... Там была библиотека Тургенева, с которой очень многое в русской культуре связано. Она исчезла...

И надо помнить о судьбах художников, наших товарищей. В журнале «Нева» напечатана переписка Юрия Казакова и Виктора Конецкого. Виктор Конецкий — очень хороший писатель, капитан дальнего плавания — не упомянут ни о докладе, ни в выступлениях. В этой переписке я чувствую боль двух людей. Юрия Казакова, одного из нашего поколения, мы потеряли. Мы потеряли его, потеряли Шукшина, потеряли Вампилова, чуть старше нас — Трифонова, Абрамова, Тендрякова...

Эти потери невосполнимы.

Поэтому давайте, кроме всего, еще думать о творческих судьбах наших товарищей, о том, что мы делаем общее человеческое и литературное дело. Только делать его надо художнически, ответственно и с полной отдачей.

Туфан МИННУЛЛИН

(ТАТАРИЯ)

Однажды я встретился с очень интересным человеком — председателем колхоза. Биография у него богатая, характер сложный. Руководитель дельный. Он стабильно и твердо выполнял все планы. Неплановые же, сверхплановые и встречноплановые задания не признавал. Районное начальство его не любило. Говорили: слишком заносчивый, упрямый.

Мне он тоже не понравился. При первой встрече общего языка мы не нашли, разошлись почти неприятелями. Но этот человек меня заинтересовал. Во-первых, он был не похож на многих «приятных во всех отношениях» председателей, которых я знал и в жизни, и в литературе, во-вторых, в колхозе от пионеров до пенсионеров его искренне любили, говорили — справедливый, честный. И я все же решил написать о нем. Собрав необходимый материал, сел за письменный стол. Сначала работалось легко. Потом вдруг забуксовало. Мучился, мучился и бросил. Когда узнал, что «моего председателя» сняли с работы, еще раз взялся писать, но опять ничего не получилось.

Я часто думаю об этой истории. Почему же не получилось? Может быть, потому, что в нас живут, существуют и борются два «человека» — два «я». Один из них, справедливый, честный, рассказывает читателю, зрителю о нашей жизни без украшательства, без подделки; другой, подпорченный обстоятельствами перестраховщик, работает для своего бытового благополучия и для служебного спокойствия так называемых «некоторых отдельных товарищей». И теперь я даже рад тому, что дело с пьесой не сложилось. Иначе бы на свет появился еще один обструганный, отполированный, подогнанный в рамки заурядного мышления «герой нашего времени». Когда я в книгах, на сцене, на экранах встречаюсь с такими рафинированными, так сказать, героями, мне становится неловко и за себя, и за своих коллег. И если мы сегодня говорим о перестройке, то прежде всего, наверное, нужно изгнать того швайтана, который сидит в наших душах и заставляет угождать, не зная даже кому и зачем.

Все мы прекрасно знаем о том, что писать вообще о народе невозможно. Есть человек, советский человек, с его местом рождения, местом постоянного обитания. Это место человек называет родной землей. Он с ней связан и исторически, и экономически, и экологически, и психологически. Если человек лишен чувства родной земли, он превращается в перекати-поле. Почему мы ценим произведения, например, В. Распутина, А. Гилязева, В. Белова, М. Магдеева, О. Бокеева, А. Дударева, Мустая Карима, Г. Баширова? Потому что их герои духовно связаны с родимой землей. У одних — это Сибирь, Вологодчина, Белоруссия, у других — Казахстан, Башкирия, Татарстан...

Но некоторые произведения, написанные на русском языке, бывают мне непонятны, потому что на этом языке говорит обезличенный человек. Я не понимаю иные произведения, написанные и на моем родном языке. Казалось бы, и имена, и фамилии персонажей татарские, при разговоре герои употребляют народные пословицы, поговорки, но все равно они мне незнакомы. Отчего все это происходит? Причин, наверное, много. Может быть, мы отошли от народных традиций наших литератур. Может быть, все наши размышления, не считаясь с прошедшим и будущим, замыкаются только в настоящем, только в самих себе. Одна из причин заключается и в том, что преподавание литературы в школах несовершенно.

Есть и такая причина. В национальных республиках писатели стремятся выйти на всесоюзную арену. Это закономерно и замечательно — если их произведения талантливы и самобытны. Но печально, когда, опережая талантливых, проникают в большую печать любыми средствами художественно бездарные ловкачи. Находятся и переводчики, которым все равно, кого и как переводить. В результате появляется масса безликой литературы. Наконец, обезличивание литературы происходит, видимо, и в силу нашей оторванности от духовного мира реального человека.

В КОМИССИЯХ СЪЕЗДА: ПРОБЛЕМЫ. ЗАДАЧИ. ПЕРСПЕКТИВЫ

25 июня работа съезда проходила в пяти комиссиях. На них были обсуждены важнейшие проблемы советской многонациональной литературы. Об итогах этого обсуждения, в котором приняли участие многие прозаики, поэты, критики, драматурги, другие представители творческой интеллигенции, рассказали руководители комиссий на пленарном заседании съезда 26 июня. Мы публикуем их выступления (в сокращении), а также отчеты о заседании комиссий.

ПРОЗА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Об уровне и качестве отечественной словесности во многом можно судить по состоянию прозы, подчеркнул на заседании комиссии по прозе председатель А. Иванов. И здесь за прошедшее пятилетие наши писатели добились значительных успехов, достойно продолжая и развивая в своих лучших книгах славные традиции великой русской литературы и братских национальных литератур.

Докладчик выделил несколько тематических направлений, где художественные искания прозаиков были особенно активны, а достижения вследствие этого наиболее ощутимы и очевидны. Они связаны прежде всего с глубинным исследованием высоких нравственных начал в современном мире, сосредоточенных в коммунистической идеологии, с изображением героической личности, созданием крупных характеров, в которых явственно проступает величие народной души.

Литературный процесс в последнее пятилетие, отметил далее оратор, носил противоречивый характер. Наблюдались в эти годы и чисто внешние снижение требовательности к мастерству, снисходительность к мелкотемью, к серости. И главное сейчас — не просто резко повысить идейно-художественные критерии в оценках литературных произведений, а создать в писательской организации страны такую обстановку, в которой эти высочайшие критерии были бы само собой разумеющейся постоянной нормой творческой жизни.

С содокладом по публицистике выступил А. Салуцкий. Еще недавно, сказал он, высшей доблестью очерка почитали постижение острых хозяйственных проблем. Сегодня психология становится важнее технологии. Нравственно-психологическое направление сейчас особенно созвучно времени.

Мы располагаем мощной, гражданственной экологической публицистикой, где тон задают крупнейшие прозаики. У нас есть хороший судебный очерк. Сильным представляется боевой жанр педагогических раздумий. Наконец, набирает силу публицистика об НТР, хотя ей заметно не хватает социальности.

Но кто возьмет на себя труд глубокого познания важнейших общественно-политических процессов периода обновления? Кого вдохновит не одышка экономики, не болезнь нравов, а состояние общества в целом? Кто попытается вскрыть неясную для многих суть психологической перестройки?

Да, можно изучать жизнь, чтобы потом в ретроспективе художественно осмыслить ее. Но можно сейчас же сунуть перо в этот кипяток — в нашу противоречивую действительность, чтобы писать о перестройке немедля, обжигаясь, ошибаясь. Конечно, с точки зрения теории литературы эти два подхода — элементарные следствия жанровых различий между очерком и романом. Противопоставлять их не следует. Но и забывать, что в особо сложные, переломные годы служит мерой гражданской активности, тоже ни к чему.

Содокладчик по проблемам художественного перевода З. Ананишвили говорил о выборе переводимых произведений, качестве перевода, контроле над переводческой деятельностью и развитии теории перевода. В частности, он предложил предпринять в центральных издательствах выпуск библиотеки братских литератур. С исчерпывающей полнотой должна быть издана мировая классика, в том числе и классика XX века.

В многоступенчатом процессе создания переводной книги целесообразен, а то и необходим контакт с писательскими организациями — советами, секциями, введение их представителей в советы редакций и правления издательств. Но самая большая помощь, которую может оказать литературная общественность переводческой практике, — это критика. Систематическому рецензированию должна подвергаться вся наиболее значащая часть переводческой продукции. Для этого нужен печатный орган, посвященный текущей переводческой жизни и обзору переводных изданий.

Открывая прения, В. Амлинский заметил, что многие социальные и нравственные проблемы, которые сегодня находятся в центре внимания общества, уже поднимались литературой, в частности нашли отражение в произведениях В. Овечкина и В. Тендрякова. Смелость литературы не только в постановке актуальных проблем, смелость — в постижении человека. Ю. Казаков писал о незащищенности современного человека перед природой, перед людьми — и в этом была подлинная художническая смелость.

Сегодня, сказал Б. Никольский (Ленинград), постоянно произносится на наших писательских собраниях, звучит на страницах литературной печати слово «правда». Это, конечно, хорошо. Но разве раньше когда-нибудь мы говорили, будто надо писать неправду? Разве знаменитое шукшинское «нравственность есть Правда» не прозвучало еще несколько лет назад и не цитировалось с тех пор неоднократно? И разве это тем не менее мешало многим из нас грешить против правды в своих книгах, говорить так называемую неполную правду? Значит, дело, наверное, не в декларациях, не в громких заверениях — дело прежде всего в нас самих, в нашей собственной честности, в нашей внутренней готовности, в нашем умении и в нашем моральном праве говорить правду, бороться за нее, отстаивать ее.

В последние годы, как отметил Б. Леонов, был ослаблен вкус к социальным проблемам. Мы начали говорить преимущественно о нравственных исканиях, не задумываясь: а каковы же нравственные обретения? Литература должна не только искать, но и находить тот нравственный идеал, который становится нормой.

Из множества очень верных и точных мыслей, прозвучавших на съезде, сказал А. Якубов (Узбекистан), наиболее существенной представляется мысль о том, что основным в работе Союза писателей СССР и писательских союзов в республиках должно быть дело защиты, поддержки всего истинно талантливого, смелого и самобытного. Ведь и поныне не перевелись у нас критики, разного рода перестраховщики, которые лишь на словах ратуют за борьбу с негативными явлениями в жизни и литературе, а на деле, в силу своей ограниченности, косности и просто эстетической безграмотности как раз и выступают против смелых и ярких произведений.

Задача литературы — держать руку на пульсе времени, говорил Ю. Сбитнев. А задача съезда — разобраться в делах писательского союза, в наших внутренних отношениях. Эти отношения, по словам выступающего, сложились неблагополучно и требуют серьезной перестройки. Им нужно вернуть товарищеский дух, ту человечность, о которой мы пишем в своих книгах.

В эти дни, напомнил И. Стаднюк, исполнилось сорок пять лет, как наша страна подверглась вероломному нападению фашистской Германии. От тех далеких июньских дней 41-го берет начало отсчет мыслям и чувствам всех, кто пишет о войне. Давно отгремевшие сражения и бедствия народа продолжают жить в нас. Для сегодняшнего дня в интересах сохранения мира очень важно исследовать, на каких основах удалось во второй мировой войне сколотить антигитлеровскую коалицию государств.

Надо, чтобы в наше ответственное время были порушены границы отчужденности между деятелями культуры и литературы, пусть и исповедующими разные идеологии, но понимающими, над какой пропастью поставлено человечество властью ядерного оружия. Мы должны быть едиными в борьбе за мир.

Военной прозе, соотношению трагического и героического, роли документа и вымысла в ней посвятил свое выступление и белорусский прозаик И. Чигринов. Лучшие наши писатели, сказал он, заслужили признание читателей прежде всего тем, что находят новые и новые аспекты отображения всенародного ратного и трудового подвига народа — пишут правду о войне.

О судьбе литературы, показывающей жизнь современной армии, говорил Н. Горбачев. Мы должны денно и нощно заботиться не только о ракетах и антиракетах, но и о духовной прочности, духовной вооруженности воинов. Поэтому литературе о современной армии необходим значительный взлет.

И. Падарин обратился с призывом к литературоведам и критикам обстоятельно исследовать обширную мемуарную литературу о Великой Отечественной войне, с таким интересом встречаемую читателями и столь заметно влияющую на наше общественное сознание.

О трудностях развития молдавской прозы в последние годы, которые можно назвать годами затишья и даже творческого благодушия, говорил в своем выступлении В. Бешляга. Его тревога — молодое поколение писателей. Жаль только, что многие из молодых пришли в литературу с убеждением, что утверждает в ней художника не талант, а должность. И это не столько личная их беда, сколько общая беда нашей литературной среды.

Несколько иные проблемы формирования молодых литераторов видит литовский прозаик Р. Кашвускис, который считает закономерным, что молодежь будто заново открывает мир, отбрасывая дидактику, иные правила «литературных игр». Это здоровая тенденция. Но тревожит, что имена ряда молодых прозаиков поздно, а то и вовсе не вводятся во всесоюзный литературный контекст. А ведь именно всесоюзная литературная арена дает импульс для развития каждой национальной литературы.

С. Дангулов обратил внимание на горьковские слова о том, что наша литература по самой своей природе является литературой многонациональной, и отметил огромный вклад Н. Тихонова и М. Бажана в сближение народов и литератур. Однако ныне в некоторых московских журналах, по мнению оратора, все реже появляются произведения писателей братских республик.

Конкретные упреки С. Дангулова вызвали возражение П. Проскурина, А. Иванова, Ю. Сбитнева, С. Муратбекова.

Остановившись на достижениях современной прозы Азербайджана, Б. Набиев указал на своеобразный тематический перекос в ряде повестей, романов, рассказов. Мало еще создается в индустриальной республике произведений, посвященных рабочему классу. А это значит, что писатели не исследуют жизнь во всей ее полноте.

Каждому из нас пишут незнакомые люди, звонят в дверь, нас останавливают на улице, потому что читатели видят в писателе последнюю инстанцию совести, подчеркнул В. Крупин. Отметив, что воспитание души, подлинное обогащение языка и плодотворное развитие литературы невозможны без приобщения к родникам народного творчества, оратор высказался за издание многотомного свода русского фольклора — по аналогии с теми изданиями национального фольклора, которые уже осуществляются в ряде наших республик.

Э. Сафонов поднял вопрос о недостатках издательского дела, в частности, об искусственно создающихся трудностях в прохождении рукописи, о редакторском своеволии и дефиците квалифицированных редакторов. Не писатель должен быть приспособлен к издательскому производству, а оно должно быть настроено на индивидуальность писателя, чтобы всячески помогать художнику оставаться художником.

Редактирование, сказал латышский прозаик З. Скуиинь,— процесс многоступенчатый; существуют и внутренние рецензенты, и рецензенты Госкомиздата. Каждый чего-то требует, но никто за свои требования не несет личной ответственности. Труд редактора вообще может стать аморальным, ведь редактор подчас вынужден требовать поправок, в разумность которых сам не верит. Показано пришло время и в издательском деле ликвидировать промежуточные звенья, усложняющие любое производство.

Иной аспект издательского дела затронул В. Яворивский (Украина). Он говорил о своеобразном табу, которое ещё автору из республики вначале издаться у себя дома, а затем только в центральных издательствах. Но как быть, если своя, родная» критика и издатели, что случалось на практике, недооценивают именно смелые, острые и талантливые произведения?

Литература, продолжает разговор о месте писателя в решении общенародных задач Каракалпакский писатель Т. Каипбергенов, должна не только ставить острейшие вопросы, но и давать на них ответы. Критиковать прошлое ныне стало модным. И этим охотнее всего занимаются именно те, кто вчера еще со всем соглашался и все оправдывал. Вчерашние восхвалители превращаются в самых ярых хулителей, пустозвонов от критики. По-человечески и как художник я не хочу быть с ними в одном ряду — стыдно.

Проблемы мастерства, качества литературной работы, естественно, находились в центре работы комиссии. Казахский писатель С. Муратбеков, говоря о важности современной темы в литературе, отметил, что писатель, берущийся говорить о сложнейших процессах современности, писать душу эпохи, ее высокий порыв, не может при этом небрежно отмахиваться от движения души всех сложностей характера современника. А в произведениях многих из нас в последние годы замелькали унылые повторы и характеров, и конфликтов, и даже отдельных сцен.

Современная литература, говорил в своем выступлении Н. Адалян (Армения), нуждается в беспристрастном критическом взгляде, честных оценках положительного и отрицательного, достижений и утрат. Но для этого необходимо, чтобы критика и те, кто считает себя ценителями художественного слова, свободно ориентировались на всех этажах большого здания литературы. Нигилистический взгляд на литературу наших дней — факт тревожащий.

О значении больших нравственных вопросов, на которые читатель ищет ответы в произведениях современников и классиков, взволнованно говорила грузинская писательница М. Джохадзе.

Проблемы перевода и самоперевода, выхода национальной литературы на всесоюзную арену затронул В. Адамчик (Минск). Белорусский прозаик поделился своими соображениями о непростых судьбах национальных культур в дни бурного развития средств массовой информации, об опасности влияния на национальную самобытность и духовные ценности народа массовой культуры.

Посвятив свое выступление исторической прозе, доктор исторических наук В. Кargалов предложил вновь серьезно подумать о создании художественной летописи Отечества, вернуться к идее массового исторического журнала.

Очень важно, подчеркнул Т. Джумагельдыев (Туркмения), умение самокритично взглянуть на свою работу, начинать перестройку с перестройки своего собственного художественного сознания. Ведь, к примеру, то, о чем говорилось вчера с трибуны съезда, о чем пишут газеты — гибель плодороднейших земель в зоне туркменского канала, построенного ныне, без всякого агротехнического прогноза — происходило на наших глазах. И теперь укор надо адресовать не только тем, кого нет в живых, а и себе, своему писательскому сознанию.

Сделав первые серьезные шаги в разработке проблем общественной жизни, в постановке морально-этических вопросов, наша периодика, подчеркнул А. Анфиногенов, недопустимо отстает в освещении проблем современной науки и научно-технической революции. Сама же НТР действует иначе: потрясает сознание и таким образом овладевает им. Наш долг — вмешаться в дела науки по высшей и ничем не заменимой компетенции писательской совести. Нельзя допустить, чтобы в «могильнике», сооружаемом на месте великого бедствия, были похоронены причины, приведшие к этой катастрофе.

Многое могла бы дать журнал писательской публицистики и документальной прозы, аккумулировав усилия всех писателей, не равнодушных к злобе дня.

Чернобыль — это не тема, сказал украинский писатель Ю. Щербак. Это оплавились наши души, новый уровень понимания взаимоотношений природы и человека, какими схоластичными, далекими от действительности, прекраснодушно-наивными и жалкими оказались многие наши романы, повести и рассказы, скороспелые романтически-лживые пьесы и кинофильмы, герои которых с легкостью необычайной объявлялись ретроградами за то, что осмеливались высказать малейшее сомнение в целесообразности тех или иных технических новаций! Сегодня мы понимаем, если взбунтовавшийся атомный вулкан приводит к таким трагическим последствиям, то каким безумием явилась бы атомная война! Поэтому я горячо поддерживаю предложение О. Гончара на съезде писателей Украины и призываю от имени нашего всесоюзного съезда обратиться ко всем народам мира со словами, в которых бы в полную силу прозвучал наш голос в защиту мира, наше возмущение против испытаний всех видов ядерного оружия, против зловещей программы так называемых «звездных войн».

Подводя итоги заседания, А. Иванов отметил его подлинно рабочую, серьезную обстановку, деловой характер обсуждения, продиктованный заботой о дальнейшем развитии нашей литературы.

Анатолий ИВАНОВ

Наша великая революция, начавшееся в октябре 1917 года, вступила в новый этап. Весь советский народ горячо поддерживает исторические решения XXVII съезда КПСС. Эти решения — долгожданные, ибо ускорение промышленного и сельскохозяйственного производства, принципиальное обновление и всестороннее совершенствование всех сфер нашей жизни давным-давно нужны нам как воздух, без которого жить далее просто невозможно.

Литература всегда была зеркалом общества. И уместно сейчас задать вопрос: что же, это зеркало не отражало давней всенародной потребности коренного обновления и улучшения жизни, наведения порядка везде и во всем?

На этот прямой вопрос я бы со всей прямотой и ответил — отражало! Советская литература, как всегда, честно выполняла свой долг. Уже в 50-х годах, то есть вскоре после тяжкой и разрушительной войны, навязанной нам мировым фашизмом, советские писатели со всей страстностью ставили и исследовали в своих произведениях проблемы реконструкции и обновления устаревшего оборудования, внедрения прогрессивной технологии, увеличения производительности труда, перестройки сознания человека, повышение нравственных начал во всех областях нашей жизни. Назову в подтверждение сказанного хотя бы такие произведения, появившиеся почти сорок лет назад: «Журбины» Всеволода Кочетова, «Закипела сталь», «Испытание огнем» Владимира Попова, «Жатва», «Битва в пути», «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» Галины Николаевой, «Плавучая станица» Виталия Закруткина...

Тогда и в последующие годы писатели отчетливо видели те жгучие проблемы, которые выдвигала жизнь, обращали на них внимание всего общества.

Возьмем, скажем, вопросы социалистической нравственности. Несколько лет назад огромный резонанс вызвал, к примеру, роман Г. Панджикидзе «Камень чистой воды», который откровенно, честно исследовал явление протекционизма, хищничества, взяточничества в Грузии. А вспомним роман А. Якубова «Совесть»! Разве он не предвосхитил ту решительную борьбу против вседозволенности, очковтирательства, нарушений законности, которая спустя лишь значительное время развернулась в Узбекистане? Писатель бил тревогу по поводу волюнтаризма, показухи, разрушения природы.

Или возьмем тему гражданской ответственности за состояние экологических дел в стране. В гущу этих болезненных проблем смело вторгается и казах А. Нурпеисов (роман «Долг»), и литовец Й. Авижюс (роман «Дягимяй»), и многие русские писатели — С. Залыгин, В. Астафьев, В. Распутин, В. Белов, Е. Носов... Эти и многие другие писатели обращаются к сложному комплексу причин, вызывающих экологические катастрофы, скажем, на Арале, неблагополучное положение дел на Байкале и в других местах, и к тем плачевным экономическим, моральным последствиям, которые связаны с оскудением и обмелением гигантских степных водоемов, некогда полноводных рек, с гибелью природы во многих регионах страны. Гнев героев книг этих авторов направлен против безответственности, бесхозяйственности, хищничества и расточительства, против бездумной погони за сиюминутными, часто мнимыми выгодами, которые позже влекут за собой горькие разочарования и огромные народнохозяйственные потери.

Откровенно говоря, меня несколько удивило, что позавчера на пленарном заседании, да и сегодня очень многие ораторы на большом эмоциональном пафосе ругают советскую литературу и советских писателей, правда, за исключением нескольких имен, искусственно втиснутых ныне критиками в пресловутые литературные «обоймы», многие патроны которой уже давно прержавели до дыр.

Один наш иностранный гость после заседания даже сказал в дружеском кругу: вы знаете, мне так и хотелось встать и произнести несколько слов в защиту советской литературы. А я в связи с этим вспомнил недавнее высказывание чехословацкого писателя на дискуссии по проблемам развития чехословацкой литературы, который сказал, что если наш современник не находит в новых произведениях чехословацких писателей ответа на свои вопросы, то он, естественно, обращается к самой правдивой, мудрой и смелой советской прозе, и чтение произведений советских писателей дает ему хотя бы надежду не перемену к лучшему и уверенность в окончательной победе справедливости.

Из этого высказывания нашего чехословацкого друга видно, какой огромнейший авторитет имеет современная советская литература в странах социализма и во всем мире. Поэтому, обсуждая наши литературные дела, говоря о наших литературных проблемах, критикуя наши недостатки, мы не должны забывать об этом всемирном авторитете советской литературы и всячески его оберегать. В том, что мы приступили сейчас к решению жгучих проблем нашего экономического развития в общегосударственном масштабе, есть немалая заслуга и нашей литературы.

На комиссии съезда шел большой и взволнованный разговор и о прошлом, и о настоящем, и, естественно, о будущем советской литературы, разговор, отличающийся подлинной заботой о дальнейшем развитии советской прозы. На комиссии выступили известнейшие прозаики почти из всех национальных республик. И в этом взволнованном разговоре постоянно доминировала следующая мысль: в нынешних сложнейших условиях, когда всепланетарные силы зла, сосредоточенные в США, объявили о намерении взять социальный реванш в крестовом походе против коммунизма, когда противостояние социального добра и зла, полярных сил прогресса и реакции достигло критического состояния, — в этих условиях советская литература, оставаясь верной ленинскому наказу быть частью общепролетарского дела, обращается прежде всего к глубинному исследованию, к показу самых высоконравственных начал и сил в современном мире, сосредоточенных в коммунистической идеологии, сил, способных предотвратить гибель человечества, отстоять и сохранить жизнь на земле. И стремясь постичь эту главную особенность нынешнего мира, писатели обращались и обращаются прежде всего к воплощению образов коммунистов. В связи с этим назывались сравнительно давние и совсем недавние книги писателей Г. Маркова, Ю. Бондарева, П. Проскурина, М. Алексеева, П. Куусберга, И. Мележа, Ф. Абрамова, А. Чаковского, И. Стаднюка, А. Крона, Л. Иванова, С. Воронина, К. Икрамова, В. Бэкмана, В. Карпова, Ю. Мушкетика, И. Васильева, Г. Бакланова, В. Быкова, Д. Гранина, А. Ананьева, Н. Горбачева, А. Проханова и многих других писателей, чьи герои демонстрируют высочайшие качества борцов за благополучие и постоянное укрепление нашего социалистического государства, за народное счастье, жертвуя при этом, если необходимо, даже своей жизнью.

История становления социалистического общества не знала легких, спокойных этапов. Борьбы и огня для всех поколений советских людей, созидающих новое общество, всегда хватало. Поэтому исследование природы положительного героя есть исследование нашей революционной эпохи, исследование героической борьбы народа за социальную справедливость. И в советской прозе за последнее время созданы крупные характеры, в которых явственно проступает величие народной души — такие, как Антон Соболев из эпопеи Г. Маркова «Грядущему веку», как секретарь обкома Брюханов из романа П. Проскурина «Имя твое», парторг Андреас Яллак из романа П. Куусберга «Капли дождя», председатель исполкома Апейка из «Полесской хроники» И. Мележа.

На заседании комиссии отмечалось, что заметная активизация патриотической линии в советской прозе последних лет естественна, ибо силы мировой реакции действуют все более коварно и нагло, доходя до гнусных провокаций в воздушных границах и территориальных водах СССР. Понятно обращение писателей к обличению фашизма и всяческого мракобесия, понятно и активное в последнее время их внимание к исторической тематике, ибо все более и более становится сейчас очевидно, что одним из важнейших способов и методов воспитания гражданственности, советского патриотизма, интернационализма было и остается воспитание историей. Потому что история — это борьба народов за свою лучшую долю, за светлые идеалы человечества и в конечном итоге — за коммунизм.

Большой вклад в дело патриотического воспитания советских людей вносит военная мемуарная литература — книги наших легендарных полководцев и военачальников, воспоминания о героических фронтовых делах офицеров и рядовых участников прошедшей войны. Они передают свой нелегкий опыт побеждать сильного и коварного врага. Этот вид литературы, отмечалось на комиссии, — значительное явление в духовной жизни народа. Но, к сожалению, это явление нашей критикой почти не исследуется, не пропагандируется, что снижает воспитательное воздействие этого вида литературы.

Совершенствование и обновление всех сфер нашей жизни, естественно, не может не коснуться и нашего литературного дома. Дом этот громаден, в нем великое множество комнат и окон, и, к сожалению, не все окна светились и светятся сейчас светлым, ярким огнем, есть оконце и тускловатые, полуслепые, да и совсем слепые.

Слабые в идейно-художественном отношении, невыразительные, серые — одним словом, плохие книги, к сожалению, всегда были и будут впредь — таково свойство литературного процесса. Но беспокоит то, что подобных книг появляется все больше и больше. В чем же дело? В нетребовательности издательских и журнальных редакторов, выпускающих в свет плохие книги? В благодушии критики, которая снисходительно относится к слабой, серой, как мы говорим, прозе? Да, конечно, тут вины с редакторов и критиков не снимешь. Но это, как отмечали многие ораторы на нашей комиссии, производное от главного. А главное заключается в том, что в силу определенных застойных явлений, наблюдавшихся в последние десятилетия в стране, у нас заметно понизились и идейно-художественные критерии в оценках явлений литературы. Да, здесь уже по справедливости говорили о железобетонной несокрушимости иных искусственных литературных авторитетов. Действительно, нередко, очень нередко бывает так: появляется откровенно слабый роман какого-нибудь известного, а то не дай бог, маститого писателя, увенчанного, как правило, высокими государственными наградами и литературными премиями. Критике тотчас бросается его хвалить. И только хвалить, без разбора! А иногда и разобраться бы не грех. Ибо случается, что литературные знаменитости и невзыскательностью к языку, композиционной неряшливостью, и формалистическими выкрутасами откровенно бравируют и мусолят проблемы, давным-давно исследованные в литературе.

Возьмем, с другой стороны, так называемую проблему молодых. Мы отыскиваем новые таланты по всей стране, помогаем их становлению и по справедливости гордимся той огромной работой, которую проводим с начинающими и молодыми авторами.

Но, к сожалению, здесь имеются у нас и издержки, главная из которых — опять же отсутствие должной требовательности, снижение художественных критериев. У иных молодых авторов, кое-как слепивших первые рукописи, таланта нет, но есть неуемное желание выйти в писатели. И вот такие-то бездарности, коих, увы, немного больше, чем талантливых людей, пользуясь нашей заботой о литературной смене, «кричат не всех трибунах: мы-де и есть искомая вами литературная смена. Такие буквально стучат кулаками по редакторским столам — печатайте нас, иначе обвиним в третировании молодых талантов, затаскаем по инстанциям.

Наш Союз писателей засорен случайными в литературе людьми. Есть члены Союза писателей, не имеющие ни одной изданной книги. Как они туда попали — остается загадкой. В Союз писателей пытаются проникнуть и проникают порой всякие руководящие чиновники, нынешние и особенно бывшие, сдавшие с помощью подчиненных какую-нибудь книжонку. Многие из таких бывших откровенно заявляют, а теперь вышел на пенсию и решил всего себя посвятить литературе, потому давайте-ка поимайте меня в Союз писателей. Параллельно с Союзом писателей СССР есть еще где-то, при Литфонде СССР, что ли, какой-то таинственный профком литераторов. Многочисленные члены этого так называемого профессионального комитета литераторов тоже что-то сочиняют, всеми силами протаскивают свои писания в журналы и издательства. На комиссии прозвучало требование ликвидировать этот профком — рассадник воинствующей серости и литературного нахлебничества.

Говорилось на комиссии и о том, что пора предельно повысить, ужесточить требовательность при приеме новых членов Союза писателей, поставить условием для приема не умение писать посредственные рассказы, повести или даже романы, а умение видеть и осмысливать по-писательски глубинные жизненные противоречия, видеть и понимать, как в результате разрешения этих противоречий рождаются новые человеческие типы и характеры, умение отображать все это на бумаге ярким, эмоциональным, народным языком, то есть руководствоваться при приеме новых членов Союза писателей жестким законом — обладает или не обладает человек настоящим литературным дарованием. Для того, чтобы убедиться в наличии таланта, следует, говорили члены комиссии, установить институт кандидатов в члены СП СССР. Иной автор недолго будет ходить в кандидатах, ибо первые же его книги покажут, что он настоящий художник. А автор бездарный этот рубеж не преодолеет и к своему же благу поймет, что ему надо заняться чем-нибудь более полезным для общества.

В ходе работы нашей комиссии было высказано много практических предложений по улучшению руководства творческим процессом, издательским делом. Анализируя, например, переводческое дело, писатели отмечали, что советская литература создается ныне на 78 языках народов СССР, что наша страна — крупнейший издатель всей прогрессивной литературы мира, а переводческое дело идет у нас стихийно, никто этой важнейшей стороной литературного процесса, в общем-то, не руководит. И было бы в высшей степени полезно основать переводчикам, которые ныне входят в Союз писателей, свой собственный творческий союз, как это сделано во многих социалистических странах. Это дало бы возможность целенаправленно руководить переводческим делом, контролировать качество переводов, в самим переводчикам профессионально совершенствоваться, улучшать свою работу. Создание такого союза было бы только на пользу дальнейшему развитию и расцвету нашей многонациональной литературы.

Необходимость улучшения выпуска литературы настоятельно ставит вопросы новых форм работы, а именно более тесного и активного сотрудничества творческих союзов и книгоиздательских предприятий и учреждений. И в связи с этим российский Госкомиздат выдвигает идею, а писатели ее поддерживают: создать экспериментальный журнал — совместное издание СП РСФСР, Союза художников РСФСР и Госкомиздата РСФСР. Это должен быть общественно-политический и литературно-художественный, обильно иллюстрированный журнал, в задачу которого входило бы объединение вокруг себя лучших научных, культурно-художнических, писательских сил России, способных решать актуальнейшие вопросы книгоиздания. А может быть, подобное издание надо сразу делать всесоюзным.

И, наконец, участники комиссии по прозе просили меня передать их предложение делегатам съезда обратиться ко всем народам мира, ко всем людям доброй воли со специальным обращением, в котором в полную силу прозвучал бы голос советских писателей против античеловечной, агрессивной политики империализма, против испытаний ядерного оружия, против зловещей и бессмысленной американской программы «звездных войн», голос против безумной гонки вооружений, голос в защиту мира, в защиту жизни на земле.

ПОЭЗИЯ—ДУША НАРОДА

Егор ИСАЕВ

Вниманию делегатов съезда, принимавших участие в работе комиссии по поэзии, был предложен доклад, с которым выступил председатель комиссии, секретарь правления СП СССР Е. Исаев.

— Нет литературы для литературы, — сказал он. — Большая литература, в том числе, разумеется, и поэзия, не просто автоматически сопровождает жизнь, не просто информирует, как газетная периодика, а всесторонне и глубоко изображает жизнь и одновременно с этим силой своей гражданской страсти и социальной мечты прямо воздействует на нее.

Эта мысль была положена в основу доклада, глубоко и всесторонне проанализировавшего состояние советской многонациональной поэзии за истекшее пятилетие. Убедительно раскрыв значительность достижений наших мастеров слова, докладчик тем самым опроверг суждения иных литераторов о якобы «беспоэзии» в современной поэзии.

В то же время в докладе было немало прямой и нелицеприятной критики говорилось о мелкотемье и обеднении поэтической тематики, о разрыве между словом и делом, дающем знать о себе в некоторых стихотворных публикациях, о том, что переводы многих значительных произведений поэтов братских республик на русский язык весьма далеки от совершенства. Особое место в докладе было отведено взаимоотношениям поэзии и критики, «литературного ОТК». Критике подчас недоставало анализа, в ней преобладали общие рассуждения, да и просто незнимание к проблемам поэзии.

Такой деловой, взыскательный, принципиальный подход к поэзии определил и характер последующего ее обсуждения.

«Обостренной совестью народа» назвал поэзию В. Цыбин. По мнению Р. Ованесяна (Армения), «наша поэзия — это и поэзия нравственных идеалов». «Прикоснись ко Вселенной в одной точке, и ты прикоснешься к ней везде», — вспомнил М. Чаклайс (Латвия) изречение поэта. «Лишь раскрепощенный дух родит раскрепощенное слово», — заявил В. Сорокин. «Поэзия необходима жизни, — сказал Н. Дабижа (Молдавия). — Она сообщает ей смысл. Тот, кто живет ради поэзии, живет в ней, ею. Для поэта поэзия — воздух, без которого он не может существовать».

Высказав убежденность в том, что «гражданская поэзия сегодня — это борьба за духовную нравственную перестройку общества», О. Шестинский не зря вспомнил об уроках Маяковского. Ведь следование традициям Маяковского в первую очередь означает, что современный поэт «с теми, кто вышел строить и месть...».

Это имел в виду и А. Кекильбаев (Казахстан), назвавший Маяковского «трубадуром революции». Слово «революционный» прозвучало и в выступлении Н. Гилевича (Белоруссия), который говорил о революционном характере преобразований, намеченных XXVII съездом КПСС, и о том, что дело поэзии — помочь людям уяснить рожденные временем революционные задачи. И Е. Долматовский в связи с теми же революционными задачами назвал имя Маяковского, чье творчество и поныне является путеводным маяком для всей советской многонациональной поэзии.

«Я хочу сказать о назначении нашей поэзии сегодня» — так начал свое выступление К. Курбансахатов (Туркмения). И так его закончил: «Поэт обязан служить своему народу. Поэзия должна служить своему времени».

Как отметил В. Карпеко, великий пример служения своему народу, своему времени явила поэзия, рожденная на фронтах Великой Отечественной. Немногие из поэтов-фронтовиков дожили до сегодняшнего дня. Но все, кто дожил, и сейчас продолжают достойно и честно трудиться в поэзии.

Тем большее недоумение, продолжал В. Карпеко, вызывают попытки некоего литератора младшего поколения бросить тень на такие испытанные временем духовные ценности, как стихотворение К. Симонова «Жди меня...».

Ю. Поляков, выступивший от имени молодых поэтов, обратив внимание на то хорошее, отличное, чем зарекомендовала себя поэзия молодых, не скрыл тревоги по поводу «прагматиков до мозга костей», «которые высчитывают уже не только куде нести, не только что нести, но даже и как писать, чтобы напечатали!» Он поддержал высказанную на обсуждении мысль о том, что «один печатающийся графоман — путеводная звезда для сотен бездарей».

«Мы много говорим о помощи молодым, — сказал в своем выступлении В. Субботин, — но бывает, что, желая помочь, мы непоправимо вредим человеку». Он напомнил собравшимся о той требовательности, которая отличала в обращении с молодыми признанных мастеров слова, таких, к примеру, как Н. Тихонов и М. Светлов.

По мнению А. Арипова (Узбекистан), «усвоение лучших достижений советской и всей мировой литературы существенно обогатило палитру наших молодых поэтов». Без вчерашних молодых, сказал А. Балтакис (Литва), уже трудно представить себе лицо нынешней литовской поэзии. «Надеюсь на них, — сказал о молодых поэтах О. Шестинский, — у них есть серьезные удачи, но порою они сбиваются на проторенный путь».

«Мастерство, даже его «излишек» нынче находят у поэтов всех поколений, в том числе у начинающих, — отметил Д. Павлычко (Украина).—Но не напоминают ли многие мастеровитые произведения прекрасно построенные, но мертвые храмы? Владея филологической виртуозностью, легко откликнуться на любое (в том числе и трагическое) событие, такое, к примеру, как недавняя беда в Чернобыле. Но именно стихи о Чернобыле обнаружили, что мастерство может прикрывать фальшивую гражданственность».

«Так называемые средние стихи пишут далеко не одни молодые», — сказал В. Субботин. «Самым распространенным и весьма опасным недостатком нашей литовской поэзии» назвал А. Балтакис (Литва) «своеобразную эрозию стиха, которую все чаще можно встретить в поэтических книгах». О «многословных, наспех зарифмованных вариациях на тему «цветет урюк под грохот дней» говорил А. Арипов.

Почти все выступавшие так или иначе касались вопросов патриотизма и интернационализма советской поэзии. С тревогой говорили Д. Павлычко и Н. Гилевич о беззаботном порой отношении к судьбам родного языка. А ведь чувство родины у поэта связано, как подчеркнул Д. Павлычко, с материнской песней, с историей его народа, с его языком.

«Действительно, поэт должен жить в стихии родного языка, — сказал В. Костров. — Поэтому недопустимо, что преподавание в русских школах порой ведется не на русском, а на волапюке — смеси канцелярита с бытовым». «Любой учитель, независимо от предмета, который преподает, обязан быть в какой-то мере и учителем языка», — сказал и Н. Дабижа.

Естественно, что разговор о языке поэзии перерос в разговор о языке поэтического перевода. «Настоящий переводчик, если он не хочет попасть впросак, — считает Я. Козловский, — должен проникнуть в суть литературного произведения, переводить не слова его, а дух, создать версию достоверности в художественном переложении и приобщить это иноязычное произведение к отечественной литературе». Так в идеале. Но, как показал В. Ганиев, к переводу часто обращаются люди случайные, не постигающие духа стихотворения. А ведь «перевод — это все равно что переливание крови». Д. Новруз (Азербайджан), высказавший этот афоризм, так его продолжил: «С тем условием, чтобы группа крови была одинаковой».

«Кто должен переводить профессионального поэта?» — спросил Д. Чарквиани (Грузия). И сам ответил на этот вопрос: «Конечно, такой же профессиональный талант, а не простой переводчик, способный лишь воспроизвести свободные от творческого огня стихоподобные строки».

«Тяжелой индустрией перевода» назвал Г. Эмин (Армения) работу малоодаренных переводчиков, изготавливающих тонны стихотворного материала, на поверку оказывающегося браком. В связи с этим он предложил переводить на русский и на другие языки братских республик только лучшие национальные произведения. И доверять перевод лучшим литераторам. «Обязательно нужно, — считает Г. Эмин, — чтобы редакторы владели национальными языками». А Г. Сафиева (Таджикистан) предложила создать научно-исследовательский институт, который сосредоточился бы на изучении проблем перевода. Ведь «зачастую наблюдается легкомысленная оценка произведений нашей многонациональной литературы, — сказала Г. Сафиева. — Те, что, не понимая, анализируют, не зная языка, дают оценку творчеству того или иного автора, при встрече оправдываются, что они, мол, критикуют переводчика. А встречаясь с переводчиком, говорят, что ругали поэта».

Претензий к критике на заседании комиссии было высказано немало. «Более трех десятков лет звучат на устах критики одни и те же имена» (В. Сорокин). «Сколько у нас действительно озабоченных поэзией критиков? Мало!» (В. Цыбин). «Наша критика не всегда правильно ориентирует как читателя, так и поэта, односторонне, опрометчиво трактуя и даже по-своему фетишизируя такое понятие, как оригинальность» (А. Балтакис). «Ущерб от приписок в производственной сфере иногда можно все-таки возместить, взыскать с виновного. Нравственный ущерб, как известно, не вырубить никаким топором» (А. Арипов).

И все же, как сказал Ю. Прокушев, «наверное, если мы не будем обращать внимание на достижения, а будем только говорить, что критика у нас плохая, мы толку не добьемся».

В какой-то мере с этим оказалось солидарным выступление Л. Ошанина, который, приветствуя возвращение в нашу поэзию ряда поэтических имен, говорил о необходимости верного критического осмысления их наследия.

Проблема «поэт и критик» зачастую связана с более широкой: «поэт и издательство», или, как обозначил ее В. Цыбин, «поэт и рецензент». Нередки случаи, заметил он, когда рецензент читает в рукописи одну книгу, а выходит из печати книга совсем другая. Были высказаны на заседании упреки в адрес редсоветов издательств, в адрес издательской политики, при которой утверждает себя в своих правах серость и никчемность. «Не перевелись еще архиусердные редакторы, изымающие из текста даже сатирических стихов слова «судьба», «владыка», «аллах», «взятка», «чинопочитание» как не типичные для лексикона современного человека» (А. Кекильбаев). «Немало еще издателей, считающих: негативное явление в жизни — полбеды, но негатив на страницах литературы — беда настоящая!» (Ю. Поляков).

Очень остро поставил В. Цыбин вопрос о своевременности выхода книги к читателю. «От внутренней рецензии до издания книги зачастую проходит от 5 до 8 лет! Я знаю молодых поэтов, которые состарились, ожидая свою книгу!»

Со словами В. Цыбина о том, что в неверной издательской политике скрывается одна из причин серости поэзии и ее стилевого однообразия, не спорил никто, в этом все были единодушны.

С. Куняев говорил о рекламе как о мощном факторе стимулирования интереса читателей к поэзии. «Я уверен, — сказал С. Куняев, — что получасовое выступление со стихами перед десятками миллионов телезрителей сейчас играет в судьбе поэта не меньшее значение, нежели издание книги». И еще: «Сейчас без телевидения почти невозможна пропаганда литературы. От телевидения зависит спрос, зависят наши тиражи, зависит прямая связь читателя и поэта».

«Мне кажется, — возразил С. Куняеву Е. Долматовский, — что не всякого поэта, которого покажут по телевидению, станут покупать. Телевидение, конечно, много делает и многое может сделать для пропаганды поэзии, но оно не может сделать плохое хорошим».

Единодушно поддержали присутствующие замечание С. Куняева о необходимости повысить требовательность к произведениям, выдвигаемым на соискание литературных премий. «Выдвижения, — сказал С. Куняев, — у нас порой происходят келейно, списки всех выдвинутых кандидатур не публикуются, что резко ограничивает демократические возможности обсуждения, дружные обоймы хвалебных и только хвалебных статей и рецензий появляются лишь тогда, когда вопрос о премиях практически решен!»

О многих трудностях, связанных с поэзией, с ее изданием, с ее дорогой к читателю, говорилось на заседании комиссии. Естественно, что в своих выступлениях участники обсуждения опирались на опыт своей национальной литературы: Д. Павлычко — украинской, Н. Гилевич — белорусской, А. Вергелис — еврейской, М. Чаклайс — латышской, Д. Чарквиани — грузинской, К. Курбансахатов — туркменской и т. д. Все говорили о плодотворности взаимного сотрудничества поэтов разных республик для единой советской многонациональной поэзии. В частности, А. Вергелис с благодарностью говорил о поэтах, немало сделавших, чтобы антологический сборник советской еврейской поэзии стал достоянием широкой читательской аудитории.

«Поэт — это все-таки не профессия, а судьба. Легких судеб в поэзии не было, нет и не может быть», — сказал в своем выступлении М. Дудин (Ленинград). И эти слова известного советского поэта как бы обозначили главный смысл состоявшегося обсуждения.

А его пафос лучше всего передать словами Г. Горбовского (Ленинград): «И в наше удивительное время благотворных перемен, воскрешения идеалов, пробуждения от инерции спячки, время духовного оздоровления общества хочется не просто повторять вместе с телевидением и радио цитируемые фразы об ускорении, человеческом факторе, гласности, личной ответственности, разумном риске, бережном отношении к окружающей среде, к памятникам старины, но хочется жить по этим заповедям». Ибо в конечном счете и вели разговор участники обсуждения современной советской поэзии о том, как жить в согласии с провозглашенными XXVII съездом КПСС высокими идеалами и как научить жить в согласии с ними читателя.

На заседании поэтической комиссии нашего съезда состоялся серьезный разговор о проблемах современной действительности и советской многонациональной поэзии. Помимо докладчика, в прениях выступили 29 человек. Жизнь нашей страны в ее многообразном и нелегком обновлении, духовный мир советского человека, состояние и задачи поэтического творчества — вот круг тех важнейших вопросов, которые поднимались в выступлениях.

Делегаты обратили внимание на ослабление связи поэзии с читателями. Тревога по этому поводу звучала во многих выступлениях. Поэзия должна повысить свою духовную, нравственную активность в утверждении наших идеалов, в претворении в жизнь новаторских идей XXVII съезда партии. Эта работа должна быть подкреплена и обеспечена организационно-творческой перестройкой деятельности выборных руководящих органов Союза писателей СССР.

Этой зимой, в канун XXVII съезда партии, в конференц-зале правления Союза писателей СССР мы обсуждали положение дел в нашей современной поэзии. Обмен мнениями показал: наша поэзия остается большой поэзией. Ее знают, ценят. И в основном любят. Вместе с тем в нашей поэзии есть и такие тенденции, которые все чаще и чаще дают о себе знать — и больше с отрицательным знаком, нежели с плюсовым. Первая из них — это разрыв между словом и образом, с одной стороны, и между образом и делом — с другой.

Связь эта либо истончается, либо прерывается совсем. И тогда слово начинает служить слову, образ — образу, а дело остается либо недовыраженным, либо вообще лишенным слова.

Наверное, поэтому Давид Кугультинов высказал такую афористическую мысль: много мы обрели в движении, но вместе с тем много и потеряли. Время сейчас благоприятствует литературе. Надо, по его мнению, активней выводить литературу за пределы самой литературы, дабы еще осознательней ввести ее в соприкосновение с наукой и с другими сферами трудовой и общественной деятельности.

Григол Абашидзе заострил внимание собравшихся на проблеме молодых литераторов в Грузии. Наблюдается увлечение верлибрами среди молодых. Каждая форма оправдывает себя, если произведение талантливо, но, как подчеркнул в заключение Абашидзе, большинство таких веолибров очень и очень скучно.

Его поддержал Иван Тарба. Он сказал: молодые вообще стали писать очень сложно, непонятно и под видом псевдосложности и псевдофилософичности стали прятать свою беспомощность, прикрываясь новизной: мол, вы уже устарели, вы не понимаете нас. Но, спрашивается, почему же мы тогда понимаем Пушкина, Лермонтова, Руставели, Исаакяна, Твардовского, Тихонова, Заболоцкого?

Мы часто говорим о «поэзии труда», но как пишем о ней? В литературе нужно не голое описание процесса труда, нужно слово о человеке труда — что у него в душе, как он строит мир в себе и вокруг себя.

Современный эпос насквозь лиричен. Эта фраза принадлежит Анатолию Чапурову, который на большом подъеме рассказал о том, как поэты Ленинграда встретили 40-летие освобождения своего родного города, города революции, от фашистской блокады.

Хочу особо отметить выступление на том авторитетном собрании замечательного нашего поэта-фронтовика Владимира Жукова. Говоря о новой книге Михаила Дудина «Полынь», посвященной родной земле и великому крестьянскому делу на ней, он до глубины души взволновал нас всех не только яркостью и дельностью своих суждений о проблемах современной деревни, но и умением так сердечно радоваться успеху своего товарища. Именно, повторяю, радоваться, а не хвалить. Похвалой можно унизить, радостью — нет.

Талант — это сама жизнь. Не как умение писать только как навык сочинять, а как способность сначала переживать, сопереживать, думать, взвешивать в сердце, страдать, радоваться, а уж потом, потом только писать — писать в муках постоянных сомнений и в редких сполохах восторга. А это, наверное, и есть то, что называется писать правдой, писать великой ответственностью перед людьми.

Делегаты говорили и о наших организационных делах. В частности, высказывали требование активней включаться в планирование и пропаганду поэзии в системе средств массовой информации, на радио, в газетах и в первую очередь на телевидении. В эти организации должны войти авторитетные представители нашего жанра, которые могли бы серьезно влиять на процесс отбора и распространения лучших произведений. Мы ждем от телевидения более взыскательного и более объективного освещения состояния дел в нашей современной многоязычной поэзии — во всем богатстве ее национальных, стилевых и индивидуальных особенностей. Оставляет желать лучшего пропаганда новинок поэзии.

Слово поэта — дело поэта. Вне поэтического слова, вне национальной специфики художественного образа, вне его эмоциональной и идеологически-нравственной сферы теряют свою силу даже самые добрые намерения и душевные порывы поэта.

Есть чувства, которые всегда будут опережать современность, даже межпланетные корабли. И одно из них — это чувство труда как чувство любви, как чувство Родины. К сожалению, как раз эта-то незаменимая материя долгое время (слишком долгое) находилась в тени риторических стереотипов наших школьных программ.

Многие делегаты отмечали обеднение живого поэтического языка и связывали это с серьезными недостатками в деле преподавания в школах и гуманитарных вузах некоторых республик как родного, так и русского языка. Каждый язык — это великое достояние народов и всей цивилизации в целом. Должна быть «служба охраны языка».

По мнению значительного числа делегатов, нам необходим журнал «Советская поэзия».

Нуждается в определенной перестройке и работа Книготорга, который сейчас, как нам кажется, выдвигает на первый план финансовую прибыль, забывая при этом, что книга не просто товар. Книготорг — настолько же коммерческая организация, насколько и идеологическая. Об этом не следует забывать. Книгу, особенно поэтическую и особенно первую книгу молодого поэта, надо не только продавать, но и пропагандировать.

Поэтическая книга и по внешнему виду должна стать явлением эстетическим. Для этого издательствам и Госкомиздату СССР следует коренным образом изменить свое отношение к работе над ее художественным оформлением и полиграфическим исполнением, больше уделять внимания изучению читательского спроса, пропаганде поэтических изданий.

В серьезном совершенствовании и демократизации своей деятельности нуждаются издательства. И прежде всего наши, писательские: «Советский писатель», «Современник», «Радянський письменник» и другие. Необходимо обновить состав правлений и редсоветов, повысить их роль и ответственность в отборе рукописей к публикации, в определении сроков издания, пересмотреть состав рецензентов и переводчиков, усилить контроль за деятельностью издательств со стороны секретариата Союза писателей СССР.

Помните у Есенина: «буйство глаз и половодье чувств». Правда, прекрасные слова? Но они были бы еще прекраснее, если бы не наводили на грустную мысль о половодье слов в нашей поэзии. Факты? Пожалуйста. Статистика Госкомиздата показывает две с половиной тысячи наименований в год в плане по выпуску поэтических книг, столько же примерно готовых рукописей из плана редподготовки и еще столько же не до конца пока рассмотренных. В сумме получается около 8 тысяч названий, претендующих на то, чтобы стать книгами. И это, заметьте, запас только одного года! На подходе с письменных столов новые и новые рукописи.

О чем же это говорит? А говорит это о том, что занятие поэзией все меньше и меньше становится миссией, призванием — и все больше навыком, профессией. Уровень общего образования таков, что позволяет некоторым начинающим думать о возможности научиться писать стихи... И в среднем варианте это, к сожалению, удается. Но в том-то и вся беда, что в среднем. Среднее порождает среднее и способствует среднему. Талант застенчив, талант ищет себя в глубине, эффект — в поверхности. Отсюда и все диспропорции.

Несколько соображений к разговору о таланте. Есть люди, которые уповают на талант как на нечто такое заведомо универсальное, способное заменить собой даже знание самой жизни. По-моему, это превеликое заблуждение, ведущее к иждивенчеству за счет таланта. У таланта две силы — сила в себе и сила вокруг. Разъединенность этих двух сил неизбежно приводит к погашению таланта. Талант — это как элитное посевное зерно в закромах и одновременно — как поле, которое еще нужно подготовить к посевной, засеять это поле и лишь потом только надеяться на урожай. Конечно, издательское встречное внимание — это, как дождик в срок, доброе подспорье для таланта, но и строгость, думаю, не во вред.

Но бывает еще и бесталанный талант — это талант локтей. Владея им, можно при широте наших возможностей и при довольно-таки сильной расшатанности наших идейно-эстетических принципов преуспеть куда больше, чем при наличии подлинного дарования: разнес разные рукописи в разные издательства и дави, как на клавиши.

Почти во всех выступлениях как русских, так и поэтов народов СССР звучала тревога по поводу состояния перевода, постановки всего переводческого дела в нашей стране. Суть высказанных предложений состояла в том, чтобы переводить на русский язык и на языки других народов только те поэтические произведения, которые стали явлением своей родной литературы. Ну и, конечно, переводить талантливо — от сердца к сердцу, от достоинства к достоинству. Требуется повысить ответственность руководства творческих союзов за рекомендации рукописей к изданию, а издательств — за подбор переводчиков и рецензирование подстрочников и переводов. Назрела необходимость провести после съезда специальный пленум, посвященный вопросам художественного перевода.

С большим удовлетворением было встречено сообщение о создании специального журнала по проблемам художественного перевода. Хочу поддержать предложение Яниса Петерса о создании издательства «Дружба народов».

Лейтмотив многих выступлений: поэзии необходима аргументированная, принципиальная, серьезная и доброжелательная критика. До сих пор она мало помогает в борьбе с нарастающим потоком невыразительных в художественном отношении публикаций. Более того — часто дезориентирует читателя, уравнивая напористый дилетантизм с одухотворенным мастерством, порою создает дутые авторитеты.

Высказывались пожелания провести после съезда пленум на тему «Поэзия и критика».

В ряде выступлений звучала серьезная озабоченность ослаблением социального и гражданского тонуса в поэзии молодых авторов. В связи с этим говорилось о критериях приема в члены СП СССР. Новому руководству СП СССР необходимо продумать систему мероприятий, способствующих выявлению по-настоящему талантливой, идейно и художественно зрелой творческой молодежи. Талант и направление таланта — вот критерий подхода к творчеству одаренных молодых поэтов, да и не только молодых.

Высказывались также пожелания, чтобы первые книги молодых поэтов выпускались сначала небольшими, пробными тиражами без изменения гонорарных ставок.

Писатель — величина более чем коллективная. Состав его коллектива — это он сам, герои его книг и плюс еще его читатели, исчисляемые десятками тысяч, а то и миллионами. И поле его деятельности простирается не только в плоскости его рабочего стола и почти непроходимой белой страницы на этом столе, но и во всех временных, географических и социально-политических измерениях. Но самые главные для него измерения — это измерения человеческого сердца, человеческих отношений и общественной мысли, измерения совести и части. Писатель — один, а в его нервной клетке — целые миры...

Поэзия там, где боль, где труд, где подвиг, где доброта человеческого сердца. Этим всегда жила настоящая литература: поэзия Пушкина и Шевченко, Некрасова и Абая, Блока и Райниса, Маяковского и Чаренца, Есенина и Купалы, Твардовского и Самедэ Вургуна, Галактиона Табидзе и Мусы Джалиля. Долг поэта — словом своим пробуждать духовную энергию человека, вдохновлять его на борьбу за лучшую жизнь, за мир и счастье на земле.

● Цветы Неизвестному солдату

В перерыве между заседаниями

● Михаил ДУДИН, Ячка БРЫЛЬ

● Гулгухсор САФИЕВА, Татьяна КУЗОВЛЕВА

КРИТИКА: ЧЕТКОСТЬ КРИТЕРИЕВ, ВЫСОТА ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТИ

В Институте мировой литературы имени А. М. Горького состоялось заседание комиссии по литературной критике. С докладом «Литературная критика: четкость критериев, высота требовательности» выступил председатель совета по критике и литературоведению СП СССР В. Озеров. Он отметил, что сегодня перед работниками критического цеха стоят чрезвычайно важные задачи. Однако следует честно признать, что критика пока не играет у нас той активной социальной роли, какую должна играть в столь ответственный для советского общества момент.

И тем не менее итоги общественного развития страны, безусловно, ощутимы и в литературно-критической работе. После апрельского Пленума ЦК критика активизировалась. Самое лучшее из созданного советскими писателями в последнее время замечено и поддержано: повесть В. Распутина «Пожар», романы В. Астафьева «Печальный детектив», Ю. Мушкетика «Рубеж», пьесы А. Мишарина «Серебряная свадьба», М. Шатрова «Диктатура совести», поэмы Е. Исаева «Двадцать пятый час», «Убил охотник журавля», Е. Евтушенко «Фуку!». Но в то же время мимо некоторых сложных, негативных явлений, например, в воспитании молодежи, критика робко проходила. На периферии критического внимания оказывались и литературные генерации, не сразу пригляделась критика к «сорокалетним», все еще остается вне пристального критического внимания творчество молодых, вступающих ныне в литературу поколений.

В нынешних условиях критика обязана глубже осуществлять связь теоретической мысли и художественной практики. Сделать дискуссии нормой литературной жизни и вместе с тем на фундаменте фактических накоплений, выдвинутых концепций, дискуссионных прогнозов подниматься к принципиальным обобщениям. Это относится в первую очередь к проблеме социалистического реализма. Наука здесь пока еще отстает от практики. Требуют осмысления и ряд других теоретических проблем, имеющих непосредственный выход в практику: проблема положительного героя, художественного конфликта, принципов партийности, народности, классового подхода к явлениям жизни и литературы, взаимодействия литератур в созидании социалистической, коммунистической культуры. В условиях психологической войны, развязанной империализмом против СССР и других социалистических стран, критика обязана принимать действенное участие в идеологической борьбе.

Доклад Л. Новиченко был посвящен теме «Классика и мы». В нашей стране, подчеркнул докладчик, сокровища классического литературного наследия стали достоянием народа, всех его социальных слоев и групп. Думается, что искренняя всенародная любовь к сокровищам отечественной и мировой литературы в значительной мере создает иммунитет против тлетворных «масскультовских» и прочих веяний буржуазно-массовой культуры. Но вместе с тем мы наблюдаем и равнодушие значительной части молодежи к тому, что мы называем классическими ценностями, эстетическую и нравственную глухоту. Благородные начала классики подчас забиваются воздействием всяческих образцов «массовой культуры», импортной и — досадно, но факт — нашенской, благополучно идущей в рост на окраинах художественной жизни общества. Все это делает особо настоятельной одну из важнейших социокультурных задач нашего времени — беречь, пропагандировать, с точных методологических позиций осмыслять неоценимые богатства нашей отечественной и советской классики, укреплять уважение к памятникам истории и культуры народа, обеспечивать их сохранность и действенное функционирование.

Заметных успехов добилась в последние годы наша историко-литературная наука. Методологический арсенал историка, критика неизбежно уточняется, обогащается в ходе конкретных исследований — важно при этом, чтобы процесс совершенствования марксистско-ленинской методологии не сопровождался нарушениями основных ее принципов, влекущими за собой отступления от исторической правды, теоретическую путаницу и эклектику, неверную трактовку исторических лиц и событий прошлого. Одна из основных задач всей нашей литературно-критической деятельности — исправление сложившегося положения дел с преподаванием литературы в школе.

Все мы, литераторы, должны сегодня ясно сознавать, что без нашего личного вклада в духовную жизнь народа коммунизм не будет построен — так начал свой доклад «Литературная критика и литературная печать» Л. Лавлинский. Коммунистическая партия нашей страны задала обществу такой гражданский наступательный тон, показала такую меру ответственности и правдивости в борьбе с социальным злом, что многим литераторам впору задуматься о своем профессиональном соответствии задачам эпохи. Но необходимо на конъюнктурное «приспособленчество ко смелости» (Евтушенко), а истинная гражданская смелость, помноженная на высокий профессионализм и уважение к работе любого честного таланта. Между тем все большей редкостью в нашей периодике становится центральный для подлинной литературной критики жанр проблемной статьи, многие выступления отличаются благодушием и обтекаемостью суждений. В то же время критические работы настоящих мастеров своего дела — И. Дедкова, В. Огнева, Вл. Гусева, Л. Аннинского, Е. Сидорова — подчас не могут пробиться на страницы периодических изданий. В деле оздоровления нашего литературного климата нужны общие и координированные усилия редакционных коллективов. Многие «толстые» журналы вообще не организуют на своих страницах принципиальных, общезначимых и интересных критических дискуссий. Сравнительно нечастые полемические выступления грешат либо методологическими недостатками, либо менторским тоном, личными пристрастиями, чрезмерной язвительностью и неоправданным апломбом. Нельзя мириться также с тем, что на страницах нашей периодики почти не рецензируются произведения зарубежной литературы, в том числе и литератур братских социалистических стран. Давно пора открыть широкий доступ читательским мнениям на страницы наших журналов.

В полном соответствии с общим духом работы комиссии и основной тональностью докладов все выступления в прениях были сосредоточены на «узких местах» сегодняшней критической практики.

Несмотря на общее повышение методологического уровня критики, в наших критических работах (а также учебниках и учебных пособиях) двери перед эстетикой, говоря словами Г. Плеханова, еще довольно плотно закрыты, отметил открывавший прения В. Дементьев (Москва). Критерий художественности мало используется в текущей критике, а ведь он позволяет понять и осмыслить эстетический идеал писателя, что поднимает всю работу критика на новый теоретический и общественно значимый уровень. О недостаточной теоретической оснащенности как причине многих бед нынешней критики говорили и другие ораторы. В частности, критика повинна в том засилье комплиментарности и восторженного многописания, которое мы все констатируем сегодня, считает В. Лукьянин (Свердловск). Критикам порой не хватает аналитических средств, чтобы доказательно отличить парадность или вялое бытописательство от социального оптимизма и устремленности к правде. Исчезает умение рассматривать произведение в общесоюзном и мировом контексте (что дало бы представление о его подлинной значимости), исчезает потому, что зачастую нет знания этого самого контекста, — такая мысль прозвучала в выступлении Я. Рокпелниса (Латвия). Отсутствие у критика теоретической базы и возникающая отсюда мечтательная неточность мышления, как выразился А. Григорян (Армения) приводят к подмене критического анализа вялым беллетристическим повествованием, пересказом содержания. А это, в свою очередь, порождает жанровое однообразие критики и такую нивелировку личностного стиля, что порой и не догадаешься, перу какого критика принадлежит та или иная статья.

Вот тут-то существует некоторое противоречие выявленное другими выступавшими. Всецело приветствуя обращение критиков к общеметодологическим вопросам освоению мирового литературоведческого опыта, отметил Й. Авинкутис (Литва), нельзя не предостеречь в то же время от излишнего наукообразия и чрезмерной специализации в критике, в результате которого образуются разрывы между критиками даже в пределах самой литературы (пишущие о прозе, поэзии, драматургии, документалистике), а между литературными критиками и критиками театра, кино, музыки возникает просто-напросто пропасть. Растет число высококвалифицированных филологов, искусных эссеистов, но мало дальновидных аналитиков духовного состояния общества. Да, критик должен быть в полной мере оснащен научным мировоззрением, говорил К. Кырг (Эстония), но порой в стремлении к научности критик забывает о том, что общественная роль любого литератора в чем-то сродни роли учителя, что читатель ждет простого, ясного, от сердца идущего разговора о литературе, о прочитанных книгах о жизни. А чтобы такой разговор читателю был интересен, критик должен быть не только личностью со своим взглядом на ход литературного процесса и на эпоху вообще, он должен быть художником, говорил Эльчин (Азербайджан). Одна из бед нашей критики в том, что зачастую у автора статьи или рецензии не только нет своего взгляда на произведение, но он и не понимает образного языка данного писателя. В то же время личностная критика менее всего подвержена вирусам комплиментарности или жесткой, постной нормативности.

Слушая докладчиков и ораторов, выступавших в прениях, в который раз уже казалось, что отныне с этой самой комплиментарностью будет покончено и критические рецензии будут составлять не одну сотую, как ныне, а хотя бы одну десятую от числа положительных. Но, своевременно предостерег всех нас академик Д. Лихачев (Ленинград): шараханье в сторону отрицательных рецензий ничуть не лучше всякого иного шараханья. Ведь рецензии и обзоры делятся не на положительные или отрицательные, а на глубокие и поверхностные. Правда, добавил он, при том недостатке места, которое отводится критике в наших газетах и журналах, действительно приходится либо ругать, либо хвалить — для обстоятельных, аналитических выступлений нужно больше места.

О редакционной политике печатных органов говорили многие. Критика зависит, конечно, от самой литературы, но еще зависит она и от литературной политики газет, журналов, издательств, заявил И. Дедков (Кострома). В свою очередь, эта политика зависит от литературных и иных инстанций, которые ее направляют и определяют, иногда вплоть до отношения к какой-то конкретной книге. Начинать надо с этого конца. Возникающее в результате снижение идейно-художественных критериев подрывает авторитет критики и создает атмосферу вседозволенности в литературе. Часто ли мы, критики задаемся вопросом: добыт ли в художественном произведении высший смысл, восторжествовал ли художественный разум над обыденным сознанием, над скопищем житейских фактов, над упоенным эгоцентризмом и нарциссизмом, над однодневными истинами? Большая общая идея, касающаяся современного состояния человека, общества, литературы, их объективного исторического смысла, должна быть, вероятно, внутренним огнем критики, воодушевляющей силой.

Сегодня многое делается для развития литературной критики, отметил Р. Мимиошвили (Грузия). Не хватает только одного: гражданской ответственности наших редакторов. А ведь критик, подчеркнул Вл. Гусев (Москва), зависит от печати плотнее, чем прозаик или поэт, чаще связан с заказом. Критика должна служить не довольству редактора, а прогрессу литературы и нравов. В нашей издательской и журнально-газетной политике, констатировал В. Сидоров (Москва), часто нарушаются принципы справедливой состязательности талантов и открывается дорога писателям посредственного уровня. Нам надо научиться различать и называть своим именем вульгарный оптимизм, который, по существу, отрицает любые противоречия в жизни человека и общества. Принято считать, что литература отражает правду жизни, заявил П. Николаев (Москва). Но литература отражает и должна отражать не только правду жизни, она должна отражать и ее ложь. Литература должна преображать жизнь и ориентировать писателей на преображение жизни. В частности, ныне перед всеми гуманитариями, перед подлинными литературными критиками в том числе, встает необходимость созидания компьютерной этики и эстетики — чтобы избежать тех негативных последствий, к которым привело вторжение компьютера в повседневную жизнь на Западе.

Наша насущная задача, подчеркнул в своем выступлении М. Каратаев (Казахстан), четко разобраться в том, что такое подлинная критика и кто такие критики, какова их социальная роль и общественный статус. О том, к чему приводят подчинение литературы и критики ведомственности, конъюнктурным интересам, забвение главного критерия — критерия правды, рассказали в своих выступлениях делегаты из Узбекистана и Киргизии Л. Каюмов и К. Акматов.

Немало внимания уделили ораторы деятельности самого Союза писателей. Партия взяла курс на решительную перестройку хозяйственной и духовной сферы, высвободив творческие, созидательные силы народа, но многие звенья нашего писательского творческого механизма все еще продолжают работать по-старому, подчеркнул Е. Сидоров. От утвердившегося в последнее время в работе союза бюрократизма нам надо переходить к социалистическому демократизму, позволяющему раскрыть все творческие возможности личности, почувствовать себя хозяином того дела, за которое ты отвечаешь, заявил Ю. Андреев (Ленинград). Многие наши коллеги, говорил Вл. Гусев, с завидной смелостью судят о чем угодно, но только не о литературных порядках. Нашей самокритике все еще недостает конкретности, отмечал и Эльчин. В. Новиков (Москва) заявил: критика должна быть принципиальной, требовательной — и в то же время доброжелательной, особенно если речь идет о крупном таланте. Нам надо, наверное, заново учиться доверию к способности подлинного художника по-своему интерпретировать действительность и самому решать, за какую тему браться, какие герои должны быть у него в фокусе повествования. Об этом, в частности, говорил и А. Эльяшевич (Ленинград).

Вновь и вновь почти в каждом выступлении ставился в том или ином ракурсе вопрос о недостаточной связи критики с жизнью. Если критика будет повернута лицом к жизни, отметил В. Ковзаленко (Белоруссия), она не будет заниматься только лишь констатацией достигнутого писателями в деле создания положительного героя, но сама сможет намечать пути и перспективы в этой важнейшей сфере творчества. Об усилении связи критики с жизнью шла речь и при обсуждении вопросов эстетического просвещения читателя. К сожалению, сегодня в круге чтения большого числа людей, особенно молодежи, подчеркнул в своем выступлении министр культуры РСФСР Ю. Мелентьев, существует досадный перекос в сторону, как он выразился, «времеубивающего чтива» как зарубежных так и, увы, наших авторов. Долг критики в этих условиях — вести неустанную пропаганду подлинных культурных ценностей. Но для того, чтобы направлять читательские вкусы, надо в первую очередь эти вкусы знать, резонно добавил М. Козьмин (Москва). Между тем о нашем читателе, его симпатиях и антипатиях мы знаем еще очень мало. Этой проблемой надо заниматься всерьез, необходим единый центр изучения читателя, необходим социально-функциональный подход к современной литературе. Выступивший на заседании главный редактор Главной редакции художественной литературы Госкомиздата СССР Г. Гоц выделил и другой аспект этой же проблемы: упреки в адрес издательской политики, которая, по мнению критиков, подчас способствует вытеснению серьезной литературы в пользу невзыскательной массовой беллетристики. Но, сказал оратор, в условиях все возрастающих масштабов советского книгоиздания, все актуальнее становится необходимость научного подхода в определении стратегических направлений выпуска художественной литературы, а также объединения усилий научных центров и наших издательств при решении возникающих сложных проблем.

Много внимания уделяли ораторы необходимости дальнейшей разработки теории социалистического реализма. Литература и искусство предоставляют нам сегодня широчайший спектр художественных стилей и форм, говорил А. Эльяшевич, но в своей трактовке многих аспектов теории социалистического реализма мы продолжаем придерживаться вчерашних суждений, потому что новых разработок просто нет. Специально этой проблеме посвятил свое выступление Ю. Суровцев (Москва). Наши работы страдают двумя крайностями, считает он: если ведется анализ конкретных произведений, то о теоретических обобщениях речь не ведется, в теоретических же трудах, по существу, не осмысляется конкретный опыт последней четверти века — причем не только наш, но и зарубежный. А между тем и за рубежом есть много крупнейших писателей, которые не декларируя принципов социалистического искусства, на деле во многом следуют им. Ведь социалистическое искусство представляет собой освоение мира — со всеми вытекающими из этой формулы целями и возможностями.

В тесной связи с разработкой проблем социалистического реализма, отметил директор Института мировой литературы Г. Бердников (Москва), находится вопрос о мировом значении советской литературы, как и о роли других социалистических литератур в современном мире. А это, в свою очередь, требует более четкого разграничения действительных ценностей и явлений преходящих или мнимых и в текущей литературе, и в наследии прошлого.

Да, много острейших и серьезнейших проблем литературно-критической жизни было затронуто ораторами. Отметим полемически страстное выступление Ал. Михайлова (Москва), упрекавшего критику в том, что она не проявляет глубокого профессионального интереса к процессам происходящим в творчестве молодых. Молодых литераторов не надо подталкивать и не надо наставлять — с ними надо общаться, искать взаимопонимания, помогать им по мере возможности. Обратной стороной все того же равнодушия к делам литературной смены добавил Х. Корбу (Молдавия), является безудержное славословие в адрес начинающих литераторов, сбивающее их с толку. О недостаточном вниманием критики к проблемам переводной литературы, занимающей одно из значительнейших мест в современном литературном процессе, но осмысляемой, по существу, только самими переводчиками, говорил Л. Мкртчян (Армения).

Итоги работы комиссии подвел В. Озеров.

Виталий ОЗЕРОВ

Атмосферу работы комиссии определила атмосфера XXVII съезда КПСС, вдохновившая советских людей на задачи воистину исторического значения. Выступавшие были единодушны: все и каждый из литераторов горячо поддерживают перестройку, которая осуществляется в стране, будут энергично трудиться во имя ее.

На партийном съезде очень серьезно стоял вопрос о литературно-художественной критике. В ее адрес были высказаны высокие требования; ее задачи органически связываются с таким естественным принципом жизнедеятельности советского общества, как критика и самокритика.

Работниками нашего литературного цеха движет понимание, чего ждет от них переломное, динамичное время, стремление полностью преодолеть имеющиеся недостатки, а самое главное — сплавить воедино дух самокритичности с энергией практических дел.

С этих позиций наша комиссия стремилась оглядеть литературно-критическое хозяйство.

Следуя указаниям основополагающих партийных документов, постановлению ЦК КПСС от 1972 года «О литературно-художественной критике», критики пришли к VIII съезду писателей СССР не с пустыми руками. Создан ряд ярких, талантливых работ. Растет творческий потенциал литературной науки. Ведется борьба с чуждой идеологией, эстетикой.

Однако комиссия исходила из того, что нет оснований удовлетворяться достигнутым. Лейтмотивом большинства выступлений была мысль: критика пока не играет той активной роли, какую должна играть в нынешний общественный момент. И. Дедков (Кострома), И. Ланкутис (Литва), В. Лукьянин (Свердловск) откровенно заявили: на острые социальные проблемы, имеющиеся в действительности и поставленные писателями, критика все же порой лишь робко откликается, а ее обязанность — выносить их на общественный суд. Часто ли встречали вы печатные протесты против конкретных проявлений парадного многописания и мелкого бытокопательства? Против художественной немощи, ремесленничества, прикрываемых фразами о тематической злободневности? А раздумья о жизни и литературе, образцы которых дали нам Белинский, Чернышевский, Добролюбов?

Комиссия исходила из того, что критике предстоит действовать гораздо энергичнее, заботясь об идейно-художественном качестве литературы, ставить надежный заслон безыдейности, серости, бракодельству. Критика слабо и без должной глубины раскрывает ход литературного процесса, его примечательные тенденции. Комиссия исходила из того, что за эти и другие литературные беды отвечают СП СССР, местные писательские организации, совет по критике и его руководство. Нелицеприятно высказали существенные претензии к «большому союзу» Е. Сидоров и Ал. Михайлов (Москва), Эльчин (Азербайджан). Ораторы напоминали: призывы покончить с комплиментарностью, восхвалением так называемых «некритикабельных» писателей многократно звучали в Союзе писателей. Подтверждали определения верные, но весьма деликатные. Это совершенно очевидно ныне, когда партийный съезд назвал все своими именами: благодушие — благодушием, чинопочитание — чинопочитанием, амбициозность — амбициозностью.

Наибольший счет за недостатки критики предъявляли самим себе, и это правильно. Но правильно и другое: критика не устное творчество. Ее ведет прежде всего печать, заказывая выступления, редактируя их. Л. Лавлинский убедительно показал, что писательская пресса неудовлетворительно ведет эту работу. Рецензируется лишь 10—12 процентов книжных новинок. Печатаются почти исключительно одобрительные отзывы о произведениях, словно все созданное писателями сплошь шедевры.

Впрочем, учтем и другое. Рядом с безудержными похвалами появляются и лихие разносы. Академик Д. Лихачев (Ленинград), Вл. Гусев (Москва) предупреждали: не шарахаться от восторга к разносам, от одной крайности к другой. Эти шараханья беспринципность, сообщил К. Акматов (Киргизия), привели к очень тяжелому положению критики в республике.

Общее мнение критика не может быть сферой обслуживания авторских самолюбий и амбиций. Но их не должна допускать и писательская среда. А бывает! Критические статьи зачастую обжалуются «обиженными», Союз писателей, другие инстанции склонны становиться на сторону жалобщиков. Не так уж редки попытки одернуть критику. Появилась, например, резкая критика романа известного писателя. Дискуссия с ней, разумеется, не запретна. Но она была бы куда достойнее, если бы журнал «Цискари» не назвал ответную статью весьма угрожающе: «Пресечь литературный терроризм». Товарищ Г. Цицишвили проявил объективность, осудив такой поступок редакции.

О моральном, правовом, да и материальном положении критика на заседании говорилось немало, и это резонно. Союз должен поднять престиж критики, не допускать, чтобы на нее валили все литературные беды.

И опять-таки мы не считали возможным плакаться. Благодарны за критику нашего жанра на других комиссиях. Внимание делегатов было сосредоточено на том, как перестроить свою работу ради поддержки литературы на главном направлении ее развития — отображении полной правды жизни с обличением негативных явлений, поддержкой осуществляемых партией перемен.

Было бы несправедливо умалчивать о том, что сделано. Критика поддержала ряд многообещающих явлений в искусстве, вела обсуждение «деревенской» и «военной» прозы, политического и исторического романа, прекрасной нашей публицистики, произведений о сложных нравственных проблемах, о творческой интеллигенции, о защите природы.

Но мы не считали возможным умалчивать и о том, чего не сделали. Перестройку только-только начинаем. Критики далеко не все заметили в жизни и литературе. Давным-давно, например, отшумели споры о кинофильме «Чучело», посвященном трудностям воспитания юношества, а мы даже не откликнулись на опубликованную гораздо раньше одноименную повесть В. Железникова. Медлительность или робость?

После апрельского Пленума ЦК критика стала несколько оперативнее и смелее. Увидели свет художественные произведения, проникнутые ощущением происходящих в реальной действительности перемен, непримиримостью к недостаткам, верой в замыслы партии. Пусть еще не так много, как хотелось бы, но чаще публикуются литературно-критические статьи, построенные в этом же ключе. В числе наиболее удачных можно было бы, если бы не регламент, назвать не так уж мало статей и рецензий, к примеру, о повести В. Распутина «Пожар», о пьесах А. Мишарина «Серебряная свадьба», М. Шатрова «Диктатура совести», других произведениях прозы, драматургии, поэзии.

На комиссии шел большой разговор об обязанности марксистско-ленинской критики следовать четким эстетическим и классовым критериям.

В. Новиков, Г. Бердников, П. Николаев (Москва) говорили о том, что в литературно-критических выступлениях, случалось, проявлялся антиисторический, антиклассовый подход к явлениям прошлого и настоящего, принижалось наследие великих революционных демократов. Как абсолютно ошибочное охарактеризовал Л. Новиченко утверждение историка Аполлона Кузьмина, будто В. И. Ленин выдвинул в 1913 году учение о двух культурах в каждой национальной культуре только из соображений «тактической выгоды», а после Октября якобы и вовсе отказался от него.

Не примиряясь с мировоззренческими ошибками, с размытостью и асоциальностью критериев в некоторых статьях и книгах, участники комиссии с глубочайшим уважением называли имеющиеся у нас образцы марксистско-ленинской литературной мысли. В нашем активе — замечательные труды недавно ушедшего от нас академика М. Храпченко. Мы рады были видеть пришедшего на заседание академика Д. Лихачева. Он по-научному и с публицистической страстью укрепляет в людях социальную и моральную ответственность перед историей и за историю, воспитывает любовь к отечественной культуре, ее памятникам, вдохновляет на изучение русской литературы, ее кровной связи с нашими поэтическими истоками, фольклором. Аналогичные вопросы затронули министр культуры РСФСР Ю. Мелентьев, ответственный сотрудник Госкомиздата СССР Г. Гоц.

Посланцы национальных республик рассказывали о своеобразии их опыта, о процессе взаимодействия и сближения культур. О борьбе с весьма негативными явлениями. О борьбе с попытками представить в идиллических тонах реакционно-националистические и религиозные пережитки, о происках буржуазной пропаганды — этой теме посвятил значительную часть своей речи Л. Каюмов (Узбекистан).

Все озабочены вопросом о том, как по-современному, что не всегда удается, раскрывать показательное для Советской страны идейно-эстетическое — при всем его многообразии — единство нашей культуры. Оно — уникальное явление в мировой литературе и приобретает особый смысл на почве социалистического многонационального общения.

В речах Ю. Суровцева (Москва), А. Эльяшевича (Ленинград) заняли большое место проблемы социалистического реализма, героя нашего времени. Вопрос о положительном герое на комиссии связывали с осмыслением конфликтных ситуаций в искусстве, что чрезвычайно актуально сегодня. Весомых итогов, приходится констатировать, в критике еще нет, однако понимание важности проблемы возросло. Некоторые авторы работают не только над изучением отдельных ее аспектов, а в особенности над изучением того, как художники понимают природу современных конфликтов, показывают накал борьбы за намеченные партией цели, поиски путей решения конфликта. Критический пафос социалистического реализма — острый, боевой, но он является антиподом негативизма, мелкотемья, бесхребетности. Художнику-реалисту — выявить, показать социальные силы, идейные и нравственные принципы, движущие у нас конфликтными коллизиями, передать народную веру в победу линии партии. Нашей литературе — ярко изображать и воспитывать людей, которые на XXVII съезде КПСС были названы честными, сильными духом, способными взять на себя ношу своего времени.

Комиссия не ограничилась призывами к перестройке литературно-критической работы. Были высказаны конкретные способы ее осуществления. И касающиеся индивидуальной работы критиков. И предусматривающие существенные перемены в нашей коллективной деятельности, преодоление бюрократических нравов в литературной среде, в ее руководстве.

К примеру, подробно обсудили, как оживить, по-настоящему наладить литературные дискуссии — они еще далеко не на высоте. Это касается не только печати. Решили: чтобы лучше воздействовать на художественное развитие, подводить вместе с научными учреждениями итоги каждого литературного года с публикацией материалов дискуссии.

Нужно растить литературно-критические кадры. Секретариатом принято внесенное советом предложение о подготовке молодых критиков на базе Литературного института имени А. М. Горького, о создании в нем кафедры литературно-художественной критики, об усилении в институте научной работы. Более тесное взаимодействие практики и науки, в том числе художественной практики и науки, соответствует указаниям XXVII съезда КПСС.

Подводя итоги заседания комиссии, можно с полным правом заявить: работники литературно-критического фронта чувствуют себя творчески мобилизованными на выполнение воодушевляющих планов Коммунистической партии. А это общее дело всех нас — и писателей, и критиков!

● Дэмбийн ЦЭДЭВ (МНР), Василь БЫКОВ и Альфонсас МАЛДОНИС

ДРАМАТУРГИЯ: СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

«Попыткой сказать о наших общих радостях, тревогах, обретениях и потерях, одним словом, об опыте, тенденциях тех пяти лет, что прошли между двумя писательскими съездами, назвал свои доклад, прочитанный им на заседании комиссии по драматургии, секретарь правления СП СССР Г. Боровик.

Новые требования жизни не могут не отразиться в художественном творчестве. О том, каким видится и каким должен быть завтрашний день драматургии для театра, кино и телевидения, размышляли все, кто принял участие в развернувшемся после доклада обсуждении.

Разумеется, это был профессиональный разговор писателей, связавших свою судьбу с советской драматургией. Однако очень часто, гораздо чаще, чем прежде, — и в этом особенность времени — разговор выходил за рамки узкопрофессиональных проблем. Прежде всего шла речь о событиях, происходящих в стране. «Я с огромным волнением воспринял задачу, поставленную ЦК партии, — сделать процесс дальнейшей демократизации, процесс, начатый апрельским Пленумом и продолженный XXVII съездом, необратимым, — сказал, например, в своем выступлении М. Шатров. — Определенный период времени, который мы все пережили, называется периодом застоя. Мне кажется, антиэпиграфом к этому времени могли бы послужить слова В. И. Ленина о том, что «страшны иллюзии и самообманы, губительна боязнь истины». За минувшие годы сделано многое и культурой, и театром. Если хотите знать, литература и искусство вместе с партией, вместе с самыми лучшими силами партии готовили апрельский Пленум ЦК КПСС, XXVII съезд партии. Но вместе с тем мы не можем не признать, что литература и искусство слишком часто закрывали глаза на гигантские социальные проблемы, которыми болело общество». Как приступить к решению этих проблем? «Давайте проведем сегодня в десятках выступлений, которые тут будут, урок правды, чтобы осознать свою роль в развернувшемся сражении, в том, что можно сделать, но что еще не сделано, что лежит на наших плечах!» — предложил М. Шатров.

И этот урок правды безусловно состоялся. Во многих выступлениях была поднята тема ответственности и, как антитеза ей, безответственности, притворяющейся ответственностью, — так назвал это явление, в частности, молодой белорусский драматург А. Дударев. Безответственность заключается в том, что мы часто боимся бездарность прямо назвать бездарностью, особенно если она, как щитом, прикрывается важной темой. Безответственность — и в том, что многие проблемы порой не решаются годами, даже десятилетиями, не случайно, например, А. Салынский назвал их «проблемами-долгожительницами», пережившими многих замечательных драматургов. Безответственность — в том, что по-прежнему слишком много сил тратится впустую на борьбу с чьей-то перестраховкой, осторожностью, бессмысленными запретами. «Как в экономике нужны экономические методы управления, так в идеологии необходимы прежде всего идейные методы управления — идейные, а не административные, — подчеркнул в связи с этим А. Гельман. — Иногда же идейное руководство у нас путают с простым правом разрешать или запрещать».

Много внимания было уделено на заседании проблеме смены поколений. В последние годы заметно оживилась деятельность советов по драматургии в работе с молодежью на Украине, в Белоруссии, Грузии, Казахстане, Узбекистане, Российской Федерации, отметил в своем подробном докладе, посвященном творческой молодежи, Н. Мирошниченко. Вот почему имена молодых драматургов именно этих республик так часто появляются на страницах наших периодических изданий, на театральных афишах, их пьесы успешно ставятся и за рубежом. Можно было бы назвать свыше 50 имен молодых, чей первый опыт, первые шаги внушают доверие, надежду, приоткрывают перспективу творческого роста. Очень тепло говорил о молодых своих коллегах и А. Салынский. Действительно, подрастает интересная смена, и действительно для молодежи у нас многое делается. Но вот в выступлении А. Казанцева прозвучала и тревожная нота по поводу того, что о насущных проблемах драматургии, в том числе и молодой, размышляют представители старшего, среднего поколений, а самих молодых драматургов в зале почти не видно.

Проблема работы с молодежью имеет и более общий аспект — как завоевать доверие молодого зрителя? Этому посвятил свое выступление главный режиссер Центрального Детского театра А. Бородин. Он, в частности, обратил внимание на существование определенной стены между взрослыми и подростками, которая возникает всякий раз, когда взрослые проводят каков-то заорганизованное «мероприятие», а подростки живут при этом своей жизнью. «Как часто мы бываем фальшивы, высокомерны по отношению к поре отрочества! — сказал А. Бородин. — А ведь именно мы призваны воспитывать в юном зрителе чувство гордости за свою страну, за свой народ, и детские театры непременно должны выполнить эту задачу».

Тревогой и заботой о поколении, которое сейчас вступает в жизнь, была проникнута речь А. Караганова, посвященная, казалось бы, чисто профессиональным проблемам кинодраматургии. Выступавший призвал драматургов активнее сотрудничать с телевидением и кино: ведь в потребляемой ныне культуре они занимают ведущие позиции.

Проблеме взаимоотношения драматургов и театров различных республик остро прозвучала в выступлениях М. Зарудного и А. Коломийца (Украина), Х. Абдусаматова (Узбекистан), А. Софронова, Г. Хухашвили (Грузия), Т. Абдумомунова (Киргизия). В последнее время в репертуарах театров появляется все меньше и меньше переводных пьес республиканских драматургов. Необходимо найти новые действенные формы пропаганды и распространения лучших произведений многонациональной советской драматургии, шире публиковать пьесы авторов из братских республик. В этой связи альманах «Современная драматургия», видимо, целесообразно преобразовать в журнал, выходящий хотя бы раз в два месяца.

Следует навести больший порядок и в вопросе издания драматических произведений. Как произведение литературы пьеса должна доходить не только до театрального зрителя, но и до читателя, хотя бы в виде брошюры, говорили Ц. Солодарь, А. Лауринчюкас (Литва) и А. Софронов, заметивший, в частности, что для того, чтобы упорядочить издание пьес, необходимы объединенные усилия Министерства культуры СССР, Госкомиздата и Союза писателей.

Значительное место в своих выступлениях Мустай Карим и А. Дударев уделили вопросу о театральной критике, задача которой — оберегать искусство от серости, поддерживать все подлинно талантливое. Сейчас часто можно услышать, что критика последних лет комплиментарна. И это действительно так. Происходит это во многом еще и потому, что писатели разучились относиться к ней с пониманием и воспринимают любое замечание в свой адрес как хулу. Но необоснованная похвала не может помочь настоящему художнику слова, она только вредит — и ему, и искусству в целом.

В выступлениях было проанализировано понятие «актуальная пьеса». Не слишком ли часто этим понятием прикрываются однодневки сомнительного художественного достоинства? (А. Агабаев, Туркмения). Очень часто в этих пьесах все сводится лишь к примитивным производственным конфликтам. При этом забывается, что задача художника — не иллюстрировать то или иное постановление, в глубоко раскрывать общественные явления, человеческие характеры (М. Зарудный). Социальная значимость этих пьес все еще преувеличивается, а социальная «смелость» «растет» от служебного ранга разоблачаемого персонажа (М. Залите, Латвия).

Театр всегда заставлял людей думать. Сейчас он стал злее. Но театр — это еще и особый, таинственный, очаровывающий мир, напомнил Мустай Карим. Не утрачиваем ли мы в последнее время именно этот театр, призванный возвышать души людей, сближать их в едином переживании?

В выступлениях М. Рощина, В. Арро, А. Гельмана, А. Агабаева много говорилось о неотложной необходимости решать сложные организационные вопросы, стоящие перед писательской организацией страны. Этого требуют процесс дальнейшей демократизации нашего общества, сама жизнь. В работе Союза писателей в последнее десятилетие недоставало гласности, сильна была показуха и парадность. Мало уделялось внимания вопросам творчества, а ведь именно эти вопросы должны занимать центральное место в деятельности любого творческого союза.

Но все эти проблемы, выразил уверенность А. Аширов (Казахстан), в конце концов решатся, потому что при всей их сложности они имеют организационный характер и их может наладить разумный руководитель. Гораздо сложнее и важнее другой вопрос. Когда человек начинает ратовать за коренные изменения, очень часто он забывает о себе, забывает о том, что все коренные изменения надо начать с себя, ибо, по словам одного из писателей, всякая победа начинается с победы над собой. Мы должны сесть за письменный стол, предварительно очистив свою душу, ибо, чтобы самолет вылетел, нужна прочная и чистая взлетная полоса.

Таким образом, проблема перестройки, о необходимости которой говорили все выступавшие, имеет много аспектов — и все они одинаково важны.

Перестроиться в нашем деле, заметил В. Арро, — это значит прежде всего освободиться от стереотипов в нашем эстетическом мышлении, от примитивного, однобокого понимания задач драматургии, от предрассудков, которые мы порой не раз выдавали за истину. Этими стереотипами обросли не только мы, драматурги, не только критики и те, кто организует театральный репертуар, но, к сожалению, и наши зрители.

Положение драматурга весьма неопределенно между Союзом писателей, Министерством культуры и ВААП. Может быть, было бы целесообразным создание отдельного союза или ассоциации драматургов, сказал М. Рощин. Эта идея далеко не нова. Об этом говорили еще Н. Погодин, А. Корнейчук. Такие союзы существуют во многих странах, не только капиталистических, но и братских. Этот союз позволил бы нам, драматургам, быть самостоятельными, самим решать вопросы, иметь свое издательство. Была бы самостоятельная, серьезная организация. Не надо это расценивать как раскол в Союзе писателей. Сама жизнь заставляет людей, работающих в этом жанре, выделиться в отдельную организацию.

Естественно, на заседании подробно обсуждался эксперимент по перестройке театрального дела, начатый недавно Министерством культуры СССР. Театры должны получить право самостоятельно формировать репертуар и выпускать спектакли, за которые они будут нести полную ответственность, — эта мысль сегодня, кажется, ни у кого уже не вызывает сомнений. М. Шатров назвал эксперимент «плодом нашего коллективного размышления» и первой попыткой выйти из периода застоя. Однако перестройка — дело очень не простое, и на заседании не раз высказывались опасения, сможет ли эксперимент решить все больные проблемы театрального дела. М. Зарудный, например, заметил, что «в тени эксперимента остаются сотни периферийных театров с их извечными трудностями». «Периферийные театры, чтобы выжить, зачастую должны сыграть в год до 450 спектаклей, — поддержал его А. Коломиец. — И, конечно же, им тоже необходима реальная, действенная помощь!»

Выступивший на заседании первый заместитель министра культуры СССР Е. Зайцев ответил на целый ряд вопросов, заданных по поводу реформы театрального дела. Он подтвердил, что эксперимент ни в коем случае нельзя ограничить шестьюдесятью или каким-то иным количеством театров, а семов главное — что эксперимент в этих театрах не должен проходить по шаблону. В выступлении Е. Зайцева были затронуты и проблемы совершенствования материальной базы учреждений культуры, и изменение существующей практики госзаказов, и учреждение специальных поездов за лучшую пьесу сезона. Многое сегодня делается для того, чтобы всякое интересное, смелое, талантливое, гражданственное произведение драматургии быстро нашло бы свой путь на сцену, к зрителю. Однако немало проблем, стоящих перед драматургами и театрами, еще нуждается в дальнейшем обсуждении общественности.

Генрих БОРОВИК

Наше время самокритично. Но, думаю, мы можем позволить себе сказать, что драматургия одна из первых — я имею в виду роды литературы — отозвалась на требования партии о психологической перестройке общества.

Пьесы и спектакли «Диктатура совести» М. Шатрова в Театре имени Ленинского комсомола, «Серебряная свадьба» А. Мишарина во МХАТе, «Иван» А. Кудрявцева и «Из новостей этого дня...» Г. Маркова и Э. Шима в Малом театре, «Говорит...» А. Буравского в Театре имени М. Н. Ермоловой, «Статья» Р. Солнцева в ЦАТСА, «Последний посетитель» В. Дозорцева в ленинградском БДТ и трилогия по прозе Ф. Абрамова в ленинградском Малом драматическом театре, «Концерт для двух скрипок в сопровождении восточных инструментов» А. Чиндадзе и Р. Стуруа в Театре имени Руставели, «Я, конечно, человек маленький» М. Гареевой в Киевском театре имени Леси Украинки, дилогия А. Абдуллина в Тюменском драматическом театре, «Крик журавля» А. Жука и А. Дударева в Белорусском театре имени Янки Купалы, некоторые другие работы стали заметным явлением не театральной только, но и общественной жизни.

Думаю, что появление этих пьес и спектаклей — даже при некоторых их художественных несовершенствах — свидетельствует о том, что сердце театра биться не перестало.

Можно и нужно отметить другое обстоятельство: эти пьесы не случайный всплеск гражданственности наших драматургов. Они были подготовлены и «Человеком со стороны» И. Дворецкого, и «Марией» А. Салынского, и «Гнездом глухаря» В. Розова, и «Протоколом одного заседания» А. Гельмана, и «Равняется четырем Франциям» А. Мишарина, «Так победим!» М. Шатрова, «Тринадцатым председателем» А. Абдуллина, «Чинарским манифестом» А. Чиндадзе и многими другими пьесами.

Драматургия и театр давно пробивались к тому уровню правды, который нужен народу, а это значит — к полной правде. Однако, отмечая успех и общественное признание новых пьес, мы считаем, что это лишь начало огромной творческой работы, которая предстоит драматургам.

Комиссия отдает себе отчет в том, что сегодня нужен нам взрыв в драматургии, прорыв вперед — смелый прорыв, неожиданный, может быть, такой, каким был во время войны «Фронт» А. Корнейчука. Обстановка, нам кажется, требует этого.

Наивно думать, что в разработке нового драматургического конфликта мы молниеносно преуспеем. Но ведь кому-то надо ходить в разведку! Освоение современной темы, в частности темы человека и труда, немыслимо без работ подготовительных, пробных, призванных послужить фундаментом больших художественных открытий. Но уже и фундамент вроде наметился — кто же возведет здание? Много современных персонажей присутствует на страницах пьес и на сцене, но мало героев задерживается в памяти.

Мы много говорили о положительном герое. Не все согласны с этим термином, но ведь дело не в словах. Дело в том, что нам нужен активный, деятельный герой, не обязательно идеальный человек, но человек с идеалом, человек активного добра и активной правды, — я привожу те определения, которые звучали на заседании, в частности в выступлении А. Дударева, — иначе зло становится самоценным. Иначе права получают цинизм и равнодушие.

Наша критика справедливо высмеивает Джеймса Бонда и тенденцию «суперменства». Однако нам стоит задуматься о том, что не сомневающийся в своей сомнительной правоте супермен — весьма серьезный пропагандист американского взгляда на жизнь (это не важно, что Бонд находится на службе у английской королевы). Взгляда, который позволяет бомбить Ливию, обстреливать Бейрут, разрушать кварталы с черным населением в Филадельфии, убивать в Сантьяго — Альенде, в Вашингтоне — Летельера, в Стокгольме — Пальме. Я, естественно, не зову подражать «бондитизму». Я предлагаю задуматься. И не только задуматься, но и творить, действовать, быть динамичными, увлеченными, изобретательными!

Иногда говорят, что наша литература слишком политизирована. Но это не так. Мы печально отстаем тут от Запада.

Наше искусство никогда не занималось разжиганием ненависти к другим народам. И никогда не опустится до этого. Но мы обязаны противостоять потоку антисоветчины на сцене, в кино, литературе, театре на Западе. Мы обязаны использовать и театральную трибуну литературы, чтобы сказать людям о нашей позиции в мире.

Мы много говорим о воспитании художника-гражданина. Но гражданина надо воспитывать и в чиновнике, занимающем руководящую должность в органах культуры. Иначе происходят казусы. Как тот, о котором рассказал автор пьесы «Большевики». Когда она с успехом шла в Москве и в других городах, руководитель театрального отдела в одной из наших областей решил эту пьесу запретить и выразился на этот счет так: «Пока я занимаю этот пост, «Большевиков» в нашей области не будет!»

На заседании комиссии мы с удовлетворением узнали, что с «областной» законностью в отношении пьес будет покончено раз и навсегда. Мы уверены, что это относится и к тем совсем уж парадоксальным случаям, когда некоторых драматургов, пьесы которых идут во многих театрах Союза, не ставят именно в тех национальных республиках, где эти драматурги живут или откуда они родом.

Тревожит (и когда я произношу это слово, я вовсе не имею в виду, чтобы кто-то снял с наших плеч эту тревогу, нет, мы и сами намерены заниматься решением проблем, тревожащих нас), — так вот, нас тревожит, что в середине 80-х годов число переводов на русский язык произведений драматургии народов СССР снизилось по сравнению с 70-ми годами, а география взаимопроникновения братских культур в области драматургического творчества стала уже. Здесь прямое поле деятельности для советов по драматургии. С радостью мы узнали, что на днях было принято наконец долгожданное решение об открытии в Москве в этом году театра «Дружбы народов», в котором лучшие театральные коллективы республик смогут показывать свои лучшие спектакли. Хочу поздравить с этим всех профессионалов и любителей театра.

Драматургия для детей и юношества — важнейшая область нашей работы. Здесь есть признанные мастера, которые задают тон. Однако нас тревожит, что возле дверей театров юного зрителя мы теряем подростков, для которых театр — и это утверждают социологи — стал «непрестижным развлечением». Конечно, в Москве, например, так мало детских театров, что подросток может побывать на спектакле, к нему обращенном, лишь один раз в два с половиной года. Однако и сами драматурги, и театры убивают его естественный интерес к театральному искусству сюсюканьем со сцены, псевдогероикой, назидательностью, монотонностью драматургических и театральных форм, стилей, ритмов.

Комиссия хочет привлечь внимание съезда к драматургии как к самому сложному виду литературы, а не как к материалу для театра. Для этого мы хотели бы напомнить редакторам литературно-художественных журналов — центральных, республиканских, региональных — о том, что в их обязанности входит печатать и произведения драматургии, и критические разборы пьес. Мы предлагаем ввести в издательстве «Советский писатель» редакцию драматургии. Мы просим, чтобы альманах «Современная драматургия» выходил не четыре, а шесть раз в год. Высказывались на заседании комиссии по драматургии и организационные предложения — о более частой сменяемости секретарей союза, о гласности заседаний секретариата и т. п.

Театры сейчас живут экспериментом, который должен упростить и ускорить движение пьесы на сцену. Мы надеемся — и это в большой степени зависит от нас, — что и сам эксперимент будет талантливым, смелым, динамичным, разнообразным. Нужно открывать новые театры. Нужно поддерживать самостийно рождающиеся молодежные театры-студии. Нужно создавать группы на одну пьесу и играть спектакли каждый день. Нужно думать о стадионном, публицистическом народном театре с использованием огромного экрана, позволяющего видеть мимику актеров. Есть множество интереснейших проектов, хватило бы лишь таланта, увлеченности, смелости, раскованности, изобретательности. А то ведь и эксперимент можно зарегулировать, как в считалочке: «Да и нет не говорите, черно-бело не берите, вы поедете на бал?» И тогда «бал» просто может не состояться.

Мы обсуждали на своей секции вопросы воспитания молодого драматургического поколения. И цифры, связанные с семинарами, творческими поездками и прочими благородными акциями, впечатляют. Однако возникает и тревожный вопрос: не воспитываем ли мы настроения иждивенчества? На заседании комиссии приводился пример: Артур Миллер увидел в театре только часть написанных им пьес, Эдварда Олби уже больше десяти лет не ставят на Бродвее — боятся коммерческого провала.

Мы, разумеется, не за то, чтобы следовать такой практике, но, однако, хотелось бы скорректировать взгляды некоторых молодых писателей на общество как на неоплатного должника за то, что писатель родился, написал свою пьесу и немедленно бросил всякую другую работу. Литература, как известно, — дело суровое и во многом рискованное.

Мы с тревогой говорили о пассивности некоторых драматургов. Но скажу откровенно: нас еще больше тревожит другая сторона. Уже появились, по удачному выражению одного из наших коллег, «соловьи» перестройки, обновления, ускорения, которые, быстро заучив новые словосочетания, выщелкивают их беспрестанно и громогласно, как выщелкивали в свое время слова «экономика должна быть экономной», «пятилетка качества», «год решающий», «год завершающий» и т. п. Уже появились пьесы и сценарии с перелицованными конфликтами. Если раньше все проблемы к концу пьесы решал вышестоящий товарищ по телефону, то теперь вышестоящего товарища в конце пьесы, конечно же, ко всеобщему ликованию, снимают. А все проблемы теперь решает новый вышестоящий товарищ, назначенный вместо старого. Решает он, впрочем, по тому же телефону, потому что телефонные аппараты при этом, как известно, не меняют, а литератор-петушок ничего другого придумать не может.

Я говорю об этом не для того, чтобы вас позабавить. И не потому, что отношусь с иронией к недавним лозунгам. Вовсе нет! Я говорю об этом с большой тревогой — и она была высказана многими участниками заседания комиссии, — не заболтаем ли мы нынешнее великое дело так же, как заболтывали другие, в общем-то, тоже правильные призывы. Потому, что у нас есть большие мастера заболтывания, профессионалы показухи — показухи в восхищении, в самобичевании, даже показухи в скромности и принципиальности, даже показухи в сыновней любви. Большой отряд людей, которые умеют под шум перестройки налаживать свои дела и сводить свои личные и групповые счеты. По этому поводу хорошо сказал Мустай Карим: «Ветер, врываясь на площадь, прежде всего поднимает с земли пыль и жухлую траву».

Но знаете, к какому выводу пришли мы в нашей комиссии? К совсем простому. Его сформулировал один очень хороший драматург приблизительно так: «Мы обязательно выполним решения XXVII съезда партии, потому что у страны, у нас нет иного выхода. Вот почему». Или как было уже сказано не раз: если не мы, то кто же, если не сейчас, то когда же?

В перерыве между заседаниями

● Виктор АСТАФЬЕВ и Сергей ЗАЛЫГИН

● Размик ДАВОЯН и Владимир СОКОЛОВ

● Раиса АХМАТОВА и Ольга ФОКИНА

● Ганс Петер БЛОНЕЛЬ (ФРГ), Валентин РАСПУТИН и Сергей МИХАЛКОВ

БОЛЬШИЕ ЗАБОТЫ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ

На одной из комиссий съезда обсуждались проблемы детской и юношеской литературы. Открывая заседание комиссии, председательствовавший на нем С. Михалков, в частности, сказал:

«Мы часто вспоминаем о том, что на Первом Всесоюзном съезде писателей первое слово после доклада Алексея Максимовича Горького было посвящено детской и юношеской литературе. Это, конечно же, было свидетельством огромного внимания к тем, кто своим пером служит делу воспитания подрастающей смены... С. Маршак был выдающимся переводчиком, замечательным драматургом, бесстрашным сатириком. Но когда его спрашивали, какому виду литературы он служит, Самуил Яковлевич, не задумываясь, отвечал: «Я — детский поэт!» Он гордился этим званием. Он считал, что выше этого звания ничего в литературе быть не может.

Хорошее было дело — всесоюзные совещания по детской и юношеской литературе! Их очень давно не организуют. Но появились новые, не менее плодотворные формы, я бы сказал, интенсификации процесса развития литературы для юных читателей. Разве не содействуют укреплению братства литератур Всесоюзные недели детской и юношеской книги, центрами которых каждый год становится одна из союзных республик? Разве совет по детской и юношеской литературе Союза писателей СССР не проводит очень интересные и важные творческие дискуссии в Москве и союзных республиках? Разве не полезны многочисленные семинары молодых литераторов — прозаиков, поэтов, драматургов, критиков? За последние десятилетия более двадцати детских и юношеских писателей удостоено почетных дипломов Международного совета по детской и юношеской литературе и других международных наград. Десятки стали лауреатами Государственных премий и премий комсомола союзных и автономных республик. Постоянно действуют всероссийские конкурсы на лучшую детскую книгу, проводимые Госкомиздатом РСФСР, Союзом писателей России и Союзом художников РСФСР.

Значит ли это, что в сфере того святого дела, которому мы с вами отдаем свои силы, свою жизнь, свое творчество, все обстоит благополучно? Нет, не значит! Я убежден, что в докладах, которые мы сегодня услышим, будут вскрыты серьезнейшие недостатки, поставлены большие актуальные задачи. Мы, верные решениям исторического XXVII съезда партии, должны быть непримиримы ко всему, что не заслуживает Знака качества, что не соответствует требованиям борьбы за прогресс, что устарело и тянет нас назад. Мы обязаны добиваться, чтобы внимание критики, газет и журналов к творчеству детских и юношеских писателей соответствовало вниманию к их творчеству миллионов юных и взрослых читателей. Мы не ждем и не просим похвал, нам нужны честные, объективные, глубокие исследования, продиктованные любовью к детям и к литературе, искусству, которые им служат».

С докладом «Проблемы детской и юношеской литературы восьмидесятых годов» выступил И. Мотяшов. Отметив немалые достижения этой части нашей литературы, служившей в последние годы, как и прежде, «палатой нравственных мер и весов» докладчик далее сосредоточил свое внимание на недостатках, существующих в нашей детской литературе «узких местах». Заметно ослаб интерес многих писателей к современной теме, к жизни сегодняшней школы, пионерской организации, комсомола, семьи. Вне внимания литературы сказались целые пласты действительности, в частности, так называемые неформальные объединения подростков и другие явления, свидетельствующие об определенных кризисных тенденциях в пионерском движении и в школьном комсомоле.

Дети и подростки, отметил далее докладчик, чрезвычайно чутки и нетерпимы к любой фальши, неискренности, несправедливости и неправде. Детская книга, замкнутая в кругу сугубо ребячьих дел и переживаний, неинтересна юным читателям: они либо не принимают такую книгу всерьез, либо вовсе отворачиваются от нее. Детям нужны полнокровные и правдивые характеры взрослых, которым бы они верили, но именно такие герои — редкие гости в нашей детской литературе. Это, конечно, не означает, что в детских книгах нет умных и добрых персонажей. Они есть, их даже много, так много, что читатель иногда перестает различать их лица. Этим умным и добрым персонажам слишком легко быть умными и добрыми. Ведь обстоятельства, в которых показывают их писатели, иначе как щадящими не назовешь. Эти обстоятельства ни в коей мере не являются проверкой душевных качеств и нравственных убеждений героя. Они не требуют от героя не только подвига, но даже сколько-нибудь существенного напряжения душевных сил. Увы, с юным современником происходило в некоторых литературных произведениях, в сущности, то же самое, что с современником взрослым. Он не встречался с настоящими трудностями, с большой бедой и сильным злом. Авторы не предоставляли ему случая ярко и сильно проявить прочность нравственной позиции, степень гражданской готовности. Его личность не подвергалась серьезным испытаниям и, стало быть, останавливалась в своем развитии и росте. Авторы, заботливо убиравшие с пути героя реальные препятствия, заменяли их картонными муляжами и словно бы не видели, что игрушечная «борьба» с игрушечным «противником» и самого героя ставит в нелепое положение, выводит за пределы правды и лишает доверия юных читателей. Современный читатель, и юный в том числе, требует сегодня не просто нового, свежего слова, но слова непременно искреннего, правдивого. «У нашей детской и юношеской литературы есть все возможности, чтобы сказать это слово», — отметил в заключение докладчик.

Тема доклада А. Алексина — «Литература и школа». Докладчик вспомнил замечательное высказывание Льва Толстого: «Школа есть одна из тех органических частей государства, которая не может быть рассматриваема и оцениема отдельно, ибо достоинство ее состоит только в большем или меньшем соответствии ее остальным частям государства. Школа хороша только тогда, когда она сознала те основные законы, которыми живет народ». Сделать эти законы сутью жизни школ, сказал далее докладчик, задача не только самой школы, но и литературы. Школьная реформа провозглашает, что главным воспитателем должен быть труд. Здесь нераздельны работа производственная и работа души человеческой, которая, по слову поэта, обязана трудиться и день, и ночь. Это и есть то самое, что мы именуем гармоничным развитием личности. Не только прекрасного специалиста мы должны вырастить (такова лишь часть задачи!), но прекрасного человека, который будет и достойным специалистом, и достойным гражданином. Тут для писателей поле деятельности необозримое. Но если в книге технические термины, скрежет металла и машинный гул заглушают биение сердца, мысли, мечты, юные читатели откладывают такую книгу в сторону.

Особое место уделил докладчик преподаванию литературы в школе, подверг критике новую типовую программу по литературе. Высказав ряд предложений по улучшению программы, А. Алексин поддержал предложение ленинградского литературоведа Н. Скатова, высказанное со страниц «Литературной газеты», о создании для подготовки новой программы «небольшой и мобильной рабочей группы, в которую должны войти ученые-филологи и методисты, представители писательской общественности и особенно практики — учителя».

Существующая и подготовленная программы по литературе, школьные учебники подверглись критике и в других выступлениях — И. Стрелковой, О. Попцова, С. Михалкова. И. Стрелкова, в частности, напомнила слова Ф. Абрамова, сказанные на прошлом съезде писателей: «Ну будут у нас физики, будут математики, будут иные специалисты, а человек-то, будет ли человек?!» Выдающегося русского писателя уже нет в живых, а кто-то по-прежнему кромсает школьные программы по литературе.

С Михалков приглашает на трибуну присутствующего на заседании президента Академии педагогических наук СССР М. И. Кондакова. Отвечая на предложения писателей, он, в частности, сказал: Полемика о школьном курсе литературы идет более двадцати лет и на страницах прессы, и в научных дискуссиях. Вспомним Твардовского, который, выступая на съезде учителей, сказал, что школьный курс литературы не приучает, а отлучает от литературы. Почему бы вам вместе с нами, засучив рукава, не работать над созданием программы книг для чтения, хрестоматий? Многие наивно думают, что это дело очень простое. Толстой работал над «Азбукой» много лет. Это такая книжка, говорил он, для которой и ста лет мало. Я был бы рад, если бы вы пришли и сказали: «Давайте включимся в эту работу».

Не откладывая дела в долгий ящик, участники заседания оперативно создали писательскую группу для работы совместно с Академией педагогических наук над книгами для чтения.

А. Лиханов выступил на заседании комиссии по детской и юношеской литературе с докладом «Гражданская позиция писателя». Художник, посвятивший себя детству, отрочеству, юности, отметил докладчик, — это рыцарь без страха и упрека. Таков идеал. Достигается ли он? Далеко не всегда. Нравственность идеала нередко уступает перед практицизмом поступка. Не выдерживают критики — с точки зрения гражданской самоотдачи — многие книги, написанные для детей на важные, в том числе политические, темы. Они часто неглубоки, выспренни, не воспитывают чувств, вызывают самое страшное, что могут вызвать, — усмешку недоверия. Дети чутки к правде и фальши и не принимают книг, поспешно сочиненных на потребу сиюминутности, без вложения души и сердца, чем порой грешат довольно известные авторы. Писать плохо для детей — безнравственно (об этом говорил еще Л. Толстой), писать же плохо, поверхностно, кривя, ничего не добавляя к сказанному прежде, о Ленине, о революции, об истории Отечества не только безнравственно, но и преступно. Защита беззащитного детского сознания от дурного вкуса, лживых стереотипов, воспитание творческой, личностной сути в каждом человеке — это и есть перспектива нашего художественного развития, высшая наша гражданская цель.

С докладом «Переводы детской литературы братских республик на русский язык» выступила И. Токмакова. Отметив большие успехи переводчиков произведений, созданных в братских республиках, она, как и другие докладчики, основное внимание сосредоточила на выявлении нерешенных вопросов, поиске путей к преодолению имеющихся в области перевода трудностей и издержек. Речь шла о проблеме подстрочника, знании переводчиком языка, с которого он переводит, об общей невысокой поэтической культуре многих стихотворцев, специализирующихся на переводе детской поэзии. В докладах были названы произведения, созданные за последнее пятилетие и полюбившиеся юным читателям, а иные были подвергнуты критическому анализу.

Выступившие в прениях С. Алексеев, С. Баруздин, О. Попцов, В. Крапивин, А. Кулешов, Р. Погодин, В. Санги, Л. Кузьмин, Т. Полозова отмечали высокий гражданский пафос современной литературы для детей и юношества, высказывали свои соображения о путях улучшения положения дел в детской литературе, о создании для писателей, работающих в этой области, условий, благоприятствующих наиболее полному раскрытию их талантов. Разговор велся нелицеприятный, конкретный, деловой. С. Алексеев напомнил о том, что принятое в свое время решение о создании детского «толстого» литературно-художественного журнала так и осталось на бумаге. С. Михалков добавил, что до сих пор не открыт Центр детской литературы, необходимость создания которого обсуждалась на самых разных уровнях. Выступавшие высказали ряд предложений по совершенствованию нашего книгоиздательского дела: улучшению полиграфического уровня книг для детей, сокращению сроков прохождения рукописи, проведению тиражной политики. Предлагалось увеличить количество литературных передач для детей на телевидении и радио, вернуть киностудии имени М. Горького ее прежний, «детский» статус, возродить издание «Роман-газеты для детей» (что когда-то называлась «Новинки детской литературы»), регулярно публиковать в критических разделах литературной печати статьи о книгах для детей и юношества, а молодежным органам вменить это просто в обязанность. Издательство «Детская литература», сообщил С. Баруздин, выпустило 15 собраний сочинений детских писателей, но ни одно из них не нашло никакого отзвука в литературной или нелитературной печати. Детская литература, сказал он, — дело государственное и требует к себе государственного подхода. Он подчеркнул, что повседневная забота о детях во всех сферах жизни — наша обязанность.

В обсуждении приняли участие представители практически всех советских республик. О проблемах детской литературы как во всесоюзном масштабе, так и у себя в республиках говорили Ю. Збанацкий (Украина), М. И. Магимбеков (Азербайджан), К. Тангрыкулиев (Туркмения), Р. Инанишвили (Грузия), В. Пальчинскайте (Литва), В. Козько (Белоруссия), П. Шермухамедов (Узбекистан), А. Веян (Латвия), И. Хадырка (Молдавия), К. Найманбаев (Казахстан), С. Арутюнян (Армения), К. Жусупов (Киргизия). Совокупность этих выступлений нарисовала картину плодотворного развития братских литератур, обращенных к юным читателям, и тех задач, которые непременно должны быть решены.

«Я думаю, — сказал в заключение С. Михалков, — что перед писателями, перед всей нашей детской литературой открылся край непочатой работы, целая «неизведанная» целина, которую мы обязаны вспахать и засеять лучшими семенами. И эти новые горизонты открыло нам само наше время, исторические решения XXVII съезда партии, задачи, выдвинутые им перед деятелями советской культуры. Так будем же достойны этих великих задач».

Анатолий АЛЕКСИН

Дмитрий Иванович Писарев утверждал: «В воспитании все дело в том, кто воспитатель». Это относится и к такому воспитателю юного поколения, как книга. О том, каким должен быть этот воспитатель, и шел разговор на комиссии съезда по детской и юношеской литературе.

Среди книг есть воспитатели великие: это творения классики. Широка ли дорога, которая приводит их к нашим школьникам? У нас фактически узаконен термин — «проходить литературу», хотя известно, что проходить можно лишь мимо чего-нибудь. Нет, я вовсе не собираюсь намекать на то, что вся наша школа проходит мимо литературы. Это не так! Учительское предназначение — благороднейшее, подвижническое предназначение! Мы знаем талантливых учителей-словесников, не только понимающих, что литература — «мать всех искусств», а и преподающих ее как искусство. Но сколько в этой сфере тревожных проблем! Острый, прицельный «критический огонь» испытала на себе новая типовая программа по литературе. Несмотря на определенные достоинства программы, она в целом не принята писательским и широким общественным мнением. В одном из писем читаем: «Три часа в неделю на литературу в юношеский период — это уже тот предел, за которым, как сказал бы Гамлет, молчание».

В. Г. Белинский писал: «Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нежное, благоуханное и грациозное во всяком чувстве Пушкина. В этом отношении, читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека... Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества, образователем юного чувства». А как же этот гениальный образователь и воспитатель представлен в «программах по литературе для средней общеобразовательной школы»? В пятом классе, к примеру, девять часов, а в седьмом — всего пять... Оказывается, полностью поэма «Руслан и Людмила», если употреблять узаконенную школьную терминологию, не «проходится». А как проходится? Обратимся к программе: «У лукоморья дуб зеленый»; песня третья со слов «Пред ним открылся дол широкий...»; песня шестая со слов «Но только свет луны двурогой...». Вот вам и все.

Значит, умно и компетентно созданная программа по литературе нужна как воздух...

Могу сообщить, что мысль о создании комиссии, которая бы подготовила «школьную программу по литературе» и в которую бы вместе с учеными и практиками-учителями вошли писатели, литературоведы — эта мысль не только поддержана Академией педагогических наук СССР, но уже и осуществляется. Думаю, тут помогут и предложения, прозвучавшие у нас в зале.

На нашей комиссии была создана и «рабочая» писательская группа, которая поможет созданию «книг для чтения», адресованных ученикам младших классов.

Олег Попцов сообщил о социологическом опросе, проведенном в одной из московских школ. «Там 1200 учеников, прекрасная библиотека, богатая произведениями русской классики. Но ни разу не были взяты учениками книги Ломоносова, Державина, Карамзина, Баратынского, Вяземского, Гоголя, Достоевского, Тютчева, Сухово-Кобылина, Шевченко, Леси Украинки, Бунина, Куприна, Пришвина...» К примеру, незабываемый, на мой взгляд, вечер Д. С. Лихачева по телевидению смотрел, увы, лишь один педагог (преподавать рисования и черчения). Из опрошенных семидесяти двух учеников передачу смотрела одна девочка. Есть над чем поразмыслить!

«Ничего формального! Ничего ради поспешности отклика, ради показухи!» — это активно провозглашалось на нашей комиссии.

В связи с этим вспоминаются некоторые читательские конференции, когда на сцену один за другим поднимаются школьники и называют свои «самые любимые» книги. Лица и голоса разные, а названия книг почти всегда одни и те же. Спрашиваю: «Ну, а «Три мушкетера»?» Оказывается, с этой книгой многие вообще не расстаются. «А почему же не называете?» — «Да как-то не принято!» Становится страшновато не за «Трех мушкетеров», а за те прекрасные книги, которые в сознании ребят могут поблекнуть, потускнеть от буднично-заученных, формальных упоминаний, от формального восприятия.

И об этом говорили на нашей комиссии.

На одной читательской конференции меня спросили: «Припоминаете ли вы какой-нибудь факт, который можно назвать, по вашему мнению, апофеозом формализма?» Я припомнил.

Однажды нас с Маршаком пригласили выступить в знаменитом пионерском лагере. Маршак, уже немолодой и не очень здоровый, опустился в соломенное кресло и начал рассказывать, читать стихи. Но ребята его не слушали. Я поразился: не слушали прославленного Маршака! Когда время дошло до меня, я, сориентировавшись, сказал: «Не хочу отрывать вас, ребята, от моря и солнца. Желаю счастливого отдыха!» В ту же минуту к нам подбежал начальник лагеря и, захлебываясь от восторга, воскликнул: «Поэкрасные выступления! Мы так благодарны...» «Но почему же дети не слушали?» — спросил я. «Вы не обращайте внимания! Это ребята из международной смены, они по-русски ничего не понимают... Но зарядку коллективу дали великолепную!» Это было действительно апофеозом формализма: пригласили Маршака, чтобы поставить «галочку».

Не для «галочки» ли, не для того ли, чтобы «отметиться», якобы проявить заботу о школе и ее проблемах, сочиняются иные рассказы и повести, столь же далекие от школы, сколь и вообще от жизни? Этот вопрос звучал вчера у нас на комиссии.

Иногда «тему нравственности» вычленяют в некую особую, как бы отдельно существующую тему. Но ведь нравственность всеобъемлюща и неделима! В. И. Ленин писал: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали». Значит, проповедь благородства, идейной убежденности, высокого патриотизма, отваги, трудолюбия — всех нравственных достоинств! — долг воспитателей юности. Значит, по-гайдаровски дать бой празднему суесловию, отчуждению дела от слова, формализму и показухе, цинизму, жестокости, зависти, тунеядству — всему, что несовместимо с нормами морали, — тоже наш долг. И многие книги этот долг выполняют достойно.

Однако Игорь Мотяшов справедливо сказал в своем докладе на комиссии: «Несмотря на появление в минувшем пятилетии многих значительных художественных произведений, в общем-то температуру социального накала детской и юношеской литературы нельзя считать удовлетворительной... Все еще слишком велик процент книг, «фирменной маркой» которых являются беспомощная подражательность и эклектика, унылое, многословное описательство, отсутствие самостоятельной и серьезной мысли. Особенно обидно, когда это проявляется в произведениях на гражданскую» (по замыслу, но отнюдь не по результату) тему. Какую глухоту к звучащему русскому слову, к музыке и смыслу родной речи надо иметь, чтобы написать:

Моей матери мать
В этом поле работала,
И моя в нем работает мать.
Это древнее поле сохранило мне
Материнским наделить.

Как видим, автор заимствует прекрасный айтматовский образ. Заимствует, чтобы опошлить».

Хочется вспомнить другое (известное многим из вас) стихотворение молодого поэта Бориса Лебедева, как бы провидевшего свою судьбу и написавшего о матери, сидящей возле постели неизлечимо больного сына:

Двадцать дней и двадцать ночей
Он жить продолжал, изумляя врачей.
Но рядом с ним была его мать —
И смерть не могла его доломать.
Двадцать дней и двадцать ночей
Она на сводила с него очей,
И лишь на двадцать первые сутки
Она вздремнула на полминутки,
И чтобы не разбудить ее,
Он сердце остановил свое...

Отношение к матери — пробный камень всех человеческих достоинств. И горестно получать письма, повествующие о детях, предающих матерей своих. Но никогда матери не называют при этом имен неблагодарных детей, не сообщают, где и кем они работают, а вдруг у них будут неприятности! Матери остаются матерями, а подлецы — подлецами. Воспитывать преклонение перед подвигом материнства — долг детской и юношеской литературы.

И вот какие возникают предложения... Быть может, вслед за Годом ребенка и Годом молодежи по нашей инициативе землю обогреет Год матери? И, думаю, благородно было бы воздвигнуть в Москве памятник Епистинии Федоровне Ставровой, отдавшей Родине девять своих сыновей!

Выступавшие вчера на комиссии подчеркивали, что полуправда в искусстве страшнее лжи, ибо это ложь, которая рядится в одежды правды, тщится выдать себя за правду. Альберт Лиханов в своем докладе сказал в связи с этим: «Увы, правда понимается порой трудней, чем полуправда. К примеру, до сих пор в некоторых областях страны не выпущен на экран фильм «Чучело» по повести Владимира Железникова. И лишь по той причине, что правда оказалась слишком ударяющей с точки зрения запретителей. Однако в искусстве, как и в жизни, давно известен закон излечения боли болью. В этом оно сродни хирургии. Вполне очевидно, что остановить подростка от жестокости — гуманная цель литературы. Ее и выполняют повесть и фильм. В качестве аргумента запретители говорят о том, что боятся распространения жестокости после фильма. Что ответить на это? Умолчание о зле еще ни разу не приводило к его искоренению. Заботясь о нравственном здоровье молодежи, мы должны использовать все лечебные методы: и терапию, и гомеопатию, и хирургию».

Во вступительном слове Сергея Михалкова, в докладах, произнесенных на комиссии (в том числе в глубоком докладе Ирины Токмаковой «О переводах детской литературы братских республик на русский язык»), в выступлениях делегатов из Москвы и Ленинграда, из Свердловска и Перми, из всех союзных республик звучала сердечная забота о молодых дарованиях, которым принадлежит завтрашний день литературы. Вспоминались строки Пушкина посвященные Державину. И особенно два слова — «заметить» и «благословить». Какое это счастье — заметить и благословить тех, кто достоин благословения!

Дорогие друзья!

Наша литература, адресованная юным, признана во всем мире прогрессивными деятелями самой гуманной и честной. Работать, творить во имя молодых поколений, а значит, и во имя грядущего... Что может быть почетней и что может быть ответственней!

В перерыве между заседаниями

Репортаж из Большого Кремлевского дворца вели Т. БАЖЕНОВ, В. БОГДАНОВ, А. КАРЗАНОВ и З. КРОХИН

● Римма КАЗАКОВА и Ираклий АБАШИДЗЕ

● Алесь АДАМОВИЧ и Виктор КОНЕЦКИЙ

● Владимир ЛИЧУТИН и Анатолий КИМ

● Пирма КАННИЛА (ФИНЛЯНДИЯ) и Виктор ТЕЛЬПУГОВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Костянский переулок, 13. АДРЕС ДЛЯ ТЕЛЕГРАММ: Москва, К-45, Костянский пер., 13; ДЛЯ ПИСЕМ: 103654 ГСП, Москва, К-51, Цветной бульвар, 30; справочный телефон — 200-24-17.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ, Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Ю. ИЗЮМОВ (первый зам. главного редактора), Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, В. МОЕВ (отв. секретарь), Л. НОВИЧЕНКО, Ю. ПОРОЙКОВ (зам. главного редактора), О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

А — 00400 Номер подписан к печати 30/VI-86 г. Типография «Литературной газеты»: Москва, Б. Цветной бульвар, 30 Зак. 563 ИНДЕКС 50080